

ОТ АВТОРА

Уважаемые читатели! Приветствую вас на страницах моей первой (хочется надеяться, что не последней) книги.

Литература – это целый спектр возможностей и огромные просторы для фантазии. Листая эти страницы, вы

непременно окунетесь в мир сказочных грез, романтики, глубокой душевной привязанности и обжигающей страсти.

Книга разделена на четыре части. Первая называется «Калейдоскоп» и состоит из нескольких рассказов, не

имеющих ничего общего с моими повседневными реалиями. Вторая носит название «С любовью...» и посвящается

очень близкому мне человеку в прошлом. Здесь – тревоги, обиды, ностальгически-грустный трепет и безумная,

головокружительная чувственность. В третьей части читатель найдет несколько моих стихотворений – робкая

попытка передать чувства при помощи символов. И, наконец, четвертая – «Автопортрет» – дает представление об

авторе.

Приятного чтения!

С уважением, Е. Кульянова

ЧАСТЬ I. КАЛЕЙДОСКОП

[Двенадцать]

Однажды дюжина чувств поднялась с Земли и собралась под небесными чертогами. Эмоции не могли найти

компромисс и ужиться вместе в человеческих душах, терпению пришел конец.

Они обнажили свои намерения перед Господом Богом для того, чтобы он решил, кто из них достоин править миром в

гордом одиночестве, кто сможет вынести на своих плечах все мирские беды, кто готов отдать себя на растерзание

алчным и циничным людям. Каждое из них было обязано выдвинуть хотя бы один веский аргумент в свою пользу,

доказывающий превосходство одного над всеми прочими.

Господь присвоил каждому личный номер. В этом порядке они обступили небесного Владыку, и каждый степенно произнес слова своей пламенной речи, дабы услышать окончательный вердикт, а после стать избранным и вскоре завладеть всем человечеством.

I. Ненависть – Франциска

Господи, взгляни же на них! На эти жалкие чувства, ничтожные и презренные! И раз уж я удостоилась чести

выступить первой, то пусть соизволят дослушать мой длинный монолог! Кто как не я сможет поставить людей на

ноги, дать им силы и уверенность в завтрашнем дне?! Я смелая и отважная, в компании со мною ни один человек не

пропадет!

Неужели вы и вправду решили, что слабачки Вера, Надежда, Нежность и Любовь смогут тягаться с моей

стремительностью, моей энергией?! Или легкомысленная Страсть, а может, даже занудная Справедливость?!

Омерзительная Лень вообще не в счет! Противников я вижу лишь в Гневе, Скепсисе, Жестокости и Гордыне –

остальные полные нули, песчинки, не способные тягаться с разрушительной силой Ненависти!

Человек слаб и беззащитен, я вторгнусь в его земли и склизкой жгучей болью проникну в сердце каждого! Люди

будут испытывать ужасные муки, они вспомнят о своих врагах и проклянут их на чем свет стоит! Кто-то будет

ожесточенно мстить, выплескивая наружу тайны своей гнилой сущности, кто-то возненавидит самого себя и

второпях затянет петлю на собственной шее! Люди будут конфликтовать и враждовать на каждом углу, затем

терпение лопнет и они начнут убивать друг друга, ведь ненависть – двигатель

войн и разрушений! Я вселю в жизнь каждого хаос и смятение, я уничтожу остатки света в их бранных душах, я

растопчу тепло их дружеских связей и доведу планету до точки кипения!

Люди заслужили столь отвратительное отношение – они не хранят то, что имеют, они падают в глазах друг друга и

собственноручно умерщвляют то, что наполняет их серые будни какой-то маломальской ценностью! Кем-то правила

Надежда, кем-то Вера, кто-то стремился совладать со Страстью, а кто-то таял от Нежности, но к чему все они

пришли? Те, кто надеялся на улучшения в будущем, в результате поняли, что все их бесчисленные попытки

справиться с тягучим ожиданием тщетны. Те, кто верил, с течением времени попросту отчаялись и опустили руки.

Те, кто разжигал в себе страсть, сгорели в собственном похотливом желании. А трепетная нежность вообще

размягчила людские сердца и сделала их уязвимыми. Ничто не вечно из этих чувств, лишь я могу испепелять души

на протяжении столетий, могу оттягивать мучительную смерть своих носителей, могу вселять в них силу и давать

новый старт для совершения воистину героических поступков. Суровых и окропленных кровью, но от этого не менее

значимых.

Я стану для людей огнем, согревающим их дрожащие ладони в момент отчаяния, стану стимулом жить дальше и

качать обидчиков. Я справлюсь, дайте только шанс. На этом моя речь закончена.

II. Справедливость – Стюарт

Что ж, если для Франциски вдохновение черпалось лишь из кровопролития и боли, то для меня искомой целью

является обретение надежности, уверенности и, безусловно, торжество правды на балу земных обитателей.

Да, не скрою, я занудлив, но лишь от упорного стремления к достижению собственной цели. Я сосредоточен и решителен ничуть не менее Франциски, но методы справедливости гораздо более гуманны и мягки. Я не вселяюсь в

души сразу резко и пронзительно, дабы не разрушать их чуткую структуру, ведь люди так ранимы и чувствительны,

их нужно оберегать вместо того, чтобы разрушать подобно Ненависти. Я буду витать в воздухе по всей планете,

кружить между домами по витиеватым улочкам, постараюсь проникать в сердца понемногу, степенно и осторожно.

Те, кем я полностью овладею, будут завершать начатое мною дело, верша эту самую справедливость по всей Земле.

Я только дам им старт, сделаю чуть более внимательными, строгими и серьезными. Они быстро обучатся и станут

творцами настоящей честности, закладывая к ее подножию камни искренности и верности.

Вскоре на всей земле восторжествует долгожданная правда и люди поблагодарят меня за все содеянное, не

допуская впредь ошибок прошлых лет и начисто стирая из памяти свое никчемное грязное прошлое. Они научатся

жить по-новому, совсем иначе, станут терпимее и спокойнее. И я, поселившись в их душах отныне и навсегда, буду

устанавливать свои законы, вершить правосудие и прижигать остатки Ненависти в крохотных людских телах.

III. Вера – Фэйт

О, Стюарт! Ты и вправду несносен... ваши с Ненавистью идеи утопичны, взбалмошны, свирепы, хоть и отличаются

друг от друга. Да вы просто диктаторы, ни дать, ни взять – тираны, готовые привести несчастных на тропу войны

любыми способами!

И где твоя гуманность, милый друг? Что Франциска пытается разрушить то, что от людей еще осталось насилием и

злойбой, что ты добиваешься торжества справедливости, даже если для ее добычи людям придется глотки друг другу

перегрызть... Об этом ты подумал?! Богатых заключат оборванцы, преступников «наградят» высшей мерой

наказания: все станут жить по-честному, не спору. Абсолютное равенство. Никто не сможет выделиться из толпы.

Пойми, столь маниакальное с твоей стороны желание добиться правды и восторжествовать смотрится как ужасающая

кара для человеческих душ! Ты будешь почивать на лаврах собственной победы, но не позаботишься о тех, кого

твоя справедливость покарает! Я против, искренне против!

Взгляните на меня, ведь я чиста и откровенна перед всеми вами! Я готова горы свернуть и вселить в людей

исчезающий свет Надежды, ведь мы с ней родные сестры, и я ни капли не стыжусь этого! Я окрыляю людей, даю им

силы подняться с колен и чувствовать себя живыми. Я мягкая, теплая, уютная – проникнуть в их сердца не составит

большого труда.

Они начнут стремиться к совершенству, обретая мечты и свято веря в их исполнение! Они будут верить друг другу,

родным и близким, будут верить в нас с вами, будут верить в чудеса и сказки! Они поймут, что все чувства по

сравнению со мной меркнут, ведь я людей окрыляю, возношу их на Олимп сказочных грез!

Я незаметно подарю людям второе дыхание, и свет в конце тоннеля безысходности будет ярче с моим присутствием.

Поверьте, я не стремлюсь унижить и оскорбить человечество, напротив, помогаю каждому обрести то самое счастье,

утраченное при смешении чувств.

IV. Гнев – Патрик

Фэйт, ты и вправду так наивна? Ха-ха, жалкая сопливая девчонка. Тягаться со мной вздумала! Да я тебя одним

щелчком пальцев сотру с лица Земли, места мокрого не останется. Ты омерзительно ничтожна: пустое место,

ноющее и толкающее свои дурацкие навязчивые идеи. «Люди будут верить, люди будут верить...» Бла-бла-бла.

Кому они поверят? Тебе? Ну да, особенно тогда, когда на пике усталости хрупкого человеческого тела ты покинешь

их сознание, оставив в одиночестве догнывать в предвкушении неизбежного конца. Другьям поверят, любимым? А те

будут глумиться, обманывая их снова и снова, лицемеря налево и направо, упиваясь собственной безнаказанностью.

Людям вообще нельзя доверять, ни за что на свете. В сказки научатся верить? Да, вот это неплохая задумка – пусть

каждый поверит в то, что можно научиться летать и сиганет с крыши собственного дома. А потом все дружно

подберут свои переломанные кости и поверят в то, что все само пройдет и шрама не останется. И пусть они

надеются, что добрая фея посетит их на днях, избавив от ужасной боли и адских мучений. Ты просто слепа – и

поделом тебе.

Я рассудителен и холоден, самовлюблен и свиреп. Я проберусь в ранимые сердца и поселюсь там надолго. Людям

будут затаивать обиды, хранить их за семью печатями. Они будут кипеть от злости, но только в глубине души, виду

не показывая. В отличие от пылкой Франциски я спокоен и мыслю адекватно до того самого момента, пока

переполненная чаша людских обид не выплеснется за края их сознания.
Вот тогда наступит всемирный хаос,

мощный и сногшибательный! Времени на раздумья не останется вовсе,
люди будут сходить с ума и убивать друг

друга в перерывах между собственными мучениями! Это торжество крови
заслужит всяческих похвал, иначе просто

быть не может!

Наказание людям за их неосмотрительность в виде моего распыления по
земной коре будет лучшим вариантом для

всех.

V. Надежда – Анна

Ты просто психопат. Ужасный, наглый, подлый психопат. Мы с Фэйт не
допустим, чтобы такой борзый и

ожесточенный юнец смог править целым миром! Ты ничуть не лучше
Ненависти, так же бестолков. Чего вы

добьетесь, уничтожив людей, заставив их поплатиться за нелепые
ошибки молодости и искупить вину собственной

жизнью? Вы просто психи, маньяки и садисты! Разве так должна для
человечества начаться новая эпоха? Разве в

этом смысл обитания разных народов на Земле?

Если мне предоставится возможность попасть на планету и осторожно
пробраться в тело каждого ее жителя, я

сделаю все деликатно и тонко, спасу все до единой заблудшие души,
заставлю их надеяться на просветление.

Я подарю им крылья так же, как и Фэйт. Люди вознесутся над миром,
забыв про все беды и затаенные обиды. Они

очистят свой разум от злобы, ненависти и гнева. Обретут вечную
свободу на просторах вселенной и каждый новый

день будут просыпаться с верой в лучшее «завтра».

Моя речь коротка, но от этого не менее весома. Я обещаю сделать людей
терпимее и добрее. Ведь с моим

присутствием все они будут надеяться друг на друга и ценить каждое
мгновение собственного существования.

VI. Скепсис – Чарли

Милая Анна, а ты уверена, что твои светлые намерения на планете хоть кому-нибудь нужны? Думаешь, что тебя там ждут и встретят с распростертыми объятиями? Сомневаюсь, ох как сомневаюсь. А Патрик – нужны ли его пылкие стремления человеческим душам? Франциска с ее патологической агрессией кому-нибудь пригодится? Не говорю уж о зануде Стюарте с его болезненной идеей изменить весь мир в лучшую сторону. Не проще ли относиться к своим стремлениям с долей здорового скепсиса? Задумайтесь хорошенько над своими словами, а потом возьмите их обратно и не тратьте силы на выдвижение собственных кандидатур. Словно баллотируетесь в президенты, как дети малые.

Не проще ли всем быть как я – уверенными в себе на двести процентов, гордыми и проницательными? Справляться с

каждой поставленной задачей играючи, подвергая сомнению самые безобидные идеи? Это весело, друзья мои!

Попробуйте хоть раз очутиться в моей шкуре! О великий Скепсис, как ты божественен в своем первозданном

девственно-чистом облики – строг и упрям, чрезмерно податлив и доступен каждому смертному!

Не стоит говорить, что сделаю я, оказавшись на месте этих взбалмошных глупцов. Меня ценят люди, мною

интересуются, мою скромную персону примут с огромным удовольствием, впуская великое чувство в собственные

сердца. Я очень галантен и проникновенен, таинственен и благороден. Я обольстительный негодник и найду общий

язык едва ли не с каждым живым существом на круглой голубой планете. Перед очарованием Скепсиса не устоит

никто и никогда.

Пустите меня на Землю и я докажу, как это прекрасно – заставлять людей не верить никому и подвергать сомнению

любую мелочь или же, напротив, даже собственное существование. Это тихий хаос, спокойный и размеренный –

вплоть до вселенского сумасшествия. Я очень талантлив, и у вас есть возможность в этом убедиться.

VII. Страсть – Роксана

Ммм... самовлюбленный до чертиков Чарли. Ты, без всякого сомнения, пробуждаешь в моей страстной душе

трепетную чувственность. Поговорим об этом после: залетай ко мне на ужин, там все и обсудим.

Что я могу сказать? Представительницы нашей компании пускают розовые сопли и брызжут слюной, доказывая

собственную значимость. Точнее наоборот, подтверждая ее отсутствие. Представители же, напротив, отстаивают

свое мнение до последнего, очень темпераментно, что не может не подкупать. Мне нравятся такие бойкие чувства, я

с ними на одной ноге.

Моя теория заключается в сближении людей во всем мире друг с другом. На свете столько красивейших пар, так

часто встречается абсолютная совместимость мужчин и женщин по всем параметрам, но главная проблема

заключается в том, что пары эти разбиты и разбросаны по всей Земле, а значит, даже не догадываются о

существовании своих половинок. Могу это исправить. Вселившись в души, я заставлю людей следовать за

природным чутьем, выискивать объект своих тайных фантазий, находить его и отдаваться всеобъемлющему

желанию!

Ведь это так прекрасно – симпатия, влечение, безумные объятия и жаркие поцелуи! И пусть они наутро разбредутся

по своим полюсам, суть в том, что след, оставленный мною в их душах, будет не похож ни на чей другой. Он будет

прожигать тела сладчайшим ядом замедленного действия, пока люди будут обожать друг друга, восхвалять и

почитать!

Потом я перерасту в иступленную сердечную боль, мигрень и жажду поскорее свести концы с жизнью. Да, это

печально, но такова моя природа – природа истинно болезненной Страсти. А в ком-то я и вовсе погасну, медленно и

заунывно. Тогда люди останутся вообще без чувств... Боже, я об этом как-то не подумала. Хммм... тогда, надеюсь,

вы снова отправите меня на Землю, дабы люди пережили это пылкое чувство на себе еще раз. Уверена, мы что-

нибудь придумаем. Я не настолько глупа, чтобы лишать себя возможности поучаствовать в этой лотерее.

Будь что будет.

VIII. Жестокость – Джеймс

Рокси, дорогая, твоя речь так интригует. Быть может, нам стоит объединиться и отправиться на Землю лишь вдвоем?

Думаю, вышел бы неплохой тандем.

Ты заставляешь людей сближаться, таять в объятиях друг друга, я же отыгрываюсь на ощущениях и, проникая в

разгоряченные тела, заставляю людей проявлять затаенные садистские наклонности... Ух, детка, брось своего

напыщенного индюка Чарли и забеги ко мне вечером, найдем о чем поговорить.

Что же касается моей кандидатуры – прямолинеен, алчен, зол и чрезвычайно болезненно переживаюсь слабыми

людишками. Они льют слезы и впадают в депрессии, получая порцию меня от своих вторых половинок, родных или

друзей. Гадкие сопляки. Но, тем не менее, я требую второй шанс! Грубо вторгнувшись в их души, я заставлю

влюбленных расстаться, родных возненавидеть друг друга, жестоко преданных друзей утонуть в озере собственной

печали. Без всех этих интеллигентных примочек Патрика и свирепой ярости Франциски.

Я буду тихо осторожно травить жалкие людские души, угнетать их, давить со всех сторон, пока они не выдохнутся

вовсе и не отдадут концы. Я сильнее всех предыдущих ораторов вместе взятых, кроме Рокси, разумеется. От меня

все шарахаются, мною боятся обидеть, оскорбить. Я чрезвычайно страшен, я правлю над прочими чувствами, не

будучи самовлюбленным эгоистом, каким является пустоголовый Чарли.

Я мещанин, простой и далекий от аристократических светских бесед, но моя уникальная способность отравить

человеку душу за считанные минуты творит чудеса. Я уничтожу людишек, сделав их всего за несколько дней самыми

несчастливыми во всем мире. Они переживут на себе боль отчуждения, вступив со мной в заведомо неравный бой.

IX. Нежность – Сьюзан

Мерзкий извращенец, вот ты кто, Джеймс! И держи свои потные ручонки подальше от моей лучшей подружки Рокси!

Лишь бы убить, заставить мучаться и уничтожить – да что за чувства здесь собрались, в самом деле?! Пустите лучше

меня! Я легкая, робкая, отзывчивая – быстро нахожу с людьми общий язык и заставляю их отдавать всю искреннюю

симпатию, всю ласку, все тепло, на которые они только способны, друг другу!

Выиграть в этой войне возможно лишь изящным способом, тонким. Я овладею человеческими душами, сердцами и

телами, они отдадутся в мою власть, ныряя с головой в пучину нравственного удовольствия и любования друг

другом. Каждый человек почувствует на себе истинно святую ценность принцессы благородных кровей, чье имя

Нежность.

Хотя, если отпустить нас вместе с Роксаной, возможно, выйдет даже лучше, ведь страсть, сопутствующая мне,

сможет горы свернуть и весь мир подмять под нас двоих! Грубые чувства не способны растопить холодность

отчужденных людских разумов и отравленных ядовитой правдой жизни сознаний. Здесь нужен женский подход,

мягкий, но в то же время чертовски уверенный. Мы с Роксаной уже многие годы идем рука об руку, так позвольте и

в этот раз доказать остолопу Джеймсу наше сладостное превосходство, обернув людей в кружева всепоглощающих

привязанностей друг к другу.

Позвольте нам вновь спуститься на планету и сделать человеческие жизни по-настоящему счастливыми, скрепив

всех жителей Земли узами возвышенных чувств.

Х. Жадность – Фрэнсис

Сьюзан, не жалко тебе распылять свою благодать на ничтожное человечество? Да и вообще, вам всем не жалко

тратить ускользящие минуты за пустой болтовней?

Вы глупы и примитивны, я, хоть и не вырос среди благородных чувств, чрезвычайно прагматичен, бережлив и

достоин особых похвал с вашей стороны. Вы тратите силы, стремитесь к достижению поставленных ранее целей,

пытаетесь из кожи вон вылезти, дабы произвести хоть маломальское впечатление... Я же не понимаю одного –

зачем? Неужели вам так дались эти люди? Мне вот – нет. Они достойны лишь презрения.

Я старый мудрый сэра Фрэнсиса, уже бывавший на Земле и собравший с нее все самое лучшее: понемногу от каждого

чувства, от каждой человеческой эмоции. У меня есть браслет Веры, ежедневник Гнева, зеркало Скепсиса и даже

подвязка юной Роксаны. Теперь все это добро хранится у меня внутри и я полностью доволен собственным

существованием. А что еще для счастья надо?

Вы спорите о том, о чем спорить совершенно не обязательно. Мне эта пресная беседа в тягость, к тому же я многое

упустил, ведь слуховой аппарат уже давно не тот, да и желания слушать ваши юношеские бредни нет никакого.

Меня не стоит возвращать на Землю, я и не прошу. Не знаю, как здесь оказался и с какой целью. Заканчивайте

поскорее и отпустите меня восвояси. Буду вам очень признателен.

XI. Гордыня – Маргарет

Ха, да вы только послушайте этого умудренного жизнью старика! Никакой гордости, никакого чувства собственного

достоинства. Хоть бы не позорился, упоминая про слуховой аппарат и чужие украденные вещи, фетишист чертов.

Что мне нужно от сего мероприятия? Спуститься на Землю, внезапно вселиться в души страждущих, как и всем

прочим. Думаю, этим заявлением я никого не удивила. Потом я заставлю людей, наконец, поверить в свои силы,

встать на ноги и укрепить свою позицию в обществе, я заставлю их стремиться к идеальной жизни и гордиться

каждым собственным поступком.

В конечном итоге все люди станут сильными, надежными, мощными, и сравнить их можно будет, разве что с богами.

Я сделаю из каждого целеустремленную личность, способную на героические свершения, завоевания новых земель

и территорий, подчинение более слабых, и тогда в мире воцарится...

– Настоящий хаос, раздор, война и снова кровопролитие... Как же вы все предсказуемы... – пролепетала юная

Любовь по имени Энжела, стоявшая в списке присутствующих двенадцатой. – Стремитесь подчинить себе людей,

завладеть их душами, править миром. Мне же это не нужно. Люди сами ищут меня, стремятся ко мне, бегут изо всех

сил, а когда обретают хоть капельку моего хрупкого внимания, парят от вселенского счастья.

Вы взбалмошны и несуразны, смешны и нелепы. Каждый так красноречив и пылок в своем стремлении стать

главным, но, по сути, все вы бесполезны в одиночку и ни к чему хорошему не приведете – тут и загадывать нечего,

все как на ладони. И сейчас, пока люди искренне нуждаются во мне, я прозябаю здесь, слушая пустую болтовню,

которая ужасно надоела. Так что не буду медлить и направлюсь к ним, а вы сидите здесь и тратьте свое драгоценное

время зря.

С этими словами Любовь спустилась с небес на одинокую Землю и заполонила собой все вокруг. После ее короткой

речи чувства взглянули друг на друга совершенно иными глазами и устыдились собственной жалости.

В конечном итоге Господь наказал каждое из них: обрек на вечные скитания по улицам, домам, полям и городам в

поисках людей. Сопутствуя Энжеле и всячески прислуживая этому вспльчивому и ранимому чувству, одиннадцать

эмоций вновь поселились в одиноких душах. И цель у них была одна – помочь стремительной Любви наполнить

жизнь каждого человека яркими красками с тем, чтобы восстановить на поверхности голубой планеты мир.

Да будет так.

[Искушение]

Скажите, во что вы верите? В неизбежное прикосновение судьбы к собственной жизни или же в череду странных и

зачастую необъяснимых случайностей, полных чарующей интриги? Да, вы можете верить и в Санта Клауса, и в

Господа Бога. В любовь и в счастье, которое почему-то обходит ваш уютный домик стороной. Что я об этом думаю?

Честно? Мне наплевать на вас и ваши суеверия. Так живется проще. Я вот не верю ни в детские сказки, ни в слова

прощения.

На свете существует всего одно чувство, достойное почивать на лаврах лидера среди прочих, способное свести любого человека с ума своей сокрушительной силой. И это чувство – страсть. Она ни ждет, ни терпит времени, спонтанно и своевольно завоевывает наши сердца и мысли. Мы подчиняемся ей, сами того не желая, ломаем барьеры, стереотипы, выходим за рамки приличия и размениваем высшие моральные ценности на низменное похотливое желание, миг в объятиях которого равносителен долгому и утомительно-сладкому путешествию в Рай. Мы продаем себя с потрохами за кратковременные нежность, ласку и трепет, надеясь растянуть моменты удивительной неги как можно дольше. Мы запасаемся любовью на часы, дни, недели долгого ожидания следующей порции. Мы избирательны и горды – но лишь до тех пор, пока мощь нежданной страсти снова не захлестнет нас с головой. От маленьких домишек в захолустной французской провинции до шикарных офисов в высотных зданиях Нью-Йорка – страсть бывала, есть и еще появится, что бы не случилось.

Я на диете: без сладкого – совсем. Жизненные потребности не утолятся с лихвой, по сути, это нелегко. Можно всю жизнь питаться одной только пиццей, голода не будет, но ведь и чувства удовлетворения тоже. Представьте, что вы не съели ни одной вкусности за всю свою жизнь. Всякий раз, проходя мимо глянцевої витрины с конфетами в серебриющихся на солнце фантиках, ужасно хотите незаметно утащить одну – развернуть обертку с характерным хрустом фольги, медленно и осторожно, дабы ни коим образом не повредить драгоценное содержимое. Вдохнуть тягучий аромат молочного шоколада, надкусить самый краешек и долго смаковать мгновение, ощутив всю прелесть карамельной сердцевинки. После стольких недель глухой голодовки эта сладость покажется вам едва ли ни даром божьим. Вы запомните ее и каждую следующую конфетку будете сравнивать со своей первой даже если она была скучной и простой, подобно старой просроченной ириске, которой впору гвозди забивать. Ведь люди странным образом устроены – они ценят то, чего не пробовали, восхищаются тем, что им непонятно, удивляются тому, что им неизвестно, но в конце концов исполняя все свои «хочу», тут же пытаются возомнить себя великими знатоками и

просто-напросто перестают интересоваться тем, что ранее для них являлось чем-то вроде любопытного фетиша. При

этом первые впечатления остаются в их памяти навсегда. Хотя, зачем вам рассуждать со мной о структуре влечения

и тяге к запретному? Лучше выслушайте историю, ради которой мы здесь сегодня и собрались. Историю из жизни

одной наивной мечтательницы.

Вот уже день совершеннолетия миновал, а я все так же юна и свежа внешне, беззаботна и легкомысленна душой,

легка на подъем и искренне застенчива в общении с незнакомыми молодыми людьми. А если они к тому же

привлекательны... о, как же я подвластна влиянию мужской красоты! С детства чертовски избирательна: обожаю

обольстительных негодников, холеных жигало, альфонсов, носящих на манжетах дорогие запонки причудливой

формы, карточных аферистов с тонкими проворными пальцами и подлых, но отчего-то ужасно сексуальных

проходимцев. Я всегда росла ветреной и чрезвычайно влюбчивой. В четырнадцать лет похотливая нимфетка с чупа-

чупсом наперевес, в пятнадцать – ужасная недотрога, к семнадцати годам – искусная соблазнительница, красящая

губы в самый яркий цвет, а сейчас... не скажу, что я кардинально изменилась за прошедший год. Скорее всего,

стала уверенней в себе: чуть выше голову, расправить плечи, гордая осанка и самую чуточку свирепой надменности

во взгляде – вот вам и незамысловатая истина городской вертихвостки.

И вот уже который месяц кряду я проводила в бесконечных тусовках за компанию с друзьями, на пьянках-гулянках,

принимала участие во всякого рода взбалмошных играх, мол, догонят ли нас мальчики первыми, но тут меня словно

осенило: осознание того, что рано или поздно любому, даже самому сладкому счастью приходит конец, свалилось на

мои хрупкие плечи как гром среди ясного неба.

Как не к стати моя «дорогая» бабуля, живущая в ближайшем пригороде Лондона, приболела, и матушка велела

навестить несчастную старушку, а заодно и гостинцев ей привезти. Я нехотя шмыгнула носом, а после собрала

целый походный набор: лаковый рюкзак за спину, носовые платочки для страдающей, гостинцы в виде пирожков с

омерзительно липким повидлом, зубную щетку, лак для ногтей ярко-алого цвета и респиратор, дабы не заразиться

чужими болезнетворными вирусами, передающимися воздушно-капельным путем. Напялив красную панаму с

широкими полями, я вышла из дома в самый жаркий летний день.

Ах, бесстыжее горячее солнце... И кто придумал этот знойный июль? Как было бы здорово, если бы сладкие

июньские нотки, усеянные кристально чистой прохладной росой, сразу влекли за собой жгучие августовские ночи. А

средний летний месяц выкинуть из календаря, дабы он не превращал мой юный девичий мозг в расплавленную

тянучку.

Вооружившись картой пригородов и изучая маршрут из пункта А в пункт Б, я нехотя перебирала острым носочком

глянцевой туфли раскаленную землю под ногами. Автобуса так долго ждать, о, еще и пересадка предстоит!

Замечательное начало «чудесного» дня.

Я никогда не ездила в общественном транспорте, фи... Толпиться на нескольких квадратных метрах площади вместе

с этими людьми? Вон женщина довольно потасканного вида, а позади нее рослый мужчина с банкой пива в руке.

Приехали... Моя своенравная задница почувствовала приближающуюся неудачу еще в самом начале пути. Мысль

удавиться или повеситься прямо на козырьке автобусной остановки посетила меня лишь на доли секунды, после

чего я пару раз ласково стукнула себя по голове, молниеносно вернувшись на брентную землю и протяжно вздохнув.

Но вдруг неведомой силой донесся до меня легкий ветерок. Я лениво повела ноздрями в надежде распробовать

свежий воздух. И, бог мой, как же сладок был его аромат: немного бергамота, пачули, апельсиновое дерево, кедр,

капля мускуса и... Пойдите, а разве воздух может так приятно пахнуть? Мгновения не прошло, как я повернулась

навстречу необыкновенному запаху и тут же столкнулась взглядом с высоким стройным юношей лет двадцати. До

чего же прекрасное зрелище! Таинственный незнакомец стоял поодаль от пресловутой остановки, при этом ловко

облокотившись на фонарный столб. Левая его рука цеплялась большим пальцем за карман на джинсах, в правой же

находилась сигарета, периодически подносимая героем к губам. Долгая затяжка и кольца белоснежного дыма.

Чувственный алый рот на фоне аристократически-бледного лица, лукаво прищуренные карие глаза, высокие скулы

и строгая линия бровей. Идеальный, фактически кукольный овал лица, обрамляемый густыми каштановыми

волосами, – держите меня семеро!

Ранимое сердце юной девушки внезапно забилося в безумных конвульсиях, ноги подкосились сами собой, губы едва

приоткрылись в попытке выдавить восторженное «ах», а руки неуклюже заерзали по подолу короткого белого

сарафана, покрытого россыпью крупных алых цветов. Откуда? Как? Разве такое возможно, здесь... на грязной остановке... ангельское видение! Мужчина, способный разжечь страсть едва ли не в каменной статуе одним лишь

блеском своих дивных глаз! Я молча наблюдала за его движениями, жестами, мимикой, затаив дыхание и боясь

тронуться с места.

Покончив с сигаретой, юноша неторопливо огляделся вокруг. Сквозь яркие слепящие солнечные лучи навряд ли

можно было что-то отчетливо разглядеть – лишь контуры, силуэты, красочные пятна вперемешку с уличной пылью.

Я терпеливо ждала, пока молодой человек заметит-таки ее величество – прекрасную расхитительницу мужских

сердец в кроваво-красной панаме.

И вот тот самый долгожданный миг: герой замер, всецело изучая меня. Ни один мускул на его лице не дрогнул,

юноша тихо и почти недвижно пронзал меня взглядом, несомненно, полным нездорового интереса. На мгновение

закрыв глаза, вдыхая попутный ветерок, так не к стати перед этим прогулявшийся по моему хрупкому телу:

сквозняк успел запутаться в золотистых локонах волос, пробежаться по линии плеч и тонкой изящной шее,

коснуться ткани сарафана, лодыжек, бедер – о боги, бесстыжий ветер, куда он только не заглядывал! Герой

медленно разомкнул губы, наслаждаясь ароматом юной мадемуазель. Дикое чувство стыда переполнило меня от

кончиков волос до самых пяток: никто из присутствующих на остановке ни за что бы не догадался, как мы без слов

флиртуем сквозь разделяющее нас пространство. Едва заметная улыбка, легкая, неожиданная, коснулась губ

искусителя. Я не хотела подходить к нему первой, стеснялась, несмотря на внушительный опыт общения с

мужчинами. Я успела поймать себя на странной мысли: больше всего на свете в тот момент юная обольстительница

боялась попасть в неловкую ситуацию, оказаться в проигрыше, совершить спонтанную глупость или чего похуже. А

он? Он подойдет? Наивные надежды.

Занудные размышления прервал ворох дорожного песка и пыли, окутавший меня с ног до головы. Ах, вот и

долгожданный транспорт. Неужели мы с этим необыкновенным юношей видимся в первый и последний раз? Ну

неужели?! Ладно, была не была – ехать придется. Иначе выговор от мамы и злостные старушечьи причитания в

телефонную трубку. Из двух зол выбирают меньшее: я чинно и важно поднялась по ступенькам, бросив

высокомерный прощальный взгляд на своего нового знакомого. Захочет – последует за мной, не маленький.

Минуты не прошло, как я уже устроилась в самом дальнем конце автобуса, взявшись тонкой рукой за поручень над

головой и изучая унылый пейзаж за окном. Люди неторопливо занимали свои места, как вдруг относительно

размеренную тишину нарушили уверенные мужские шаги. Сердце у меня в груди снова забилося в лихорадочном

темпе, кровь с силой прилила к лицу. Прикусив губу от волнения и отвернувшись, я старалась держать себя в руках,

чтобы не завизжать от восторга.

Всю дорогу мы ехали спиной друг к другу, не подошли, не познакомились, выдерживая умопомрачительное

пионерское расстояние. Я слышала спокойное и неторопливое дыхание, хотела почувствовать его ближе, еще

ближе, так, чтобы обжигало нежную кожу. Боже, какие похотливые мысли вертелись в моей светлой голове!

Безумное искушение, которому нет равных, – мучительная пытка для столь любопытной увлекающейся особы! Я

видела в своих фантазиях самые развратные действия, непременно эротического характера. К тому моменту я уже

не числилась в рядах невинных телом и душой особ, и это добавляло мне непреодолимого желания слиться с

незнакомцем в страстных объятиях прямо на сидениях сего транспортного средства. Чуть было не забыв про

пересадку, я судорожно спохватилась в самый последний момент, выбежав в открытые двери мимо своего

ненаглядного героя. Он, не теряя ни секунды, выбежал вслед за мной.

Я встала как столбик, скрепив руки за спиной в замочек и сделав вид, будто прибытие очередного автобуса

интересует меня гораздо больше, нежели темноволосый красавец. Но он буквально сходу разоблачил мою

никудашную актерскую игру и приблизился к растерянной жертве, однако, выдерживая-таки установленное в

прошлом пионерское расстояние. Приглушенный мужской голос вернул меня на землю. Юноша не назвал свое имя,

не спросил, кто я такая, а просто предложил прогуляться пару кварталов до ближайшего кинотеатра.

Меня, честно признаться, такое юношеское рвение порядком возмутило. Подумалось, что он маньяк. Ну, или

извращенец. Ну, или и то и другое вместе. Хотелось сходу врезать ему звонкую пощечину, но умопомрачительная

тяга оказаться ближе хоть на несколько десятков сантиметров взяла верх. Он протянул мне широкую ладонь,

увенчанную стройными длинными пальцами, я положила в нее свою крохотную ручку, и мы направились в кино.

Дорога казалась мне мучительно долгой: ноги в новехоньких лаковых туфлях на тонкой шпильке пронзала адская

боль, в горле пересохло, хотелось пить, кружилась голова, но не столько от знойных солнечных лучей, сколько от

осознания близости этого высокого юноши рядом с собой. Ладонь его была прохладной и удивительно сильной. Она

казалась мне едва ли не единственным спасением от ужасной жары. Мне было стыдно за свои повлажневшие

маленькие пальчики, так крепко вцепившиеся в руку мужчины, но что я могла поделать? Лишь смириться с

неловкостью и всецело отдаться на растерзание этому статному молодому человеку.

Вскоре мы приблизились к кино-кассе, мой новый знакомый купил два билета на фильм какого-то итальянского

режиссера, носящего забавную фамилию – Бе... Бер... Бертолуччи? Жуть, как нелегко даются мне такие

удивительные иностранные имена. Название звучало весьма приободряюще: «Мечтатели». Что может быть

романтичней для первого свидания? Прошли считанные мгновения, и мы уже сидели в конце зала в гордом

одиночестве. Прочие зрители восседали гораздо ближе к огромному экрану, дабы не упустить ни одного кадра. Я

вжалась в кресло, боясь пошевелиться и вздохнуть. Вдруг перед глазами поплыли причудливые титры, а сердце

вновь забилось в бешеном темпе.

Первые полчаса мы просидели тихо, спокойно, не издав ни единого звука. Но как только на экране в очередной раз

промелькнули фрагменты обнаженных фигур, как только чувственные актеры сплелись в безумном танце тел, как

только страсть выплеснулась прямо на жаждущего зрителя, терпению моего героя пришел конец. Он повернул лицо

в мою сторону, я заметила это краем глаза, старательно скрывая за полями панамы стыдливый румянец персиковых

щек. Тепло мгновенно прилило к моему лицу, скатившись тягучей вязкой негой по подбородку прямо в зону

декольте, а от нее и к низу живота, куда еще с прошлой эротической сцены беспечно свалилось пульсирующее

сердце.

Юноша оценил холодным взглядом мою грудь, вздымающуюся в тяжких попытках набрать в себя как можно больше

воздуха, а после прикоснулся своей тяжелой ладонью к моей щеке. Повернув мое лицо себе навстречу, незнакомец

долго изучал его черты, растягивая момент ожидания неизбежного поцелуя до невозможности. Я зажмурилась изо

всех сил, в сердцах умоляя маму родить меня обратно. Но аромат спутника, окутавший мое тело незримой пеленой,

вскружил девичью голову еще в момент нашей первой встречи. Секунда – и его губы осторожно прильнули к моим.

Чувственный рот юноши и вправду оказался таким же мягким и сладким, как в самых сокровенных фантазиях.

Несколько секунд подряд он прерывисто целовал мой кукольный ротик, отрываясь и давая мне привыкнуть.

Короткие прикосновения были так приятны, что я напрочь забыла об экранном действе, полностью переключившись

на своего сказочного принца. Вот он коснулся теплым расслабленным языком моих едва приоткрытых губ, так

нежно, так мимолетно. Еще раз, еще и все смелее... И вот уже мое стремление сделать наш первый поцелуй

сказочно-романтичным и абсолютно невинным полностью сошло на нет. Губы жадно соприкасались в самых разных

направлениях, языки ласкали друг друга без устали, плавно, осторожно, но в то же время чертовски уверенно.

Желание нарастало с каждой секундой. Поцелуй был таким сочным, вкусным, лакомым, что каждый из нас просто

рвался в бой, дабы отхватить от него еще кусочек. Мы начисто потеряли стыд и целовали друг друга со вкусом и

характерными соблазнительными причмокиваниями. Как хорошо, что в этот день я не стала наносить помаду, иначе

губы, щеки, подбородок этого дивного мужчины были бы сплошь усеяны алыми разводами. Поцелуй из тайного, интимного и скрытого

перерос в показной и алчный. Мы не стеснясь выставляли на всеобщее обозрение самые откровенные

прикосновения губ. Правда, людям, сидевшим в зале, не было до нас ни малейшего дела. Все они были слишком

увлечены фильмом, а мы просто наслаждались друг другом. Потому что хочется, а для сильного желания, как

известно, нет преград.

Спустя несколько мучительно-долгих мгновений рука юноши не спеша опустилась на мою аккуратную коленку,

упакованную в симпатичный ажурный чулок, сияющий своей ослепительной белизной. Пальцы шаловливо скользили

по гладкой ткани вверх, попутно с этим отгибая края короткого сарафана и пробираясь между плотно сомкнутыми

бедрами к самому сокровенному. Когда они осторожно коснулись шелковых трусиков, меня словно дернуло током. Я

почувствовала слабость во всем теле и буквально задрожала в его сильных руках от предвкушения. Пальцы, ни на

секунду не сомневаясь, миновали тонкую ткань и, не раздумывая, нырнули в самую глубь, фактически

соприкоснувшись с девичьим сердцем, отбивающим в самом теплом месте бешеную чечетку. Каждое движение его

руки доставляло все новые и новые ощущения – волны тепла раскатывались по всему телу: от зацелованных

припухших губ до самой глубины женского естества. Все это произошло так быстро – я и опомниться не успела, как

мощнейший оргазм захватил меня с головой, унося подальше от скучного мира в долину красок, радости и вечно

распускающихся цветов. Мужская хватка ослабла, я обессиленно рухнула в кресло, сумасшедше дыша и едва

переводя дух.

Минуты не прошло, как мы вышли из зала: на цыпочках, не отвлекая никого из присутствующих. Мгновенно

завернув в мужской туалет и столкнувшись там с каким-то парнем, мы вылетели обратно в коридор, чтобы на этот

раз не промахнуться и нырнуть туда, где наше тихое уютное счастье никто не посмеет нарушить.

Да, дамская комната – не самое лучшее место для утех, но безумная страсть взяла над нами верх, заставив

мгновенно забиться в без того узкую кабинку и фактически сорвать друг с друга одежду. Пепельно-серая рубашка

незнакомца стремительно треснула, вынудив пуговицы с характерным звуком разлететься по кафельному полу.

Металлическая пряжка ремня соблазнительно звякнула, тонкая женская рука проскользнула в святая святых.

О боги, как давно я не испытывала подобной искренней радости лаская желанного мужчину! Каждое ритмичное

движение тонкой кисти отзывалось на его лице сладостными муками, юноша зажмурил глаза изо всей силы, с

шумом заглатывал воздух, которого в моменты эйфории панически не хватало. Он горел в моих руках, таял, стонал,

резко стиснув зубы, дабы не закричать! И через несколько мгновений моя юбка оказалась задранной, обнажились

стройные ноги, одна из которых была резко закинута уверенной мужской рукой на бедро незнакомца и уткнулась в

противоположную стенку кабинки.

Секунды не прошло, как я ощутила всю силу юноши, всю его страсть, все его пылающее желание внутри себя.

Быстрые толчки распалили мое сердце, забившееся внизу живота с новой силой. Волны радостного наслаждения

прокатывались по телу все быстрее и быстрее, и вот наконец наступил тот самый долгожданный момент, когда два

тела, слившиеся воедино, ликуют на балу мирских страстей. Пусть похотливых и развратных, но от этого не менее

чарующих! Губы юноши примкнули к моей шее, и в тот самый миг, когда в глазах мерцают звезды, я

почувствовала... почувствовала... Боже, что это?! Дикая, резкая, пронзительная боль, эхом заглушающая

посторгазмическую негу. В глазах помутнело, рассудок затуманило... он так долго и нежно целует мою кожу,

издавая слабое рычание... о нет... несмело касаюсь своего плеча... по пальцам тонкими струйками стекает алая

кровь... что происходит... нет, не может быть... кажется, сейчас упаду в обморок... вот-вот упаду... а-а-ах...

Очнулась я в каком-то парке, на жесткой аллеи скамье. Рядом на корточках сидел мой ненаглядный.

Приподнявшись, я сладко потянулась, при этом трогательно зевнув и прикрыв рот ладошкой. На мне был все тот же

сарафан в крупный алый цветок, все та же панاما с широкими полями. Рядом валялся лаковый рюкзачок. Шея

ужасно болела и ныла, складывалось впечатление, будто по ней проехался огромный бульдозер.

Юноша несмело поинтересовался, как мое самочувствие, на что я удовлетворительно покачала головой. Все в норме,

жить буду – неплохой диагноз после столь бурного времяпрепровождения. Легкая улыбка тронула девичьи губы.

«Так ку-у-у-шать хочется...» – сладко протянула я. «Можно устроить», – юноша ответил мне ослепительно-белой

улыбкой, обнажив небольшие острые клыки. Ах, вот оно что...

Что ж, я все равно не хотела ехать к этой сварливой, вечно чем-то недовольной старушке. И пирожки уже давно не в

форме: смялись и размазались по красному рюкзаку вместе с омерзительно липким повидлом. Да и мама не сильно

расстроится, если ее дочка начнет новую жизнь. Совсем по-другому, иначе. С тем, кого так долго ждала эта

беззаботная юная Красная Шапочка, которая теперь запросто может померяться силами с самим Серым Волком.

Хороших вам снов, интересных сказок и приятного аппетита! Надеюсь, ваш обед будет чуть более гуманен, нежели

все предстоящие в недалеком будущем трапезы этой сладкой парочки.

[Расплата за любовь]

Промозглый нью-йоркский ноябрь, тридцатое число. С неба прямо на голову сыплются то ли капли дождя, то ли

хрупкие кристаллы влажного морозящего снега. Ветер продувает насквозь; унося тепло людских тел, он оставляет

их совершенно беззащитными. Мерзость, да и только, но разве можно отменить работу? Нет-нет, мое мнение никто

не спрашивает, весь день прозябаю в скучном офисе, стены которого полностью выкрашены в серый цвет, а

поздним вечером – усталая и разбитая возвращаюсь домой, к своему ненаглядному Роджеру. Но в наших

отношениях не все так гладко: пару дней назад мы с любимым сильно поссорились, он обвинил меня в непонимании,

я же кричала и била посуду в ответ на его холодность... И так уже не в первый раз.

Я тружусь допоздна, но работа моего возлюбленного отнимает гораздо больше времени. Иногда мобильный будит

его среди ночи, нагло вырывая из моих объятий и оставляя всю такую обиженную, в расстроенных чувствах. В такие

моменты больше всего на свете хочется расстаться, бросить мерзавца ко всем чертям: уйти, убежать, громко

хлопнув дверью, да что там – улететь к самым звездам, лишь бы никогда больше не видеться с источником своих

страданий! Отказаться от наших чувств, утративших всякую свежесть и только ранящих, вычеркнуть его из памяти,

не придаваться ностальгии по замечательному прошлому, наполненному самыми светлыми мгновениями. Давно хочу

поставить точку, разорвав все то, что связывает нас по сей день.

И сегодня я, наконец, решусь это сделать. Осталось только вернуться домой и заглянуть в его изумрудные глаза на

прощание. Ну а пока есть повод поторопиться – последний автобус уходит через полчаса. И пусть начальство лишает последней премии, коллеги сплетничают за спиной, да и настроение ни к черту: я прекрасно осознаю, чего

хочу, полностью уверена в своих силах, а значит – ошибки не будет.

Неуклюже спустившись по скользким ступенькам, я огляделась вокруг: сыро, мрачно, тоскливо, и даже искрящийся

на влажном асфальте свет фонарей не придает облику города ни малейшей нотки позитива. Высотное здание за

моей спиной отражается в глубоких лужах, шарф в три оборота обернут вокруг изящной шеи, но горло от этого не

перестает саднить. Автобусная остановка виднеется по ту сторону дороги, к ней я и направляюсь.

Перебежав улицу на красный свет и спрятавшись под навесом, я мысленно готовила обращение к Роджеру. Как

можно сказать любимому о том, что наши отношения кончены? О боги, это слишком тяжело, и сердце предательски

ноет. Подбирая в голове нужные слова, я не заметила, как подле меня остановился долгожданный транспорт. И

только капли грязной воды, вылетевшие из-под колес и покрывшие россыпью крохотных пятен мой светлый плащ,

заставили вздрогнуть и выругаться себе под нос.

Лениво поднявшись и оплатив проезд, я с ужасом обнаружила, что нахожусь внутри совершенно одна. Пройдя в

самый конец, я неторопливо устроилась у окна. Глядя на прохожих, что бредут по своим делам не обращая на меня

ни малейшего внимания я ругала себя за то, что так наивно влюбилась совсем не в того человека. Минуты не

прошло, как чьи-то неторопливые шаги послышались у раскладных дверей. Пожилой мужчина лет семидесяти,

опираясь на длинную трость, вошел в автобус и вскоре поравнялся со мной.

– Простите, юная леди, тут не занято?

– Нет, что Вы! Присаживайтесь. Буду рада, если Вы составите мне компанию в этот отвратительный вечер... –

пробормотала в ответ я, скорчив недовольную мину и сердито стиснув зубы.

– Что ж, похоже мы здесь совсем одни. Куда Вы направляетесь? – спросил приветливый старичок, устраиваясь

рядом.

– Конечная... самый одинокий квартал самого одинокого района...

– Я выхожу чуть раньше, но у нас еще есть время для того, чтобы узнать друг друга, – джентльмен протянул мне

распахнутую ладонь, я искренне умилилась и ответила рукопожатием в тот самый момент, когда автобус тронулся с

места и направился вдаль по промокшей дороге. – Джордж Уайл, приятно познакомиться!

– Аманда... просто Аманда... взаимно, – ответ мой прозвучал довольно сухо, но где-то в глубине души внезапно

потеплело, поскольку человек напротив показался мне чрезвычайно милым и дружелюбным.

– О, милая Аманда, могу я поинтересоваться, в чем причина Вашего расстройства?

– Так заметно? – губы скривились в ехидной ухмылке. – Это сложно объяснить... – тяжело вздохнув и резко

отвернувшись к окну, прошептала я.

– Но Вы все-таки попробуйте, а я постараюсь понять.

– Мы с любимым... в общем... – внезапно в салоне автобуса воцарилась секундная тишина. – Думаю с ним

расстаться. На то есть причины: холодность и безразличие, а еще гадкая работа, вечно срывающая его с места. Он

не ценит меня, карьера для него важнее. Вечно оправдывается, мол, любит и поэтому разрывается на части,

говорит, что ему так же тяжело, не хочет ссориться лишний раз, но я уверена, что инициатива в разрыве должна

идти именно от меня. У него просто не хватает смелости сделать это первым.

– Как его зовут? – любопытничал мистер Уайл.

– Роджер... – после небольшой паузы, прикрыв глаза ладонью и стараясь скрыть подступающие слезы, вымолвила я.

– Господи, это самое красивое имя на свете... – я достала из кармана плаща носовой платок и хлюпнула носом. –

Должно быть, я слишком сентиментальна... простите.

– Нет, что Вы! – мистер Уайл осторожно взял мою руку в свои ладони и, чуть склонив голову, едва уловимым

шепотом произнес: – Девочка моя, ты сама еще не определилась, стоит разрывать ваши отношения или нет. Я вижу

по глазам: душевные противоречия и сомнения в необходимости расставания не дают покоя твоей ранимой душе. Не

торопись, подумай как следует. Взвесь все за и против, прежде чем совершить случайную ошибку, которую потом

будет невозможно исправить.

– Я уже все решила... и Вы не сможете меня отговорить.

– Хорошо... – он отвел взгляд и отпустил тонкую женскую кисть. – Тогда выслушай одну небольшую историю, может

быть, она заставит тебя одуматься... – губы Джорджа тронула печальная улыбка. – Когда-то я был молодым и

успешным. В те годы многие девушки обращали внимание на голубоглазого студента из Канзаса. Не скрою, тот

занудный старик, что сидит перед тобой сейчас, был редчайшим дамским угодником – ухлестывал едва ли не за

каждой второй юбкой. Но летом я любил выбираться в дом своего покойного дяди, находящийся в лесной глуши. Там

не было суеты и городского шума, лишь пение птиц по утрам и приветливый лай дворового пса. Я был спокоен,

умиротворен, на целые недели забывал о своих друзьях и знакомых... Казалось, и счастье было неподалеку.

И вот в один прекрасный день я повстречал Элли, жившую с семьей в нескольких километрах от моего уединения.

Она была сказочно прекрасна, легка и воздушна, порхала над землей, подобно невесомому мотыльку. В каждом

жесте чувствовалась невинная юность этой удивительной особы, ее нежность и чувственность. Каштановые волосы,

волнами ниспадающие на хрупкие плечи, а эти голубые глаза... – мистер Уайл на мгновение сомкнул ресницы, чтобы

погрузиться в мир своих воспоминаний, я же слушала его с упоением и неподдельным интересом. – Так мы и

познакомились. Мне было двадцать три года, а ей всего семнадцать, но это не помешало нам потерять голову и быть

счастливыми в те недолгие месяцы, когда я убегал из города и возвращался в тоскующий обо мне домик. Но иногда

моей любимой не доставало внимания. Она жаловалась на то, что не может общаться со мной так часто, как хотелось

бы. Ей всегда не хватало стремительных летних месяцев нашего сказочного свидания.

– Но почему Вы не взяли ее с собой в город? – искренне поинтересовалась я.

– Все дело в том, что моя Элли с рождения была слепа. Не видела ничего, кроме бесконечной обволакивающей

темноты перед собой. Она не знала, как я выгляжу, лишь чувствовала и абсолютно точно понимала, что любовь

взаимна. А я... я попросту стыдился своих чувств перед друзьями... боялся ответственности за нее, прятался в тени

и наслаждался в дебрях леса теми редкими мгновениями наедине с девушкой своей мечты, дарованными мне самим

Господом Богом. Мы ссорились на этой почве, часто и шумно. А после я решил поставить точку в отношениях, скрепя

сердце и стиснув зубы, чтобы не причинять ей боль и не переступить через самого себя в попытках заявить миру о

нашей необыкновенной любви.

Однажды жарким июльским вечером, когда румяное закатное солнце медленно приближалось к горизонту, я посадил

ее на багажник своего велосипеда и повез по узенькой тропинке к нашему любимому месту. Это была просторная

поляна в чаще, посреди которой возвышался древний высохший дуб. Элли могла простоять несколько минут,

прикоснувшись к его теплой коре, чтобы чувствовать, по ее словам, «дыхание жизни» в давно, казалось бы,

погибшем чуде природы. Я не понимал этого, смеялся над ее стремлением чувствовать сердцебиение заскорузлой

деревашки, но она не обращала на мои издевки ни малейшего внимания – она попросту наслаждалась каждой

секундой своей хрупкой жизни.

И вот, когда мы оказались на месте, она вновь подошла к скорчившемуся дубу, что-то шепча ему и медленно

перебирая своими тонкими пальчиками глубокие древесные морщины. Я приблизился со спины и осторожно обнял свою милую, мудрую Элли. Мы долго стояли в полной тишине, но лишь тогда, когда она повернулась лицом ко мне и

осторожно нащупала замерзшие губы для того, чтобы узнать – улыбается ее любимый или нет, а позже слиться в

долгом поцелуе, я произнес холодные и надменные слова: «Все кончено».

Лицо Эллисон мгновенно переменялось, она отстранилась от меня, приложив дрожащую ладонь к своему алому рту,

а затем бросилась бежать изо всех сил прочь от своего обидчика. Я мчался за ней, ломая ветви, встречавшиеся на

моем пути и с силой хлещущие по лицу. Помню пронзительный женский крик неподалеку, он до сих пор эхом звучит

в моей памяти. Когда я подбежал, то увидел, что моя Элли упала в низину. Я мигом спустился туда. Элли, истекая

кровью на моих руках, ни разу не шевельнулась, не произнесла ни слова. Рана на голове оказалась слишком

глубокой, смерть наступила мгновенно.

Когда я выезжал из дома на стареньком грузовике, забрав с собой вечно лающую дворнягу, я видел дом Элли и ей

родителей: мать горько плакала, отец утирал ей слезы. С тех пор я потерял себя – того, кем был когда-то.

Вместе с возлюбленной из меня словно улетучилась жизнь, способность радоваться каждому дню. Вскоре пес

пропал, сбежал от меня и больше никогда не возвращался.

Спустя много лет я вновь прибыл на наше место, надеясь вспомнить светлые глаза и лучезарную улыбку той, что

пробудила во мне истинную любовь. И дерево, тот самый дуб все так же возвышался над пустующей поляной, но на

этот раз каждая его веточка, каждый изгиб были сплошь усеяны зелеными листьями, сияющими в лучах вечернего

солнца. Она была права, моя Элли... Жизнь есть даже там, где, казалось бы, уже все потеряно... – с этими словами

мужчина утер выступающие слезы и взглянул на меня, находящуюся в полном недоумении. – С тех пор в моей жизни

не было ни одной женщины. Нет ни детей, ни внуков. Я не был женат и начал много курить. Позже врачи поставили

рак легких, и через пару месяцев я умру. Но мне не страшно, я долго готовился к тому дню, когда вновь обрету

любимую на просторах бескрайнего неба. И боль – та, что приходит в самом конце жизненного пути, никогда не сравнится с теми ужасающими страданиями, что нес я через всю свою жизнь, хранил глубоко в сердце все эти долгие пятьдесят лет.

А ты... ты так на нее похожа... такая же легкая и нежная... поверь, не стоит отказываться от своей любви из-за

какой-то глупости. Она слишком ценна – ценнее нет ничего на всем белом свете, так что постарайся не потерять

самое дорогое. Сейчас моя остановка, приятно было познакомиться, Аманда... Удачи тебе, терпения и море

внутренних сил. Надеюсь, ты сделаешь правильный выбор.

С этими словами мужчина поднялся с места, опираясь на длинную трость, и медленным шагом пошел по

направлению к выходу. Я сидела в оцепенении еще несколько минут, с ужасом и нескрываемой тоскою вспоминая

его долгий монолог. Чуть позже автобус подошел к конечной остановке, и вот я уже бреду к себе домой.

Дверь отворил Роджер. Первым словом, мгновенно сорвавшимся с моих губ, было печально-одинокое «прости»,

после чего, стирая выступающие слезы, я кинулась на шею возлюбленному, чтобы впредь не отпускать его никогда.

Я поняла, что нелепые ошибки способны погубить любовь, а это пережить в сотни раз больнее, чем какие-то

заурядные мелочи, преследующие едва ли не каждую вторую семью. С этого момента мы взглянули друг на друга

иными глазами, а история пожилого мужчины стала тем редким уроком, что дает нам судьба, чтобы предостеречь от

совершения очередной наивной глупости, имеющей возможность стать впоследствии по-настоящему злым роком. И

мир отныне поселился в нашем доме – так же, как слова Джорджа Уайла поселились в моем сердце, ведь эта

случайная встреча изменила мою жизнь в лучшую сторону, а значит – все было не зря.

[Близость]

Как думаете, что может быть прекраснее раннего утра – по-летнему теплого, солнечного, наполненного самыми

светлыми чувствами? А если вдобавок утро это встречать в мягкой уютной постели, укутавшись в невесомое одеяло

и прижавшись щекой к груди своего любимого мужчины: небесные силы, как же я благодарна вам за то, что вы

позволили мне быть здесь и сейчас вместе с моим ненаглядным сказочным принцем!

Он так сладко спит, так крепко, он щурится во сне, едва уловимо шепчет что-то невнятное, заставляя меня искренне

умиляться. Жаль, что я не могу согреть его теплом своих ладоней, не могу обдать кожу любимого трепещущим

дыханием, не могу коснуться линии его скул горячими губами... Впрочем, об этом чуть позже, а пока я поведаю вам

нашу с ним удивительную историю.

Ричард появился на свет двадцать пять лет назад в самом центре Бостона. Забавно, но мы с ним родились в один

день, в один час, да что там – в одну минуту, правда, очень далеко друг от друга. Но моя семья изначально была

решительно нацелена свести нас с любимым с самого раннего детства, именно поэтому я оказалась поблизости уже в

возрасте трех дней от роду. Мы еще не осознавали происходящих с нами изменений, не замечали друг друга, даже

не пытались этого сделать, постепенно привыкая к окружающим условиям. Но позже все изменилось. Мы всегда

росли рядом, жили в одном доме, я вечно плелась за неугомонным стремительным мальчишкой, только и успевая

оглядываться по сторонам, мол, как бы с нами чего не случилось.

Однажды Ричард перебежал дорогу на красный свет и, на секунду замешкавшись, чуть не угодил под машину. В

решающий момент я с силой вытолкнула его на обочину, не на шутку перепугавшись при этом, но тут же подбежала

к своему другу. Он не взглянул на меня, не поблагодарил, а просто встал с земли, лениво отряхивая испачканные

колени и бубня под нос ругательства. В тот день я так злилась на виновника происшествия, так ужасно была

огорчена и расстроена, что всю следующую неделю вовсе не приближалась к его дому, скитаясь по пустынным

улицам и лишней раз упрекая себя в том, что всю свою жизнь так доверчиво относилась к этому взбалмошному

человеку, в действительности ко мне равнодушному. Потом я ужасно соскучившись все-таки вернулась и тут же

бросилась на шею своему непутевому товарищу. Но и тогда он не обнял меня в ответ, буравя туманным взглядом
пустоту перед собой. В любом случае, больше я не смела покидать его – мы и так слишком долго не были вместе, а
на мне, как никак, лежит ответственность за этого пылкого, страстного юношу. Время шло, Ричард стал
осмотрительнее и мудрее, вероятно, мои попытки направить его на путь истинный, тихо нашептывая нужные слова,
все же давали хоть какой-то результат. После дня совершеннолетия мой друг стал раскованнее, легким на подъем. В
университете у него появилось множество заботливых друзей и подруг. Вторые меня изрядно напрягали, потому что
вечно норовили состроить глазки, лишний раз коснуться сокурсника или же нежно обнять. Мои жалкие попытки их
оттолкнуть ни разу не увенчались успехом. На этой почве я пролила множество горьких слез, на которые Ричард
лишь хмурился, сдвигал брови домиком и отвечал пустым безразличием. Однажды он привел в квартиру одну свою размалеванную похотливую знакомую. Мне было тошно наблюдать за тем,
как они мило ворковали и смеялись, как мой самый близкий, самый родной человек обнимал ее, целовал с диким
упоеанием, радовался каждой секунде той жуткой, мучительной ночи. Мне оставалось только запереться в ванной
комнате, устроившись на кафельном полу и обхватив голову руками. Да, было чудовищно больно, но я терпела,
собрал остатки воли в кулак. На утро Ричард сам вытолкал полуголую подружку на лестничную клетку, выкинув
вслед за ней груды помятой одежды. Я помню, какие оскорбительные слова бросала она ему, оставшись по ту
сторону двери. О, это стоило бы слышать!
В тот день я обиделась на Ричарда и решила отомстить ему со всей возможной жестокостью: когда он вышел на
балкон, прикуривая и глядя на проезжающие внизу машины, я незаметно проскользнула к нему под бок, устроилась
рядом и слегка надломила несколько прутьев, являющихся основанием для перил. Стоило Ричарду облокотиться на
хрупкую ограду, как она тут же с треском рухнула под его рукой. Мой возлюбленный перепугался. Я не позволила
ему упасть, тут же отгородив юношу от бездонной пропасти, и вот только тогда он понял мою значимость в

собственной жизни. В тот вечер он благодарил меня как никогда, ласково называл ангелом и просил не покидать его

больше. Мне было достаточно тех слов, что слетели с его губ. С того дня мы стали более близки, сроднились. И вот

сегодня я открыла глаза, увидела, как он сладко спит, и решила поведать вам эту историю.

Кажется, мой друг проснулся! Вот он лениво потягивается, свешивает ноги с постели, поднимается и идет напрямиком

в ванную комнату. Что ж, пора собираться, у милого много работы, я же должна сопроводить его до офиса.

Через час мы вместе вышли из дома и направились вдоль по освещенным лучезарным солнышком бостонским

улицам. Когда мы стояли у светофора, Ричард, как обычно, решил перебежать дорогу на красный свет, вот уж мой

маленький негодник: «Я уже мчусь следом за тобой! Ах, ничего не вижу из-за яркого света, меня так сильно

ослепили солнечные лучи. Постой, Ричард! Ричард!!!»

Через несколько секунд он лежал на холодном асфальте, а вокруг него уже собиралась любопытствующая толпа.

«Отойдите же, немедленно убирайтесь с моего пути!» – крикнула я, подбегая к Ричарду. Окропляя его внезапно

побледневшее лицо солеными слезами, я еле слышно шептала о том, чтобы он не бросал меня, держался до приезда

скорой. «Ну же, мерзавцы, кто-нибудь, вызовите врача! Мужчина тяжело ранен! Ну почему вы меня не слушаете?

Почему?!» – я настойчиво повторяла одни и те же слова, пока алая кровь медленно стекала по холодному виску,

неторопливо капая на мои дрожащие ладони. Я пыталась поднять его голову, сделать хоть что-нибудь, пока один из

случайных свидетелей, наконец, не додумался набрать «911» на своем мобильном.

«Ричард, прошу тебя, не закрывай глаза! Скоро приедет подмога, умоляю!» – но он меня не слышал, и вскоре

тяжелые веки юноши обессилено сомкнулись. Губы похолодели, тело было бездыханно и больше не излучало

энергию. Когда на место прибыла карета скорой помощи, любимый был уже мертв, ранение оказалось слишком

тяжелым.

Водитель джипа, сбившего моего Ричарда, с неподдельным недоумением оглядывался по сторонам. Отчаяние было

столь велико, что грозило перейти в состояние шока. К тому же он прекрасно понимал, каковы будут последствия его неосмотрительности.

Я не пошла на похороны, больше не следовала по пятам. Меня вернули назад к моей семье: высоко-высоко, под

самые звезды. Господь наказал меня за то, что я не уберегла своего единственного подопечного, лишив права быть

ангелом-хранителем. Вскоре меня вернут на просторы голубой планеты, но уже в человеческом облике. Я буду

печальна, холодна и одинока – в расплату за содеянное. И пусть мой ангел-хранитель впредь будет также

вспыльчив и неосторожен, ведь только тогда я смогу отправиться вслед за своим сказочным принцем.

Когда-нибудь мы обязательно встретимся, милый Ричард, когда-нибудь ты обязательно почувствуешь мою близость.

И именно в тот день мы обретем долгожданное счастье друг с другом... Пусть уже не на Земле, но вместе – это самое

главное.

[Маленькая жизнь]

«Ах, какой замечательный день! Не смотрите на календарь, не ройтесь в своем ежедневнике, вы все равно не

найдете там ни одного события, связанного с сегодняшним вторником. Но в моей жизни в эту самую минуту

происходит великое таинство, особенный момент, ведь наступил День моего рождения, и не какого-то, а самого

первого!

Я как самостоятельный организм, цельная свободлюбивая личность появилась на свет около получаса назад... во-

о-он из того свитера, перекинутого через спинку стула. Вы удивлены? Спросите, как такое возможно? Вот ведь люди

непонятливые, считаете, что любой живой объект обязан иметь две руки, две ноги и голову на плечах, а таких, как

я, в упор не замечаете. Мои многочисленные родственники сильно обижаются и стремятся жестоко отомстить,

залетая с потоком воздуха в ваши любопытные носики и заставляя неустанно чихать.

Да – я крошечная пылинка и не стыжусь этого. Долгое время мы с семьей перемещались по одной из

многочисленных ниточек мягкого теплого пуловера. Мои братья и сестры отделились первыми, направившись в

увлекательнейшее путешествие. Я же немного запоздала и лишь сегодня смогла оторваться, немного покружив в

воздухе и взлетев к самому потолку, а позже приземлившись на кухонную полку, уставленную причудливыми

баночками. От них так приятно пахнет какими-то диковинными специями. Все запахи довольно резки и новы моей

скромной персоне, но я уже привыкла и не смею жаловаться, ведь не каждый день ты появляешься на свет.

Соседи по месту жительства очень веселые: бегают, прыгают, катаются по деревянной поверхности и собираются в

компании. Я же пока ужасно одинока, но это только до поры до времени.

Мой дом за квадратной металлической коробочкой с лавровым листом: здесь тихо и уютно, ничто не мешает мне

медитировать и погружаться в свои самые светлые фантазии. Я мечтаю отправиться в огромное кругосветное

путешествие и облететь всю планету. Побывать в разных городах, домах, найти друзей, в общем – мир посмотреть и

себя показать. Кстати, о людях: пока я видела лишь двух человек – женщину и ее дочку, живущих в этой самой

квартире. Молодая девушка пару минут назад проходила мимо нашей полки, и вот ведь чудо – оказывается, именно

ее свитер подарил мне долгожданную жизнь. Сегодня она сняла его и осторожно повесила на стул, в этот момент я и

родилась.

Ох, кажется наша с товарищами отправка состоится раньше положенного! Только что юная леди обсуждала с мамой,

какой суп приготовить к приходу отца. А что потребуется для супа? Лавровый лист! Кажется, настал мой звездный

час!

Я тут же с силой оттолкнулась от гладкой поверхности и приземлилась на самую верхушку коробочки с необходимой

приправой. Соседи не поняли, зачем я это сделала: они сбились в группы и готовились улететь дружною гурьбою, но

я-то заведомо знала, что их дурацкая идея провальна. Вместе они тяжелы, да и заметить их хозяйкам будет проще.

Они не взлетят, напротив, камнем обрушатся на пол. Там их уже поджидает скорая смерть: сначала они будут

подцеплены шваброй, а после – отправлены в канализацию, где намокнут и перестанут быть собой. Ужасная гибель,

просто невообразимая. Я же успела заметить открытую форточку и поток теплого воздуха от раскаленной кухонной плиты. Стоит слиться с ним, и я поднимусь к самому потолку, а там и до окна рукой подать.

Девушка приблизилась к плите и поставила на нее кастрюлю с водой. Та закипает, и вот уже хрупкая кисть тянется

к моему убежищу. Секунда, тонкие пальцы обхватывают металлическую баночку, а я молю небеса лишь об одном –

сохранить меня в это напряженное мгновение!

Все оказалось не так страшно, мой план сработал на ура. Когда емкость была снята с полки, я собрала все силы и

спрыгнула вниз, направляясь к струе пара, исходящего от кастрюли. Он быстро поднял меня к потолку и осторожно

усадил на створку приоткрытой форточки. Последнее, что я видела перед тем, как покинуть эту чудесную квартиру,

так это быстрое падение товарищей с полки прямо на холодный линолеум. Что ж, это их выбор, их судьба, а меня

ждет длинный путь, поэтому я, не долго думая, выпрыгнула в распахнутое окно и помчалась на поиски приключений

вместе с попутным ветром.

Меня переполнял такой детский восторг! Я безостановочно смеялась и радовалась собственной свободе! На улице

ужасно холодно, минус десять, а может, и того больше. Но мне не страшно – впереди долгое путешествие к самым

сокровенным мечтам. Подо мной пролетали заснеженные дороги, дома с плоскими крышами, я видела детский садик

и мигающие огни в магазине стройматериалов. Многие окна увешены сияющими гирляндами, ведь у людей скоро

Новый год. Я видела машины и неторопливые автобусы, летела за ними, чтобы хоть как-то сориентироваться в

пространстве, но ветер не позволил мне кружить так близко к поверхности Земли и отнес высоко-высоко к густым

облакам, перемещая мое крохотное тельце вместе с потоком замерзших капелек воды по направлению к Европе.

Судьба мне улыбнулась, и я буду рада провести предстоящее Рождество где-нибудь в районе Парижа.

Пока я летела в компании прозрачных снежинок, мы с ними успели по-настоящему подружиться. Многие из моих

новых знакомых холодны и необщительны, но мне – такой веселой и заводной, удалось заставить их стать чуть

более разговорчивыми. Правда, за время нашего пути многие друзья покинули меня, резко сорвавшись вниз для

того, чтобы осесть на какую-нибудь землю: белорусскую, польскую, чешскую, австрийскую – боже, как далеко от

дома меня забросила жизнь! Несколько раз мимо моего облака пролетали серебристые авиалайнеры.

Поток ветра чуть не сбил нас с пути. Нас со снежинками фактически засосало в воздушную воронку и отпустило

только над французскими Альпами, где я и решила высадиться вместе с некоторыми из товарищей. Прицепившись к

самому крупному заледеневшему кристаллу воды, я помчалась к белоснежным склонам красивейших гор. Мы долго

летали над прекрасными искрящимися хребтами, а позже осели в мягкий сугроб и справили там миновавший Новый

год. Но потом такое одинокое и заброшенное времяпрепровождение мне наскучило, и я мгновенно поднялась вместе

с ледяным воздухом к уже полюбившимся облакам для того, чтобы посетить еще более интересные места.

Я успела побывать и в Париже – посидела на третьем ярусе Эйфелевой башни, в Берлине – промчалась над

мостовой и устремилась в сторону Ла-Манша. Перелетев через узкий пролив, посетила далекий Лондон. Вволю

покатавшись на стрелках часов Биг-Бена, я спрыгнула с них только под утро. В конце февраля я попала на

аэродром, и там такие же пылинки посоветовали мне залететь внутрь самолета, направляющегося в Северную

Америку. Я долго размышляла над целесообразностью этой затеи, но все же решилась. В самолете было множество

людей – приятных и не очень, но никто из них меня не замечал. Это только сыграло на руку: я расположилась на

спинке пассажирского кресла, любуясь пейзажем за окном и направляясь навстречу своей мечте.

Ох, как же красив и таинственен Атлантический океан! Лететь над ним одно удовольствие! Волны, искрящиеся под

лучами яркого солнца, так и призывали заблаговременно сойти с самолета, нырнув в самую глубину. Но я не

камикадзе, поэтому морские страсти, являющиеся просто убийственными, не трогают мою крохотную душу. Выйдя в

Нью-Йорке, я поднялась на самый высокий небоскреб и осмотрелась вокруг. Туманный город в начале марта, что

может быть прекрасней? С крыши здания я села на попутный ветер, направившись через все Соединенные Штаты в Лос-Анджелес.

Я долго нежилась в теплом воздухе, переворачиваясь с одного бока на другой и пролетая над удивительными домами этого гостеприимного города, а после попала на открытие какой-то известной кинопремии, сев на раскатанное красное полотно и ожидая прибытия гостей. Боже, как были красивы эти люди! В вечерних туалетах и смокингах – просто сказочно прекрасны!

На меня несколько раз успели наступить чьи-то блестящие лаковые ботинки. Я тут же поднялась в воздух, сделав несколько кувырков вокруг своей оси и приземлившись на хрупкое плечо одной актрисы. Она меня не заметила, поэтому мне без проблем удалось прошмыгнуть внутрь здания. На кинопремии было много народу, так тесно и шумно! А сколько там оказалось моих маленьких братьев и сестер – они заняли едва ли не все свободные места: на спинках кресел, на полу и на люстрах под самым потолком, даже на стенах сидели крошечные пылинки,

лицезревшие прекрасное действие на сцене и большом гладком экране!

К плечу моей хозяйки больше никто не посмел притронуться, так что я одна гордо восседала на шелке изумрудного

платья, да еще и умудрилась выйти вместе с милой женщиной на сцену, вручая кому-то заслуженную награду. По

окончании кинопремии я вместе с другими присутствующими дальними родственниками вылетела в распахнутые

двери, чтобы слиться с потоком ветра, направляясь на поиски новых приключений. Один актер мне показался

довольно забавным, кажется, его звали Роберт. Я прибилась к прядям его волос и последовала вместе с ним на

какую-то модную вечеринку. Потом молодой человек направился домой, там я спрыгнула на кромку зеркала в

ванной комнате и пролежала в глубокой спячке до самого лета, ведь у героя были дела куда поважнее, нежели

необходимая его квартире уборка.

Однажды Роб зашел в ванную и очень долго приводил себя в порядок. Мне стало любопытно, куда же он собирается.

В самый последний момент перед выходом своего знакомого из комнаты я вновь устроилась на его волосах. Вскоре

мы приехали на съемочную площадку какого-то фильма. Там было множество уже полюбившихся мне актеров. Но

все мое внимание приковали к себе двое молодых людей: один со смуглой кожей и ослепительной улыбкой, а другой

стройный, элегантный, с высокими скулами и челкой набок. Второй юноша мне так приглянулся, что я, не долго

думая, осела на его пухлых губах и не на шутку замечталась. Но юноша этот не заметил моего скромного

присутствия и облизнул пересохшую кожу. Меня мгновенно засосало в полость его рта. Это было просто ужасно!

Конечно, аромат мятной жвачки был сногсшибательным, но ведь меня с силой тянуло глубже! Зубы были настолько

гладкими, что зацепиться за них не было никакой возможности. Я не на шутку промокла и готова уже была

смириться со столь ужасающей кончиной, но старенькая шершавая пломба выручила меня в минуту отчаяния. Я

прицепилась к пломбе и дождалась момента, когда молодой человек разомкнул губы в попытке улыбнуться. Тут я и

выпрыгнула изо рта, камнем рухнув на землю.

Время шло, я полностью просохла и снова поднялась с теплым летним ветром в самое небо. Меня посетило

непреодолимое желание вернуться домой, туда, откуда все и начиналось. Сил практически не было, я чудом смогла

подняться к облакам, летящим в далекую Россию, и пролетела с крохотными капельками воды многие мили до

родного Санкт-Петербурга. Вот подо мной знакомые улицы, машины, магазин стройматериалов и детский садик. А

вон и белоснежная форточка!

Собравшись с духом, я ринулась вниз и оказалась в квартире. На плите красовалась знакомая закипающая

кастрюля. Присев на самый краешек, я окинула обстановку привычным взглядом. Все стояло на своих местах, свитер

красовался на спинке стула, баночка с лавровым листом лукаво поглядывала с верхней полки настенного шкафчика.

И я проделала этот долгий путь, чтобы снова оказаться здесь? Не может быть. И что делать дальше? Новые пылинки

все так же отлетали от ткани пуловера, а я уж было не на шутку расстроилась, ведь долгое путешествие полностью

вымотало маленький организм. Хотя нет, постойте, что за глупость? Не повод вешать нос! Я буду жить и радоваться

жизни! У меня впереди целая вечность, чтобы облететь весь свет, побывать в далекой Африке, в Австралии, Новой

Зеландии, в конце концов! Сейчас переведу дух, вода закипит, и я снова ринусь с потоком пара в открытое окно! Я

справлюсь, я смогу, я выдержу любые испытания, ведь я не кто-то, а цельная свободолюбивая личность, я, я...»

Не успела пылинка договорить эти слова, как крышка над ее маленьким телом закрылась. Самоуверенная мусоринка

упала в кипящую воду и мгновенно перестала быть собой. Ее существование не дало ничего ценного миру. И так

будет всегда, до тех пор, пока мы не научимся видеть в самых простых и банальных окружающих мелочах нечто

стоящее, способное прожить свою крохотную жизнь гораздо ярче и полноценнее, нежели проживаем ее мы.

[Аромат надежды]

Представьте себе сказочно прекрасную Австрию в самом начале мая, утонченную Вену, романтическое изящество

силуэтов и грациозные изгибы улиц, замысловато петляющие между старинных зданий. Представьте дом на юге

этого дивного города, затем большую и дружную семью, беспечно проживающую в нем. Строгого отца, ни на минуту

не снимающего очки, гордо восседающие на самом кончике носа, его верную супругу – заботливую хозяйку, во всем

внимающую мужу, сына, купающегося в море разнообразной научно-технической литературы, и трех неугомонных

дочерей. А еще нарисуйте в своем воображении мой образ, самой старшей из них – миниатюрной брюнетки, вечно

собирающей непослушные вьющиеся волосы в строгий хвост на затылке.

От рождения мне было дано чрезвычайно милое, трогательное, с налетом наивности и детской непосредственности

имя – Эмили, но коллеги, будучи закоренелыми прагматиками, коротко и ясно кличут Эм. Так, видите ли,

лаконичнее и представительнее.

Закончив учебу, я устроилась менеджером по продажам в преуспевающую фирму по торговле живыми цветами. С

детства обожаю их аромат, а теперь розы, лилии, герберы, тюльпаны всегда под рукой. Благоухание юных

нераспустившихся бутонов такое легкое и прекрасное, что все беды и невзгоды сами собой уносятся прочь. Но для счастья этого было мало. Хотелось обрести любимого, обзавестись детьми и сбежать от родителей. Но, к сожалению, на горизонте даже близко не было того единственного, за которым можно пойти хоть на край света, и который стал бы надежной опорой.

Встречающиеся на моем пути, в частности в нашем бизнесе, мужчины зачастую инфантильны, либо же, напротив, резки, суровы и чересчур амбициозны. Быть может, посоветуете выскочить замуж за первого встречного – шефа, например? Нет-нет, он слишком похотлив и алчен, а стоит вертихвостке секретарше появиться на пороге, о – это стоило бы видеть! Пылающие стыдливым румянцем щеки и влажные дрожащие ладони взрослого мужчины... Стыд и срам.

Единственными юношами, которые не вызывали чувства презрения или же дикие желудочные спазмы, являлись некие Эдмонд Томпсон и Уолтер Прайс. Первый из них – мой лучший друг: скромняга, робкий и застенчивый явно не в меру. Блондин со строгими прямыми чертами лица (несмотря на все положительные качества довольно заурядной внешности) подрабатывает разносчиком готовых цветочных композиций. Второй же, Уолтер – фигура выдающаяся в буквальном смысле слова: темноволосый красавец, статный и стройный, с глазами цвета янтаря и улыбкой, сияющей тысячами звезд. Обходителен и дружелюбен, но только с клиентами, поскольку является продавцом-консультантом на пару с вульгарной Сильвией Фэйн. Но в ту пору ему до меня совсем не было дела: прекрасен, подобно Богу, но холоден, как бескрайние антарктические льды.

Правда, однажды имел место случай, когда я уронила папку с бумагами нарочно перед самым носом Прайса. Он наклонился, вежливо помог собрать небрежно разметавшиеся по полу отчеты, а после улыбнулся так ласково, с такой глубокой теплотой, что на мгновение в моей душе поселилась светлая надежда на то, что он хоть раз взглянет на «железную леди» Эм, так как подобает смотреть истинному джентльмену на даму своего сердца.

Что касается Эдмонда, то он был самым близким мне человеком среди этой «стаи волков», холил и лелеял,

фактически носил на руках и вечно защищал от саркастических нападков Сильвии. Другое дело, что с его мнением в

офисе никто не считался – разносчик, и этим все сказано! Но кто бы мог подумать, что душа этого юноши чиста,

сердце огромно, а воображение даст фору любому из «стервятников». Он также являлся «жилеткой», впитавшей

много моих слез, потому что друга и помощника роднее в моей жизни никогда не было и быть не могло. Хотя вам

должно быть наскучила эта нудная демагогия? Давайте лучше я поведаю историю о том, как надежда на светлое

будущее и личное счастье переступили порог и моего дома.

Раннее утро, восемь тридцать. Самое время вскочить с кровати, а потом стремительно бежать на работу, доедая

бутерброд на ходу и неустанно спотыкаясь по дороге. Но как же я могла забыть – сегодня выходной, самый что ни

на есть настоящий! Хотя привычку просыпаться по первому писклявому звонку будильника никак не отобьешь.

Родители еще досматривают красочные сны, сестры тоже, самостоятельный брат уже при деле, копается в недрах

оперативной памяти подержанных ноутбуков, а я лениво бреду на кухню, чтобы выпить кофе и окончательно прийти

в себя. Вдруг секундный звонок нарушил заунывную тишину. Медленно подойдя, я осторожно приоткрыла входную

дверь и удивленно замерла: чудесная алая роза, лежащая на холодной земле, и крохотная записка рядом. Кто это

может быть? Тайный поклонник? Вряд ли. Подняв цветок и вдохнув его чарующий сладостный аромат, я напрочь

потеряла голову. В записке была всего лишь пара странных фраз: «Дорогая Эмили, я очень рад преподнести тебе

этот цветок в знак неисчерпаемой симпатии! Надеюсь, он...» Да, многоточие – не снимающее вопросы, застывшие

изумлением в девичьих глазах. Вокруг никого, так тихо и умиротворенно, город еще не очнулся от дремы, а тут

такое. Разбудив семью, я поняла лишь одно – никто из них к этому удивительному посланию не причастен. Брат

тоже был сбит с толку. Тем не менее роза заняла почетное место на столе в гостиной.

На следующее утро на том самом крыльце мною был обнаружен еще один сюрприз. И вовсе не одинокий цветок, а

целых три тигровых лилии, перевязанных серебристым шнурком. Рядом красовалось аккуратно сложенное письмо, в

нем оказалось продолжение начатого в прошлом послании предложения:
«...понравился тебе точно так же, как

понравятся и эти лилии. Их благоухание сводит...» И снова
многозначительные три точки. Хочешь поиграть,

таинственный незнакомец? Ну-ну, мне будет интересно понаблюдать за
тем, как прибавляются букеты в вазах, а

еще ну очень любопытно узнать, что же будет в последнем обращении...
и когда оно будет, если будет вообще.

Огромная искренняя радость переполнила мое сердце до самых краев:
внимание, мужское, столь редкое и столь

приятное! Ведь мне как неизбалованной особе, не искушенной в
амурных делах, получать его лестно вдвойне. На

следующий день были гладиолусы, после тюльпаны, магнолии, даже
свежие ландыши, откуда только он их

раздобыл? Целая корзина сочных зеленых листьев, сплошь усыпанных
крохотными белыми колокольчиками,

подобным отборным жемчужинам!

С каждым днем цветов становилось все больше, а места в нашем доме
все меньше. Письмо обрастало красивыми

строками и фразами, не вычурными, а скорее элегантными. В скором
времени я догадалась, что отправитель

прибегал к услугам нашей фирмы. Ленточка с логотипом, скрывающая
букет удивительно красивых сиреневых

орхидей, фактически рассекретила моего тайного обожателя.

Через две недели я решила проследить за тем, кто же подкидывает
роскошные подарки на порог моего дома.

Спрятавшись за углом около семи утра, я следила за происходящим
вокруг. В ста метрах от моего добровольного

убежища лаял пес, рядом пели какие-то диковинные птицы... И вот
послышались чьи-то шаги, совсем близко, отчего

мое сердце едва ли не выпрыгнуло из груди. Ну кто же там? Постойте,
Эдмонд? Разносчик цветов?!

От изумления я ойкнула, тут же выдав свое местонахождение другу. Он
вздрагнул, а после положил букет из пяти

гербер на крыльцо. Затем юноша приблизился ко мне и
поинтересовался, все ли в порядке. Я закивала головой, а

после набросилась на молодого человека с расспросами. Он был
ошарашен и взволнован, но, тем не менее, привел

веские аргументы и оправдания, мол, цветы и вправду поступают из
нашего офиса, кто заказал – не знает. Какой-то

мужчина лет эдак под двадцать пять, высокий, стройный, интеллигентный... Хм-м-м... вот это уже интересно!

Больше Эдмонд ничего не сказал, заверив меня, что в записки ни разу не заглядывал и даже не собирался, а после,

вежливо попрощавшись, умчался по своим делам. Забавно-забавно, зато теперь я знаю, где тебя искать.

Позже я начала подозревать одного своего знакомого. Не иначе это Уолтер Прайс, ведь лучший способ быстро и

дешево достать цветы – работать в фирме, специализирующейся на их продаже. В последнее время мне казалось,

что я все чаще ловлю на себе его теплый, дружелюбный взгляд. Неужели мы настолько сблизились? Он стал ласков,

вежлив и галантен; часто подходил ко мне и задавал тот или иной вопрос, интересовался карьерой, да что уж там –

откровенно флиртовал! Последней каплей стала записка на букете с ирисами, в которой автор как бы подводил

итог: «Теперь, о милое создание, ты знаешь о моей огромной трепетной любви. С уважением, навсегда твой П». Что

еще за «П»? С большой буквы, заметьте! Однозначно Прайс, он и никто иной! Так значит, любит?! Боже, великое

счастье градом положительных эмоций обрушилось на мою голову!

Я, не теряя ни минуты, поспешила в офис, где и столкнулась с Уолтером, который, кстати, предложил мне

встретиться в субботу вечером в каком-то модном клубе, отметить годовщину нашего знакомства... Год и три месяца!

Надо же, он помнит! «Непробиваемая» Эм молниеносно согласилась, взвизгнув от счастья и чмокнув

рассекретившегося незнакомца в губы, на что он лукаво улыбнулся и тем самым заложил первый камешек у

подножия лестницы, ведущей прямо в облака – к нашему общему счастью.

В выходной день я надела свое самое красивое платье, искрящееся на свету россыпью бусин и пайеток, довольно

короткое, безусловно, интригующее и неизбежно притягивающее мужские взгляды. Затем распустила волосы,

напрочь отказавшись от привычного «конского хвоста», и надела чуждые мне туфли на шпильке.

Мы увиделись в клубе, беседовали, танцевали под шумную музыку, смеялись и произносили тост за тостом. В

конечном итоге около семи утра он вызвался проводить меня до дома, чему я как главная героиня вечера была

несказанно рада. Когда мы приблизились к самым дверям, Уолтер прислонил ладонь к стене на уровне глаз, а после

коснулся моих губ своими – так нежно, чувственно и робко, затем все раскованнее и смелее. Впервые за всю жизнь

взрослая девочка пылала от стыда, боясь гнева родителей. И вот уже руки Уолтера обвивают мое тело, исследуя его,

касаясь каждого изгиба, а губы жадно поглощают мои ласку и трепет сквозь этот долгий сладкий поцелуй.

Проворные мужские пальцы касаются моей щеки, скользят по подбородку к шее, а от нее все ниже к самому подолу

платья, все навязчивее... Пстой, нет-нет, не превращай первое свидание в пошлую сцену из дешевого кинофильма!

Внезапно отстранив мужчину, я столкнулась с негодующим холодным взглядом. Колкая фраза, слетевшая с уст

Уолтера, пронзила мое сердце стрелой обиды и горечи: «Да брось, зачем ты ломаешься?! Сама этого хотела, иначе

не встретила бы со мной, не надела бы это вульгарно-вызывающее платье, не стала бы менять образ! Эм, да ты же

просто испепеляешь меня томными взглядами на работе, так в чем проблема?! Или, может быть, сегодня голова

болит? Ну, тогда отложим до следующего раза». «Следующего раза не будет», – коротко отрезала я, едва

сдерживаясь от умопомрачительного желания врезать мерзавцу. Эм... ведь даже по имени не назвал, как в тех

дивных посланиях!

Секундой позже где-то неподалеку послышался знакомый голос. Это был мой лучший друг, и, видят боги, как рада я

была встретить его этим утром! Юноша держал в руках букет гвоздик и очередную записку. Поблагодарив его за

цветы, я тут же развернула письмо и вот уж изумилась, прочитав следующее: «С уважением, навсегда твой

ПРЕДАННЫЙ И ВЕРНЫЙ поклонник, Эдмонд Томпсон». Уолтер в этот момент лениво махнул на нас рукой и

отправился на поиски новых приключений, я же бросилась на шею «таинственному незнакомцу» с благодарными

объятиями и слезами счастья на глазах.

С того дня мы начали встречаться. Эдмонд еще долго не мог поверить в то, что я поддаюсь его клятвенным, но в то

же время надуманным оправданиям, поверила им и могла представить в роли отправителя цветов ничтожного

Прайса. Мы долго вспоминали этот случай, смеялись над моей девичьей неосмотрительностью, радовались

внезапному «нахождению» друг друга и обретению тех чувств, которых нам обоим так сильно не хватало.

Ранее я не замечала своего счастья – глубокого, мудрого, рассудительного юношу под боком, друга и соратника,

способного весь мир положить к моим ногам и горы свернуть во имя самой сильной любви, на которую только

способен мужчина. Эдмонд простил мне эту ошибку, простил слабость и тягу ко всему «блестящему и яркому», к

красочным конфетным оберткам, сбивающим с ног своей безукоризненной красотой. Но ведь обертка в данном

случае оказалась пуста, лишь надута, как мыльный пузырь, для создания общего благоприятного впечатления. А на

ту чудесную сладость, где содержимое во много раз весомей внешних качеств, юная героиня не обратила ни

малейшего внимания. Это печально и досадно, особенно для меня.

Сейчас мы живем на севере родного города, подальше от шумной родни и воспоминаний. Я замужем, в семье

подрастают двое сыновей, один из которых удивительно похож на отца, а второй – моя точная копия. Мы счастливы,

и в нашем доме есть место миру, спокойствию и уюту. А еще самый светлый, самый близкий и самый любимый

человек на всем белом свете ни разу за эти долгие годы совместной жизни не позволил себе назвать меня коротко и

лаконично – Эм. Для него я навсегда останусь нежной, милой, робкой и по-детски наивной Эмили, не чающей души

в цветах. Получается, действительно любит, ведь иначе просто не может быть. И этот рассказ имеет самый что ни на

есть счастливый конец, сдобренный каплей растерянной грусти, – как и последнее письмо, раз и навсегда

раскрывшее тайну моего страстного поклонника.

[Письмо незнакомцу]

Т. вернулся в родной дом после долгих месяцев отсутствия. Фестивали, премьерные показы и прочие атрибуты

публичной жизни уже давным-давно заполнили пустоту в его сердце. Любить профессию и дарить ей весомую часть

собственной свободы – не порок. Хотя кто знает, что стало причиной не по-детски активного подбора ступенек для

будущей карьерной лестницы? Допустим, его вынудили обстоятельства, а может быть, во всем виновато юношеское

желание узнать как можно больше: увидеть мир, завязать выгодные или по крайней мере приятные знакомства.

«Кровь только начинает закипать, и ты стремишься всецело отдать себя на растерзание этому безумному миру:

даришь свою душу, не требуя ничего взамен, и фактически продаешь свое тело, стараясь заработать на

самостоятельную жизнь. Ты молод и талантлив, хотя в других странах твой талант еще не до конца признан, не

прочувствован: люди так и норовят сослаться на холодность, прерывность контакта со зрителем и подавно –

отсутствие всякого проявления человеческих эмоций, вот уж глупость. Ты горд и алчен только потому, что толком

ничему еще не научился, а уже имеешь право диктовать окружающим свои условия. Что ж, у тебя есть повод, смысл

это делать, деньги, чтобы “договориться по-хорошему”, и масса бодрости. Но ведь могут возникнуть дела куда

поважнее – дома тебя уже ждал сюрприз, мой юный друг.

Ты вернулся в добром здравии и прекрасном настроении, ведь жизнь распахнула перед тобой недра своей

амбициозной сущности. Но сегодня, вежливо поприветствовав родителей и проведя с ними совместный семейный

ужин, ты отправишься напрямик в свою комнату изучать пришедшую за время мирового турне почту. Начнешь

скидывать в мусорную корзину целые охапки надушенных дешевыми французскими духами писем от своих верных и

любящих поклонниц. Будешь воротить нос и корчить недовольную мину всякий раз, когда в той или иной строчке

послания промелькнут слова, подобные “хорошенькому” или “сладкому”.

Ты выйдешь на задний двор и с ожесточением выбросишь груды скомканной бумаги, чтобы потом сжечь дотла, а

после растоптать остатки любви твоих малолетних фанаток. Она тебе не нужна? Быть может, уже приелась? О, мой

милый Т., как же ты бессердечен в своей самовлюбленности. Но ведь одно письмо, одно-единственное письмо,

дрожащее сейчас в твоих руках, все-таки заставит вспомнить о самом главном – о том, что, претендуя на пост

всеобщего достояния, любимца публики и идола для миллионов сопливых девчонок, ты все еще остаешься

человеком... Таким же, как и я».

Так начиналось письмо, присланное из неведомых строптивому юноше краев. Он и вправду сжег всю почту без

зазрения совести, не моргнув и глазом. Но этот аккуратно сложенный конверт непривычного лилового цвета источал

необыкновенно тонкую таинственность. На обороте мелким кружевным почерком было вырисовано несколько

интригующих фраз:

Виктория, Британская Колумбия, Канада.

На самую неизвестную улицу, в самый неизвестный дом,

Самому таинственному незнакомцу Т.

Город бесконечных грез, Страна несбывшихся надежд.

Из недр моего сердца, из глубин моей души...

Прямиком тебе в руки.

Лицо молодого человека скривилось в язвительной ухмылке. И как оно смогло меня найти? Действительно, странно.

Но именно из странностей и зачастую неразгаданных тайн строится наша с вами витиеватая жизнь, не так ли? Т.

усмехнулся, но конверт все же сохранил.

Сразу после ужина, закрывшись у себя в комнате и удобно устроившись в кожаном кресле, юноша осторожно

высвободил из сковывающей бумажной темницы хрупкое письмо. Еще до того, как Т. раскрыл его створки, до него

донесся аромат, состоящий из нежных ноток ванили и благородной древесной терпкости сандала. На мгновение в

его подсознании предстал образ девушки, отправившей это дивное послание: такой грациозной, робкой и

застенчивой... Но в то же время взгляд ее, должно быть, полон мягкой выразительной чувственности. Юноша

мгновенно поддался искушению – даже не прочтя ни единой строчки. А после он медленно, неторопливо начал

погружаться в мир этой удивительной таинственной незнакомки.

«Мои слова ничуть тебя не удивили или же вызвали мимолетное сомнение в том, как же прекрасна эта тайна, пока

не начнешь углубляться в ее суть? Я оставалась для тебя загадкой всегда: с самого рождения и до сегодняшних

дней, до этой самой минуты. Загадкой и умру, но, увы, отнюдь не на твоих руках. Ты знаешь, милый мой страстный

Т., как все-таки прекрасна молодость в своем девственно-первозданном облики. Пока ты не постиг истину, не начал утруждать себя раскопками тайн бытия и прочей тягучей ересью. Я не смогла остановиться вовремя и стала слишком мудрой. И мудрость эта – мой порок. Она не позволяет мне вернуться в сказочное детство, даже будучи такой свежей и юной, девственной телом и душой. Я погибаю от своего всеобъемлющего понимания. Я вижу людей насквозь, чувствую их через тысячи километров, знаю все о каждом, но что это дает в итоге? Нет чарующей интриги, и вот уже жизнь лишена изюминки – самого сладкого, сокровенного.

Мой друг, ты слишком молод, чтобы меня понять. Хотя и я не так стара в свои семнадцать. Мы с тобой практически ровесники, и это так дико, так непривычно. Для меня ты все еще ребенок, я же ощущаю мир, как будто уже вышла на пенсию. Мы такие разные и такие чужие друг другу.

Ты очень талантлив и таишь в себе недюжинное обаяние, это видно невооруженным глазом – словно сияешь с ног до головы, излучаешь лучезарное счастье, и от твоей улыбки ледяные склоны австрийских Альп начинают медленно таять. Но я не собираюсь тебя хвалить, о нет, не вздумай допустить подобной мысли! Твой талант расточителен, а обаяние холодно. Ты “распыляешься” повсюду, дабы понравиться целому миру, а улыбку даришь лишь при свете софитов на злополучных красных дорожках. Стоит заметить, ты не слишком умен. Это молодость сказывается. Как известно, на всех она действует по-разному, и твои прожитые годы сильно отличаются от моих. Кто ты, и кто я? Ты известен миллионам и настойчив в достижении своей заслуженной популярности, я же уверена в силе своего слова и совершенно одинока по жизни.

И ты, и я – песчинки на земной коре, невидимые и ничего не значащие. Легкое дуновение прибрежного ветерка, и о нас больше не будут помнить. Хотя, возможно, тебе все же удастся стать легендой в мире кино... Мне же удастся навсегда остаться легендой в твоём сердце. Да-да, ты не ослышался: я точно знаю, как дорого тебе будет это письмо, как бережно ты спрячешь его за пазухой собственной куртки, прежде чем снова покинуть дом. Я предвижу, как ты будешь хранить мое послание долгие годы, вспоминая о той единственной, что несколько не любила тебя, но,

тем не менее, запала в душу на веки вечные. Пока ты еще не осознал свою зависимость от нашего с тобой

маленького секрета, от нашей тайной связи сквозь пространство и время – связи через этот тонкий лист надушенной

бумаги. Но позже к тебе придет осознание ценности этого никчемного конверта, таящего в себе мое откровение. Все

будет – только позже... А пока я поведаю тебе нечто сокровенное, только никому не проболтайся, договорились?

Я с ранних лет страдаю ужасной сентиментальной любвеобильностью, до трепетной дрожи от ударов крыльев

бабочек внизу живота. На моем коротком веку случались разные романы: и детские в песочницах, и взрослые

посредством переписок, и надуманные, но от этого не менее страстные: на почве фантазий и безумных погружений

в мир собственных грез. Как думаешь, какие оставили наибольший след в моей памяти? Все верно, ты не можешь

найти ответа на этот, казалось бы, простой вопрос, как я и предполагала. Тогда отвечу сама за себя: в каждом

романе была своя неповторимая прелесть, но первые два могли ранить и делали это не раз, поэтому останавливаю

свой выбор на категории романов-призраков, фантазий, сумбурных и опрометчивых.

Я создавала себе десяток, другой символических кумиров, картинок, лишенных души, в которых оставалось разве что

только слепо верить, а еще обожать – бесконечно, безгранично обожать! Не представляешь, какое это счастье: ты

отдаешься целиком со всей возможной преданностью, и тебе никогда, никогда не сделают больно, напротив: это

великое таинство безответной любви! О, мой юный Т., ты думаешь, что я сошла с ума и несу несусветную чушь?

Поверь мне, это далеко не так. Нужно лишь подрасти, и понимание придет само, а пока не стоит забивать себе

голову подобной ерундой. И вот таким вот образом жила я долгие годы до и после предстоящих разочарований. Это

спасает, вытягивая тебя из повседневных забот. Но спустя некоторое время я поняла, насколько глупа вся эта

романтическая мишура, как бессмысленно дарить себя другому человеку, не требуя ничего взамен.

Я отключила свое сердце, позволила ему отдохнуть и сделать передышку. Оно устало от обид и горечи потерь. Но

после, выйдя на балкон в ясную ночь, я заметила на небосклоне юную звездочку, пленившую меня своей чистотой.

Начала интересоваться, узнавать о ней все больше и больше. Решила вновь связать себя узами всепоглощающей

привязанности к мифическому человеку с другого края света. Поддалась искушению на считанные мгновения... но

после погрузилась в его мир, в мир объекта моего безумного страстного желания. Он был вполне обычен, беден и

пуст. Посредственная жизнь одаренного подростка без прикрас, как она есть, не произвела на меня должного

впечатления.

Для меня ты навсегда останешься карикатурой, картонным человеком – неустойчивым и хрупким. Но несмотря на

это, вознесешься к самому солнцу и примкнешь еще одним цветом к радуге – цветом нездорового влечения, цветом

перемен и новой дозы адреналина в моей крови. А так, пустое место.

Глядя на тебя, я схожу с ума и растворяюсь в собственной страсти, в собственной сказке, созданной буквально на

днях. Я погружаюсь в мир своей мечты, где нет никого, кроме нас двоих. Я изучаю тебя шаловливым взглядом и

поглощаю глазами каждую черточку, каждую клеточку твоего удивительно приятного лица. Я нежно прикасаюсь к

твоим уставшим векам, ласково утопаю пальцами в густых волосах и приникаю к чувственному рту едва

приоткрытыми губами. Я сливаюсь с тобой, чтобы никогда больше не отпустить из памяти и сделать единственным

фаворитом своего измученного сердца. Я стараюсь верить в свою выдумку, но точно знаю, что и ей в один

прекрасный день наступит конец. Прости, но этого не миновать. И не стоит срывать злость на моем письме, не

прожигай его таким свирепым взглядом!

Мы не увидимся, не споемся и не услышим друг друга никогда более. Найти меня тебе не под силу: даже Эркюль

Пуаро не смог бы разгадать мою окутанную мраком тайну, ведь я – твоя совесть, выплывшая на поверхность в

разгар славы и всеобщего обожания. Я ухожу от тебя, потому что такой наглый и борзой юнец никогда не сможет

удержать в себе остатки самого святого, самого ценного. Прощай, мой милый друг. До встречи в следующей жизни.

С нескрываемым трепетом, но отсутствием всяческого уважения.

Навсегда не твоя Е.»

Т. отложил письмо в сторону и еще долго изучал тоскливый пейзаж за окном. Потом он по велению сердца поднялся с кресла, вернул надушенный лист бумаги в конверт и спрятал его за пазуху, чтобы никогда впредь с ним не расставаться, в память о той сказочной незнакомке, внезапно спустившей его с небес.

[Яд на кончике ножа]

С самого рождения я слыл жутким эстетом. Маму это радовало, каким-то невысказанным образом выделяя ее

бестолкового сынка из толпы. Моя любопытствующая душа так часто черпала вдохновение из самых обыкновенных

вещей, будь то осколки битого стекла от пивных бутылок под окном или же металлическая стружка, рассыпанная по

бурой земле на той стройке, где в юности я подрабатывал вместе с соседской шпаной. Творческую жилку во мне

будили и алая кровь на виске соседа-алкоголика, неслабо ударившегося о лестничную ступень, и тонкие шелковые

трусики нимфетки с соседнего двора, аккуратно развешанные стройными рядами на потертой бельевой веревке.

Юношеское внимание захватывали даже быстрые крысиные перебежки из одного угла комнаты в другой,

мелькающие причудливыми силуэтами на стареньких облезлых обоях. Хотя на самом деле крысы вызывали у меня

дикое отвращение. Мне нравилось наблюдать за их тенями, но не более того. Порою дело доходило до крайности:

мне в одиночку приходилось таскать на своем горбу с местного продовольственного склада прямоиком в собственный

подвал мешки, доверху наполненные мышьяком.

Мама очень любила меня, холила и лелеяла, как могла. Растить взбалмошного сына без отца было довольно трудно,

но она справлялась и делала это играючи, всячески поддерживая все мои начинания. Она научила меня творить,

изливать свою душу в произведения искусства. В нашем доме находилось применение всему: я ваял точеные

женские силуэты из речной глины, вырезал фигурки из дерева и собирал удивительные коллекции из высохших

полевых цветов. Никто вокруг не разделял мои стремления сделать мир хоть чуточку лучше, ярче и красочнее.

Мать отдала меня в школу, и я учился на отлично, чтобы не подвести ее и доказать всему миру, что из юного Алека

может вырасти что-то действительно стоящее. К нам в дом часто приходил тот самый сосед. Он выпрашивал у мамы

деньги на выпивку, всячески оскорблял заботливую хозяйку, периодически угрожая ужасной расправой и устраивая

жуткие потасовки. Я очень его боялся, в такие моменты забивался под кровать и цепенел от леденящего кровь

ужаса. Мы были израненными напуганными жертвами.

Мама очень переживала, рыдала по ночам и засыпала только под утро. На нервах она заливала свое горе терпким

виски: сначала изредка, лишь для того, чтобы снять накопившееся напряжение, затем все чаще и чаще – разрушая

свой измученный организм изнутри. В результате чего однажды в момент сильного алкогольного опьянения

беззащитная женщина внезапно вылетела на дорогу, по-видимому, решив поймать такси, чтобы покинуть это

значное место раз и навсегда, но автомобиль ехал слишком быстро и водитель не успел притормозить. Только тогда

я узнал, каково это – быть одному, при всем при этом прекрасно понимая, что уже никто и никогда не поддержит

моего стремления создать нечто прекрасное, уловить и постигнуть самую суть красоты.

Время шло, и в конце концов я смирился с невозполнимой утратой и горечью потери. Поступил в какой-то

невзрачный колледж, старался выбиться в люди, заслужить незримую похвалу умершей матери, так часто

посещающей мои сумбурные сны. Поначалу я подрабатывал грузчиком, ремонтировал крыши и сараи, откладывая с

каждой выручки на машину.

Многие годы я копил и наконец добился своего: получил права, купил старенький «додж» и устроился водителем. В

результате отремонтировал дом, выкрасил его стены в зеленый цвет, по-прежнему наблюдая за происходящими

вокруг изменениями: шпана повзрослела и разъехалась, нимфетка из соседнего двора выскочила замуж за

отставного военного, а моего соседа нашли мертвым в его же кухне – мистер Райли не рассчитал свои силы и

получил банальное алкогольное отравление. Мне не было его жаль, никому не было – у пьянчуги не осталось ни

родственников, ни семьи. Даже похоронить старика было некому, его попросту закопали в пяти километрах от дома,

там же, куда обычно вывозят всех умерших бродяг. Что-то вроде самодельного кладбища для нищих. Жизнь

постепенно начала налаживаться: я пахал как лошадь, перевозя ленивые задницы горожан из одной точки в другую,

тем самым обеспечивая свою холостяцкую жизнь.

Позже у меня появилась возлюбленная. Ее звали Рейчел – умница, красавица, о которой можно только мечтать. Мы

любили друг друга, сильно, искренне. Знакомство было спонтанным и неожиданным: пустынная про45

селочная дорога, жаркое полуденное солнце, клубы пыли, витающие в раскаленном воздухе, и девушка,

голосующая стоя на обочине, с темными, как смоль, волосами и в искрящемся на солнце серебристом сарафанчике.

Я решил подвезти юную леди до дома. Она согласилась. Всю дорогу мы без умолку болтали обо всем на свете. Для

своих семнадцати лет она была очень эрудированна и мудра. Но позже я заметил мою милую Рейч в компании

одного непутевого студента. Мне это жутко не понравилось, и нам пришлось расстаться. На память о ней мне

остался тот самый сарафан, блеском своим напоминающий мамино столовое серебро и хоть как-то утешающий меня

после печального разрыва.

Потом я повстречал Лиззи – продавщицу мороженого, которого мне так не хватало в знойный июльский день. О, ее

светлые волосы, застенчивая улыбка и смущенный взгляд лучезарных голубых глаз произвели на меня

неизгладимое впечатление. Мы уже месяц с ней встречались, когда она закатила масштабную истерику. Она остро

ощущала нехватку внимания, ласки и нежности с моей стороны. Но ведь я был занят, ужасно занят – писал маслом:

на холстах красовалась стройная женская фигурка с черными, как смоль, волосами, весело танцующая под дождем

или же встречающая наступление сумерек в лучах заходящего солнца. Нынешняя возлюбленная сильно ревновала

меня к девушке с картин, моей музе из снов, но я не простил ей подобное поведение, и вскоре мы сильно

поссорились, после чего я окончательно отказался от своей непутевой Элизабет.

Затем в моей жизни поселились кареглазая хохотушка Саманта, томная соблазнительница Меган и миниатюрная

Роуз. Были еще две, но их имена со временем стерлись из моей памяти. Каждая из девушек вечно находила повод

придраться к моему творчеству, изменяла при первой возможности и всячески старалась отравить мою воистину

безмятежную жизнь. Но расставались мы тихо и мирно, без лишних слов и взмахов руками. На прощание они так

преданно смотрели мне в глаза, с болью, горечью и слезами покидая гордого Алека навсегда. Вскоре я окончательно

разочаровался в женщинах, перестал искать идеальную спутницу жизни. В такие моменты меня спасали только феи

из снов, такие разные и удивительно красивые.

Я творил каждую ночь, вырисовывая тонкие очертания нежных юных лиц на старых холстах, оставшихся мне в

наследство от лучшего друга, по молодости увлекавшегося живописью. Он очень не хотел отдавать мне мольберт и

краски, но однажды написал завещание, в котором в качестве наследника указал почему-то меня. Видно мой

дорогой друг Марк чувствовал смерть, наступающую ему на пятки, – так уж случилось, что по стечению

обстоятельств он нежданно-негаданно отравился стряпней своей старой сварливой тетушки. Я очень грустил,

переживал, но в глубине души искренне радовался тому, что стал обладателем дивных

художественных инструментов. В моей жизни появился долгожданный проблеск, и я смогу теперь изобразить свои

красочные видения в мельчайших подробностях.

После расставания с последней возлюбленной я долго не вылезал из дома, соседи отчего-то боялись меня и

всячески обходили зеленую постройку стороной. Что ж, это их право. Но однажды вечером я отправился на своем

«додже» в город, чтобы развеяться и снять поднакопившуюся тоску, избавиться от преследующей меня череды

неудач. И это действительно удалось сделать. Я повстречал ее – мою единственную, горячо любимую малышку

Стейси. Ее мягкие каштановые волосы волнами оседали на хрупких плечах, скрытых под тонкой материей шелкового

платья. К слову, платье то было удивительно глубокого фиолетового цвета в мелкий белый горох – от него приятно

веяло чуждой здешним кварталам романтикой и непреодолимой таинственностью.

Ветер пронзал эту прекрасную девушку насквозь, она замерзла и, кажется, заблудилась в незнакомом месте. В столь

поздний час на улицах нашего провинциального городка нет никого, кроме бродячих псов и уже упомянутых мною

мерзких крыс. Помощи ждать не от кого, вот уж везенье ей было повстречаться со мной! Я любезно согласился

отвезти незнакомку к себе лишь для того, чтобы она провела ночь в уютной теплой постели, а завтра же

отправилась на поиски отеля. Моя новая муза с недоверием окинула взглядом салон старенького автомобиля, но все

же решила и удобно устроилась рядом.

Когда мы оказались дома, удивительную Стейси пришлось отогреть выпивкой и утешающими беседами. Я показал ей

свои картины, и девушке они на удивление быстро понравились. Я был изумлен, доверчиво обрадован сложившейся

ситуацией. Она нашла в них страсть, печаль и нежность, возможно, даже каплю горечи на кончике ножа. Мы

неустанно беседовали с милой спутницей, распивая виски, ром – да все, что было у меня припасено для подобных

случаев и ненароком попадалось под руку. Я влюбился едва ли не с первого взгляда, словно безмозглый мальчишка.

Но чем больше нравилась мне эта девушка, чем больше меня к ней тянуло, тем чаще вспоминал я свои неудавшиеся

попытки устроить личную жизнь. Меня это насторожило, внезапно я усомнился в искренности ее слов. Она такая же,

как все, ведь женщины ветрены, они просто не способны любить. Сначала ожесточенно издеваются, идут на измены

и предательства, а после бросают с умопомрачительной жестокостью и уходят, громко хлопнув дверью. Затем я

вовсе счел свое помутнение какой-то нелепой ошибкой, тут же предложив очаровательной, уже не на шутку

охмелевшей Стейси очередной забавный тост. «Да, да», – она согласилась, и я немедля отправился на кухню, дабы

пополнить уже опустевший бокал. Коньяк, еще раз коньяк и пару-тройку ло47

жек той чудесной приправы, что гордо зовется «arsenic», то есть «мышьяк». В таком состоянии девушка не способна

распознать дозу, я могу высыпать туда хоть полмешка!

О, милая Стейси, зачем ты так жестока? Зачем готова была поступить так же, как и те предыдущие – размалеванные

шлюхи? Зачем решила бросить меня? Зачем?! Я не прощаю обид, моя девочка, не прощаю. Ты думала об этом,

признайся, думала, как уйдешь от меня на следующее утро, лишив одинокого Алека последней радости, последнего

стимула жить?! Прости, но я был прав, когда сполнил тебе ту жуткую отраву, я был полностью прав. Ты корчилась от

боли, молила о пощаде, но я был холоден и безразличен. Но ведь в глазах твоих читалась преданность, тоска,

возможно, даже скрытая симпатия к моей надменной персоне. И перед смертью, в ужасных муках отравления ты

задала мне один единственный вопрос: «За что?» – так вот, родная, за то, что ты никогда не смогла бы полюбить

меня таким, какой я есть. Столь извращенным убийцей, страсть к мышьяку которого растет с каждым новым днем.

Ведь именно он в далеком прошлом помог убрать мистера Райли – ублюдка, измывающегося над матерью, и Марка –

жадного мерзавца, не желающего отдавать мне свой мольберт. И всех тех милых девушек, моих возлюбленных, моих

прекрасных муз, которых днями и ночами изображал я на своих чудесных картинах.

С тобою все произошло ничуть не лучше, я так же избавился от тела, отвезя его на своей машине к старому

кладбищу для нищих. Так же отрезал прядку густых каштановых волос и так же забрал себе на память фиолетовое

платье в мелкий горох. И сейчас я нарисовал твой портрет – таинственный, воздушный, благоухающий свежей

краской холодных тонов. Но ведь соседи не дремлют, они уже давно следят за мной и наблюдают за тем, как

девушки бесследно исчезают с улиц никому не нужного городишки. Полиция уже ищет маньяка и попросту

свихнувшегося гения. И вот я здесь, в последний раз, ведь если вы нашли это письмо, меня уже, должно быть, нет в

живых. Я выполнил свое предназначение, на вечную память останутся мои картины.

Поэтому теперь я смело выпью коньяку. Бокал недрогнувшей рукой, а лучше всю бутылку залпом, непременно

смешанную с моим любимым ядом. Прощайте и оставьте меня в памяти таким – творцом прекрасного, художником и

мастером своего дела.

С уважением, Алек Шепард –
человек, познавший истинную красоту

[Ожившая Сказка]

Я росла в эпоху королей и была принцессой датской. Родители меня очень любили, не скупилась на подарки и мечтали удачно выдать замуж. Слуги вечно осыпали наигранными лестными комплиментами, баронессы из других поместий завидовали моей красоте и кусали локти, наблюдая за тем, как у юной особы один за другим прибавляются кавалеры. Не скрою, на внешность никогда не жаловалась: крохотное личико, чуть вздернутый носик и маленький пухлый рот, огромные глаза насыщенного синего цвета, а ко всему прочему длинные золотистые локоны по пояс, так к стати дополняющие образ инфантильной зазнавшейся куклы. На самом деле я никогда не была такой, напротив: добрая, честная, преданная близким людям, годами скрывала ото всех истинную глубину своей души. В моем случае проще было сойти за дурочку, легкомысленную и ветреную, нежели раскрывать вызывающим отращение людям настоящее, живое, своенравное нутро, так сильно рвущееся наружу. Отец являлся жутким подкаблучником и вечно шел на поводу у матушки – гордой заносчивой особы, эгоистичной и надменной во всех своих проявлениях. Благо, я была единственным ребенком в семье, и мама души во мне не чаяла. Но родительская любовь не доставляла особой радости, и я с нетерпением ждала появления на горизонте сказочного принца, надежного и верного – такого, как в самых сокровенных мечтах. В его любви я истинно нуждалась, как в глотке свежего воздуха посреди смрада этой омерзительно вызывающей знати. Но время шло, а долгожданный герой так и не появлялся. Когда мне стукнуло семнадцать лет, отец созвал всех благородных мужчин от млада до велика, дабы сосватать кому-нибудь из них свое ненаглядное сокровище. О боги, видели бы вы меня в тот момент!

Утыкалась в подушку, заливая ее горячими слезами. Моего мнения никто не спрашивал – выйдешь за

достойнейшего из достойных, и точка.

Теплым майским вечером мы с семьей и верными подданными собрались в большом зале нашего уютного дворца,

чтобы поприветствовать прибывших претендентов на мою руку и неискушенное девичье сердце. Я с ужасом

оценивала медлительных старцев, надменных горделивых молодых людей, сумасбродных вояк и выдавших виды

путешественников, забредших в наши края волею судьбы. Отец доверил выбор матери, и она после долгих

размышлений сделала его в пользу своенравного светловолосого юноши из соседнего королевства. Он являлся

наследником престола и должен был занять его сразу после смерти своего отца.

Ох, принц Рочестер, как же Вы омерзительно смотрели на меня в тот день, как жадно оценивали, как сверлили

взглядом, полным нездорового интереса! Я помню Вас и ненавижу за ту пытку, которой Вы меня подвергли! Свадьбу

сыграли вскоре, на бал было приглашено множество известных людей, заслуживших свое почетное звание в

обществе. Но главная героиня вечера не вышла к ним, запершись за семью замками и моля Господа о спасении. А

позже в двери спальни постучался новоиспеченный муж.

Я отворила засов, боясь нарваться на его пылкий гнев, и тут же осознала всю свою беспомощность перед этим

алчным похотливым циником. Он подошел ко мне и с силой толкнул на огромную постель, устеленную золотисто-

бежевыми простынями. Я всячески сопротивлялась, боролась с ним как могла и в самый решающий момент толкнула

нахала изо всех сил, тут же вскочив с ложа и ловко высвободив острый клинок из ножен, расположенных на поясе

мучителя. Принц отпрянул на мгновение, а после ринулся на меня – за что и получил удар лезвием в самое сердце.

Я не хотела убивать его, всего лишь пыталась как-то отпугнуть, но звериная жажда, взывавшая в герое с

ужасающей силой, погубила несчастного в мгновение ока. Когда он рухнул, с шумом ударившись оземь, я поняла,

что отныне на моей беспечной судьбе поставлен крест.

Перед смертью принц тихим, леденящим душу шепотом произнес несколько устрашающих фраз:

Дрянная девчонка... ты ответишь за то, что натворила!
Не пожелала быть моей, так не достанешься никому в целом мире!

Пусть в полночь свершится проклятие злое:
Ты станешь игрушкой на веки веков,
И лишь поцелуем мужчины-героя
Спасется принцесса от жутких оков!

На секунду я замерла, окутанная слабым сиянием, а после, не придав
его неразборчивым словам особого значения,
бросилась прочь, оставив обидчика корчиться в предсмертных муках. На
часах в главном зале пробило без четверти
двенадцать. Я бежала мимо слуг, провожающих меня встревоженными
взглядами, пока не услышала за своей спиной
пронзительный женский крик, падение серебряного подноса и
характерный звон разбивающейся посуды. Стирая
слезы, я выбежала из замка кровожадного принца и отправилась в
глухой лес, находившийся сразу за высокой
оградой. Я мчалась сломя голову подальше от этого ужаса в надежде
скрыться хотя бы на какое-то время, как вдруг
чей-то мягкий голос прошептал: «Полночь... полночь... полночь...»
Все вокруг меня тут же заволочило густым сиреневатым дымом, и я
начала медленно уменьшаться, а вскоре и вовсе
затерялась в высокой траве, превратившись в фарфоровую куклу с
небесно-синими глазами, пушистыми ресницами
и длинными золотистыми локонами.
Я пролежала в лесу на холодной влажной земле долгие месяцы, годы,
столетия. Я все понимала, чувствовала и
лишний раз корила себя за девическую опрометчивость. Нет сил
пошевелиться, нет сил произнести хоть слово,
выронить сдавленный крик отчаяния. Как же одиноко мне было все это
время! В вымазанном платье, с
растрепанными волосами – кукла, пустышка для всего человечества.
Какой сейчас по счету день? Какой век? Кто
знает, сколько я здесь пробыла? Меня пытались клевать дикие лесные
птицы, падкие на все блестящее, и чуть было
не проглотил ужасный вепрь.
Хрупкое тело обливало дождем, капли попадали в глаза, но я не могла
зажмуриться и стряхнуть с себя воду, а лишь

мысленно рыдала, где-то в глубине души жалея о содеянном. Так вот каков этот принц! Поговаривали, что его

дальними родственниками являются члены древнего колдовского рода. Но моя матушка не восприняла это всерьез,

считая что достаток и внешняя привлекательность избранника будут лучшими помощниками ее дочери на пути к

сокровенному женскому счастью. Ах, горечь сжимала крохотное сердце, бьющееся совсем незаметно, так, что его

удары невозможно расслышать. О том, что я жива, я чувствую, я вижу, могла знать только я сама – виновница

случившихся бед.

И вот однажды солнечным летним днем я услышала чьи-то неторопливые шажочки. Тоненький женский голосок

напевал какую-то милую песню... Пойдите, кто это? На помощь, спасите, вызволите меня из этого жуткого плена!

Попытки закричать не увенчались успехом. Вдруг неподалеку, на соседней лужайке, я краем глаза заметила два

силуэта. Это и вправду люди! Великое счастье! Ну же, идите сюда, не бойтесь! Маленькая девочка со своим отцом и

корзинкой наперевес прогуливалась по лесу в попытке отыскать что-то... Грибы? Хм-м-м... должно быть рабочие или

крестьяне. Пускай, встреча с ними всяко лучше, нежели перспектива пролежать здесь еще многие годы. Фигуры

приближались к кукольному телу. Девочка неторопливо подошла ко мне и, склонившись, завизжала от радости:

– Папа, смотри! – малышка бережно взяла меня в свои ручонки и показала отцу. – Почти новенькая! Ее бы отмыть и

станет самой красивой!

– Трейси, взгляни, да она же вся грязная, вымазанная в земле! Может быть, ее хозяйка болела чем-нибудь?! –

мужчина скривил недовольную мину.

– Ну папочка, ну пожалуйста, прошу тебя, позволь мне забрать ее домой! – протянул ребенок жалобным голоском.

– Дорогая, я куплю тебе новую куклу, – отец присел перед Трейси на корточки и заглянул в ее лучезарные зеленые

глаза. – Маме это вряд ли понравится.

Мужчина аккуратно взял меня в свои руки и убрал слипшиеся пряди волос с крохотного фарфорового личика. Я

смотрела на него, умоляя забрать меня к себе, искренне желая поскорее оказаться в кругу людей, пока меня

окончательно не растерзали свирепые лесные обитатели. Но он не слышал, не понимал, как важна для меня его помощь.

Честно скажу, люди эти выглядели довольно странно для крестьян: одежда их была ярких цветов, необычного кроя,

с удивительными застежками вместо пресловутых корсетных крючков, коих я повидала на своем веку немало.

Девочка была в несуразных потертых брюках синего цвета, что вообще недопустимо по правилам этикета! Но меня

на тот момент это мало волновало. Мужчина долго изучал меня, крутил в руках и проверял на целостность. Затем его

взгляд стал уютным и полным сердечной теплоты, он отряхнул запылившееся кукольное платье и тихо прошептал:

– Очень хочешь забрать ее домой?

– Ужасно хочу! Папочка, ну прошу тебя! – прошептала маленькая Трейси.

– Ладно, так уж и быть. Положи ее в корзинку и спрячь от мамы до тех пор, пока не отмоешь. Она и вправду как

новенькая. Представим, что я ее тебе купил, – мужчина забавно подмигнул своей дочурке.

– Ты самый лучший на свете!!! – ребенок кинулся на шею отцу, после чего уложил меня на дно корзинки и накрыл

какой-то тканью. Я пролежала в темноте около двух часов, пока не услышала над собой звонкий женский возглас:

«Тревор, Трейси, вы уже вернулись? Обед стынет!» Ткань с кукольного лица стремительно сняли: вокруг все

выглядело если не безумно, то во всяком случае необычно! Плоские белые стены, невысокие потолки, мебель с

острыми углами – боже, куда я попала?!

Девочка несла мое фарфоровое тело в ванную комнату: «Сейчас, мам! Через пару минут буду готова!» Тут же пустив

воду из сверкающего серебристого крана, Трейси начала с силой тереть мое лицо мочалкой, вдобавок сдобренной

ароматным мылом. Щипало глаза, хотелось чихать, я старалась брыкаться и уворачиваться, но девочка настойчиво

избавляла свою новую куклу от накопившейся грязи. В результате спустя считанные мгновения даже пышное платье

сияло безукоризненной чистотой. Мокрую и растерянную, меня отнесли в отдельную комнату, расписанную яркими

детскими рисунками, и положили на что-то очень теплое. Камин, но без огня, прямо под окном – удивительная

диковинка, в наше время подобного не было.

Малышка убежала обедать, и я осталась одна. Вдруг входная дверь предательски закрипела... В помещение зашел

невысокий мальчик от силы лет десяти. От стога прогнувшихся половиц у меня по спине побежали мурашки.

Ребенок медленно, на цыпочках подошел к батарее и украдкой взглянул на меня. Огромные голубые глаза едва ли

не прожигали во мне дыру. Паренек осторожно поднял кукольное тельце с батареи и покрутил в руках. Какой

растерянной я чувствовала себя в тот момент! Кончиком большого пальца он провел по моей румяной щеке и

искренне улыбнулся. Затем снял одну крохотную туфельку, внимательно присмотрелся к ней и поместил обратно на

аккуратную фарфоровую ножку, пощупал ткань наряда, вдохнул аромат моих волос и... Боже, какой нахал!

Мальчишка удосужился приподнять полы моего пышного платья! Да как он смеет! Внезапно захотелось отвесить

разбойнику увесистую оплеуху, но руки не желали сдвинуться с места, вот досада.

Крик женщины из кухни отвлек юного героя: «Аарон, беги к столу, сколько можно тебя ждать?!» «Уже иду, мам!» –

мальчик поместил меня обратно на батарею, после чего покинул комнату. Когда я окончательно высохла, приняв

первозданный вид, Трейси «представила» меня матери как только что купленную игрушку. Наивная женщина

поверила, и я осталась жить в этой милой семье, безумно радуясь тому, что теперь далеко не одинока.

Шло время, как оказалось, я попала в двадцать первый век. Календарь на стене поначалу напугал меня столь

откровенной новостью, но позже осознание того, что мир изменился, скорее всего, в лучшую сторону, вселило

светлую надежду. Трейси всячески ухаживала за мной, заплетала косы, повязывала причудливые бантики, хранила

в кукольном домике бирюзового цвета.

Родители относились ко мне снисходительно, не холили и лелеяли, как их милая дочь, но иногда, проходя мимо

миниатюрной усадьбы, непременно вглядывались в мои глаза, приятно улыбаясь тому, что у их дитя появилась-таки

любимая игрушка. Но все самое интересное было связано исключительно с юным Аароном. В присутствии сестры он

обзывал меня весьма нелюбезными словами и ужасно дразнился, но как только девочка покидала комнату, –

выкрадывал сказочную куклу, подолгу любясь роскошным платьем из чистого шелка и холодным блеском синих

глаз. А иногда он даже разговаривал со мной, словно чувствуя, что я все еще жива. Я очень привязалась к этому

милому мальчугану, он называл меня принцессой Стэллой – да-да, именно так, как звали меня давным-давно в

датском королевстве. А после герой возвращал меня на прежнее место в девичьей комнате для того, чтобы в

очередной раз попрощаться и пожелать самых сладких снов.

Время шло, дети повзрослели: вот уже пятнадцать лет, семнадцать – день совершеннолетия прошел стороной, а я

все так же жила в уютном кукольном домике. Аарон жутко похорошел: в один миг из смазливового ребенка

превратился в стройного, статного, высокого юношу все с теми же глубокими голубыми глазами, дарящими мне

нежный любящий взгляд. Но Треиси, став привлекательной взрослой девушкой, нашла себе достойного кавалера и в

один прекрасный день попросту забыла обо мне, сложив кукольный дом вместе с его хозяйкой в большую картонную

коробку.

Я очень переживала, проводя дни и ночи в полной темноте, грустила, особенно по вечерам, когда в сыром подвале

не было слышно ни звука. Аарон заходил меня навещать, но вскоре семья решила переехать в новый дом. Вся

мебель была вынесена, не осталось ничего, кроме единственной коробки с никому не нужным хламом. Ее, вместе со

всем содержимым, вынесли во двор и поставили рядом с огромным мусорным баком. Мои любимые друзья уехали,

бросив принцессу в гордом одиночестве на лужайке под окнами. Крышка коробки была едва приоткрыта, и ночью я

могла наблюдать за звездами, вспоминая теплые ладони Аарона и его ласковую улыбку. Прошло трое суток.

Под вечер я задремала, но внезапный шорох вернул меня на землю обетованную: створки вынужденной темницы

отворились, и мои глаза широко распахнулись от ужаса. Несколько человек склонились надо мной, скривив губы в

ехидной ухмылке.

– Гляди-ка, какая куколка! – прошипел парень с сигаретой в зубах. – А ну-ка иди сюда!

Юноша взял меня за талию грубыми шершавыми пальцами и вытащил из коробки – такого ненадежного убежища.

Его друзья противно засвистели, а я задрожала от непреодолимого страха. Тучи заволокли небо, вдалеке глухо

отдавали отзвуки грома, накрапывал едва уловимый дождик, звонко бьющий холодными каплями по белоснежной

кукольной коже.

И вдруг меня словно ударило током: юноша с сигаретой сделал последнюю затяжку, выдохнул клубы дыма мне в

лицо, после чего резко затушил окурок о незащищенное тело. Дикая боль пронзила меня насквозь! Хотелось кричать,

стонать, извиваться в адских муках! Ядовитый смех дружков этого садиста эхом прозвучал в самом центре

крохотного разума. В глубине души я рыдала, молила о пощаде, предвидя неминуемую гибель!

И вот сильные мужские руки положили меня на влажный асфальт. «Проверим ее на прочность!» – огромный ботинок

вознесся над моей головой, а я изо всех сил старалась зажмурить глаза, чтобы не смотреть в лицо собственной

смерти... Но тут кто-то подбежал к ублюдку и с силой ударил его по лицу. Женский возглас неподалеку нарушил

стоявшую вокруг тишину: «Аарон, не надо!» Знакомые очертания проступили передо мной – милый друг, ты снова

рядом и так самоотверженно пытаешься меня спасти. Воистину героический поступок.

Юноша с силой бил подонка, Тревор стоял неподалеку около своей машины, сдерживая порывы рыдающей Трейси

прорваться в самое пекло событий. Мама кричала Аарону, чтобы тот остановился. Когда мучитель рухнул на землю,

молодой человек отошел от него, стирая кровь с губы и глядя на двух других. Растерявшись, они в ужасе бросились

бежать, после чего нападавший поднялся с земли и, окинув моего героя свирепым взглядом, прошептал:

«Подумаешь, из-за какой-то пустяковой игрушки...» Садист покинул место происшествия, а Аарон бережно подобрал

мое незащищенное тело с земли, после чего осторожно отряхнул подол розового платья и нежно поцеловал принцессу

в уголок губ. Секунды не прошло, как все вокруг залило золотистым светом – семья стояла в полном недоумении,

я же почувствовала настоящую радость, снова обретая свое истинное лицо.

Пророчество и вправду сбылось – уже через несколько секунд я стояла в окружении изумленных людей,

оглядываясь по сторонам и тихо улыбаясь собственным мыслям. Аарон не мог поверить своим глазам, а я молча

ликовала от переполнявшего меня безграничного счастья. Я приблизилась к спасителю и подарила ему самый

нежный поцелуй.

В этой сказке воистину счастливый конец, справедливость восторжествовала. Подумайте, нет ли у вас дома

плюшевого лягушонка или же сказочно-прекрасной куклы? Быть может, и в них таится секрет, достаточно лишь

одного поцелуя. Но помните: исключительно от чистого сердца! Ведь в настоящих светлых сказках побеждает только

добро.

[Безысходность]

Двери небольшой уютной квартиры на седьмом этаже дома, находящегося едва ли не в самом центре Парижа,

захлопнулись за моей спиной около шести утра. В тот день я никуда не торопилась, отпросилась с занятий в

университете и назначила своему возлюбленному встречу на мосту Менял.

О, Джозеф – мой милый, умный, но в то же время чертовски подлый Джозеф. Ты, верно, опоздаешь, как делал это

всегда, но в этот раз я не обижусь, не стану закатывать публичных истерик – напротив, приблизившись к тебе,

трепетно коснусь столь желанных губ своими. Прикосновение будет так легко и невесомо, как порхание крыльев

бабочки или же дуновение утреннего ветерка, случайно пробравшегося в мой дом. Сегодня в твоё отсутствие этот

ветер так сладостно обнимал мои обнаженные плечи, так осторожно скользил по бархатистой коже, оставляя после

себя лишь холод и отчужденность. Вы с ним очень похожи – оба беззаботны и непостоянны, оба дарите

взбалмошную детскую радость, но, уходя, не прощаетесь, а лишь уносите с собой тепло моего сердца, моего тела,

моей души.

Да, дорогой, новый день для нас с тобой начался в разных постелях, и так уже не первый раз. Вчера ты среди ночи

впопыхах надевал свои блестящие лаковые туфли, а я помогала тебе затянуть галстук на шее так степенно, так

бережно, словно отпускаю любимого не к суетливым коллегам для устранения внезапно возникших проблем, а куда-

то вдаль на целую вечность. Впрочем, эта ночь без твоих сильных ласковых рук, без лучезарной улыбки и

трогательного блеска глаз казалась мне сравнимой с сущим адом. Одна командировка следует за другой, каждая

новая деловая встреча приходит на смену предыдущей, нагло ворует наше драгоценное совместное время. Ты вечно

занят, вечно чем-то недоволен, суров и чрезвычайно ревнив. Я тоже ревнива, мой милый, но ты об этом еще не

знаешь. Джозеф, ты ведь никогда меня не спрашивал, даже из любопытства, отчего я так пристально испепеляю

тебя сердитым взглядом, отчего молчу круглыми сутками, не ем, не пью, не могу заснуть даже в твоих крепких

объятиях под стук любимого сердца. Нет, ты просто целовал свою девушку в висок, коротко и отчетливо заставляя

почувствовать полное равнодушие. Ах, мой родной, сегодня мы увидимся лишь с одной целью – признаться друг

другу в любви в самом центре нашего родного города, запечатлеть на губах воздушную сладость поцелуя и

взглянуть друг на друга совсем иными глазами. Все будет, Джозеф, все будет именно сегодня – в одно мгновение,

отделяющее нас от бесконечной радости обретения друг друга будто впервые, но отныне раз и навсегда.

– О мадам Дезери, простите ради бога! – замечтавшись, я случайно сбила с пути пожилую женщину,

направляющуюся мимо меня вверх по лестнице.

– Не стоит беспокоиться, Сюзанна. Я слишком стара, чтобы обижаться, – теплый женский смех показался мне

полным затаенной обиды. – И слишком мудра, научена жизнью, чтобы не понять, куда ты так торопишься.

– П-п-простите? – глаза мои округлились словно блюдца. – Куда я тороплюсь?

– К Джозефу, милая... – выдержав небольшую паузу, прошептала приветливая женщина. – Ты всегда так сияешь,

когда бежишь к нему на свидание. Я уже успела к этому привыкнуть. Он прекрасный человек, что уж говорить, и вы

просто замечательная пара! – мадам ласково потрепала меня за румяную щеку.

– Ах... да... Вы правы. Но сейчас, к сожалению или к счастью, не время для разговоров и мне действительно пора.

Увидимся с Вами... – коротко оборвала беседу я. – Непременно увидимся...

– До встречи, юная Сюзанна! Надеюсь, вы вместе отлично проведете день, удачи!

Не успела пожилая соседка закончить фразу, как я уже выбежала из дома. Бросив взгляд на наручные часы, я

направилась в самый центр. Времени в запасе было еще предостаточно, я собралась заранее, дабы немного

отвлечься, прогуливаясь по парижским улочкам и впуская глубоко в легкие свежий летний воздух. Погода стояла на

редкость приятная: задумчивый туман неторопливо кружил в воздухе, наполняя своими густыми волнами

извилистые дорожки на пути к назначенному месту. Солнца не было вовсе, но от этого погода не становилась менее

прекрасной.

Приятный холодок ветром промчался по коже: ах как же я люблю этот огромный город ранним утром, когда на улице

еще ни души. Так загадочна и таинственна картина над головой: серое, хмурое, но от этого не менее искреннее

небо. Грозовые тучи не спеша собираются над моим домом и лениво ползут вслед за мной. Попробуйте, догоните,

сонные дымчатые создания! Я крепче прижала сумочку к груди и прибавила шаг. Не прошло и получаса, как я

оказалась на набережной у моста Менял. Вдруг в кармане игриво заверещал мобильный, я немедленно высвободила его

из плаща и ответила на звонок.

– Мам, ну что опять стряслось?!

– Дочка, милая, отец обеспокоен! – встревожено пролепетала мадам Нуар.

– Но я-то здесь при чем?

– Ты была у нас два дня назад, заходила в папин кабинет, так? Забрала шкатулку, подаренную отцом к твоему

восемнадцатому дню рождения, помнишь?

– Ну, разумеется, помню! Так что стряслось в конце концов?!

– После этого он не нашел в своем ящике нашу фамильную ценн... але... Сюзанна... ты меня слышишь? На линии

какие-то помехи... Сюзанна... але!..

– Прости, мам... я все прекрасно слышу.

– Дочка, что происходит? Я ничего не понимаю... за что простить?! Але... Сюзанна... Сюзанна!..

– За это... – резко оборвала разговор я, тут же выбросив телефон в темную глубь Сены.

Крепче прижав сумочку к груди, я направилась на мост. Остановившись посередине, я бросила очередной

небрежный взгляд на часы и внимательно огляделась по сторонам. «Опять опаздываешь, мой милый Джозеф», –

промелькнуло у меня в голове. Минута, десять, четверть часа, затем половина, еще чуть-чуть и вот уже сорок минут,

пятьдесят – наконец знакомый низкий голос окликнул меня со спины.

– Сьюзи, родная, зачем было назначать встречу в такую рань?! Я еле успел, коллеги не хотели меня отпускать – мы

буквально зашиваемся с этой чертовой работой! – знакомый мужской силуэт приблизился ко мне сквозь

непроницаемый туман, размахивая стройным букетом из пяти кроваво-алых роз.

– О Джозеф! – я бросилась навстречу возлюбленному.

– Это тебе! – мужчина галантно протянул мне цветы. Я лишь недолго подержала их в руках, вдыхая приторно-

сладкий аромат еще не до конца распустившихся бутонов, а после бережно уложила букет на парапет.

– Спасибо... но это не мне, скорее нам, – задумчиво пролепетала я.

– Что, прости? – Джозеф окинул меня недоумевающим взглядом.

– Нам... Поставим их в вазу, и они долго еще будут напоминать об этом чудном дне, – прижавшись к груди

любимого, ласково прошептала я.

– А-а-а... ты об этом. Да, разумеется, – бережно поцеловав меня в макушку, произнес молодой человек.

– Так сладко пахнет...

– Цветы и вправду источают дивный аромат.

– Не-е-ет, от тебя так сладко пахнет, – закрыв глаза, протянула я.

– Да... это... парфюм, что ты мне подарила... Он чудный... – в голосе слышались едва уловимые нотки тревоги.

– Нет-нет, я тот парфюм отличу из тысячи прочих, – отстранившись от мужчины и сделав несколько уверенных

шагов назад, вымолвила я. – Не беспокойся. Как там Рене?

– Рене?! Ну-у-у... она... С ней все в порядке... – Джозеф растерянно почесал затылок.

– Передай своей секретарше, что ее духи мне очень нравятся. Пусть запишет их название на открытке, а после

отправит мне почтой. Возможно, если я буду источать именно это нежное благоухание, ты взглянешь на меня иначе.

– Сьюзи, да что ты несешь, в самом деле?! – огрызнулся мужчина.

– Постой и послушай меня, – после этих резких слов Джозеф мгновенно замолчал, изучая меня внимательным

взглядом. – Я знаю о тебе все, если не больше. Знаю про интрижки на стороне, знаю, куда ты убежал вчера в такой

спешке. Знаю, что коллеги тебя вовсе не ждали. Я им позвонила, и все встало на свои места. Я знаю даже то, о чем

мне знать совсем не обязательно. О, мой милый Джозеф, как же долго водил ты меня за нос! Вот только скажи –

зачем? Неужели я это заслужила?! Почему ты меня до сих пор не бросил?! Я устала терпеть вечное отсутствие,

равнодушие, букеты роз, которые я ненавижу!

– Но... ты никогда не жаловалась...

– Да, черт побери, я не жаловалась! А ты бы мог спросить хоть раз, какие цветы нравятся Сюзанне Нуар, а не

борзой соплячке Рене?! Ты обо мне не знаешь ровным счетом ничего. Впрочем, так, наверное, и лучше. А сейчас... –

подойдя к ошарашенному молодому человеку совсем близко, трепетно прошептала я. – Поцелуй меня... как прежде,

прошу...

– Но!..

– И никаких но...

Мои губы осторожно коснулись губ Джозефа. Поцелуй был таким, какими были наши первые робкие юношеские

поцелуи. В это время грозовые тучи с силой обрушили на нас потоки ледяной воды, казалось, небеса, тосковали

вместе с моим ноющим иступленной болью сердцем. Оторвавшись от губ возлюбленного, я взглянула на него с

нескрываемой улыбкой, нежно проведя замерзшей ладонью по влажной огрубевшей щеке. Мужчина взял мою кисть

в свои руки, коснулся кончиков пальцев горячими губами и прошептал:

– Ты спрашиваешь, почему я тебя не бросил. Ответ прост и банален: потому что люблю, сильно и искренне, –

Джозеф запечатлел на моих губах новый, еще более трепетный поцелуй.

– О, какой же ты наглый лжец! – искренне смеясь и стирая слезы, смешанные с каплями хлещущего по коже дождя,

прошептала я. – Это то, что нужно было мне услышать, милый Джозеф. Благодарю тебя. А теперь нам нужно

попрощаться... Навсегда, а может, и до следующей встречи. Возможно, не здесь и не сейчас, но одно я знаю точно –

мы увидимся, обязательно увидимся. И там, где это произойдет, будет тепло. Я обещаю.

Отстранившись от возлюбленного и сделав несколько шагов вдоль по улице, я крепче сжала сумочку в своих руках;

закрыв глаза, сосчитала до десяти и облегченно вздохнула.

– Тепло... Места нашего совместного отдыха? Где мне тебя искать? Мальдивы или Кипр? – встревоженно прокричал

мне вслед Джозеф.

Секунды не прошло, как я резко развернулась ему навстречу, направляя на любимого фамильную ценность нашей

семьи – старый добрый револьвер своего отца.

– Нет, милый... Ад...

Тишину, стоящую на улице, нарушил звонкий выстрел. Джозеф упал на асфальт, с шумом ударившись оземь. Я

вздрагнула. Собрав последние силы, я приблизилась к умирающему молодому человеку и присела рядом с ним на

мокрую холодную мостовую. Минуты не прошло, как сердце мужчины перестало биться. Проведя по его бледному

замерзшему лицу ладонью, я, не вымолвив ни слова, поднялась с колен и взяла с парапета намокший букет роз.

Вынув из него одну и тут же выбросив в бушующую Сену, я небрежно бросила оставшиеся цветы на бездыханное

тело Джозефа.

– Мертвенно прекрасны... они для нас, любимый... они для нас.

Я приставила револьвер к виску и решительно нажала на курок. Мое тело упало рядом с телом любимого, и наш

последний вынужденный взгляд глаза в глаза был полон холода и отчаяния.

Трагических историй любви в нашем мире не счесть: одни печальны, другие жестоки, некоторые нелепы, но суть в

том, что всех их объединяет одно – безысходность, основанная на отчуждении и холодности, на предательстве или

затаенной обиде. Каждый сам является творцом своей судьбы, поэтому скрепляя себя узами любви с родным и

близким человеком, будьте как можно более искренними в первую очередь перед самими собой. Ведь вас никто не

толкает заключать несчастливый, заранее обреченный на неудачу союз. Признавайте собственные ошибки, не делайте больно любимым и будьте счастливы. Счастливым людям свойственно дарить миру радость. Им и в голову не придет лишать своих возлюбленных самой возможности видеть солнце.

[На расстоянии секунды]

Я являюсь ценителем прекрасного. Чувствую красоту изнутри, разбираюсь в ней и хотя имею вкус «средней тонкости», знаю, что можно смело положить в свою корзинку приобретений. Откуда это во мне? Смеем признаться, что небольшая порция высокохудожественной крови течет по моим жилам, чем я очень горжусь. Но больше всего меня привлекает чтение мыслей, которые так явно начертаны на человеческих лицах: порой не сложно понять, о чем кто-то думает, по одним лишь морщинкам у глаз.

Я вижу талант: заявление громкое, не спорю, но это качество является самой весомой положительной чертой в моем

эгоистично-небрежном существе. Да, я люблю кино. А значит, и эмоции. А значит, тех, кто эти самые эмоции

выражает – творческих людей, актеров, способных передать всю гамму чувств одним лишь взглядом. Но также у

меня есть одна жутчайшая пакостная слабость, которой, несомненно, является тяга к рано угасающей мужской

красоте. Да-да, мужчины чахнут гораздо раньше, нежели женщины. Им достаточно миновать отрезок жизни с

семнадцати до сорока лет, вот тут-то и начинаются растянутые на штанах колени, колючая щетина на лице и

седина в висках, ужасно отравляющая впечатление. Молодость украшает мужчину, только она. Пока он свеж и

зелен, смел и любопытен, пылок и горд, пока на щеках сияет неподдельный юношеский румянец и герой не

утруждает себя лишними раздумьями, прежде чем совершить очередной излишне опрометчивый поступок, – вот в

чем таится глубочайшая из ценностей. Впрочем, я немного отвлеклась. Еще обладаю ценнейшим умением – любить...

долго, сильно и искренне, но вождение, свойственное моей похотливой натуре, проявляется гораздо чаще.

Думаете, это очень плохо? Возможно, я приболела, и у меня жар? Так чего же вы ждете? Немедленно вызовите

доктора! И чтобы непременно ростом метр восемьдесят, а глаза цвета ясного неба, договорились?

Легкомыслие мое отличается от детской глупости лишь тем, что я умею его вовремя приструнить или глубоко

запрятать – до более подходящего времени. Но, если появляется объект желания, способный пробудить во мне

нечеловеческие инстинкты, я всецело посвящу себя ему, забыв обо всем на свете. Потому что, какой бы

любвеобильной не была, – верности, преданности и глубокой душевной привязанности к объекту симпатии от этого

меньше не становится.

Так вот, жила я неподалеку от крупного города в своей тихой глубинке, горя не знала. Любимые родители, милые

друзья, что еще для счастья нужно? Но был в моей жизни человек, которого я умудрялась вот уже который месяц

кряду телепатически желать. И жил этот человек по ту сторону земли, в самой что ни на есть далекой Канаде. Ко

всему прочему числился довольно популярной начинающей звездой кино, от этого любая мысль (даже вскользь) о

возможной встрече мгновенно отпадала. Казалось бы, в человеке нет ничего особенного, примечательного, но чем-

то ведь зацепил и очень даже сильно.

Когда мне пробило девятнадцать лет, а за спиной остались горы учебников, носовых платочков и потраченных в

ходе первой серьезной любви нервных клеток, я мигом побежала на курсы иностранных языков, дабы выучиться и

вместе с лучшей подругой смотаться за границу, в самый центр Европы. Язык далеких британцев поддался мне,

поскольку школьный багаж все-таки давал о себе знать: английский был единственным уроком в программе, на

котором за долгие годы учебной каторги я ни разу не задремала. Ну что? Теперь можно отправляться хоть на край

света. Готовность номер один – в добрый путь!

Мы с подружкой посетили несколько стран, отдохнули, загрузили бедный фотоаппарат и вернулись на родину. Как

жить дальше, что делать? Кто знает? Скукота, да и только. И вот в один прекрасный день я уснула на клавиатуре

прямо перед ноутбуком. Разбудил меня телефонный звонок, на который я сразу же ответила. Подруга что-то

тараторит, бубнит в трубку, говорит, чтобы зашла на сайт фильма, в одной из ролей которого числится мой любимый

маль... Стоп! «Сумеречная Сага»? Конкурс? Розыгрыш поездок в Соединенные Штаты? Да еще и на халяву? И

проживание в отеле класса люкс с полным пансионом? Что за бред, в самом деле?! Я тут же зашла по заезженной

ссылке, а там и вправду объявление о том, что разыгрываются пять поездок в Америку, каждая из которых

рассчитана на двоих. Цель пребывания в Лос-Анджелесе не ясна, постойте-постойте... Встреча с главными героями?

Наташка, удача нам по-настоящему улыбнулась!

Заполнить анкету, обосновать желание и сочинить лучшее возможное продолжение для полюбившегося миллион

фильма? Английский знаю... Легко! Несколько недель мы с Натой нервно кусали локти, с диким волнением ожидая

ответ. И он пришел. От визгов в нашем доме самой поздней ночью проснулись все дворовые собаки и коты, не

говоря уж о несчастных соседях.

Вскоре чемоданы были собраны, и мы с подругой присели на дорожку, прежде чем отправиться в долгий и

утомительный путь к своей мечте: ей мир повидать, а мне – чудесного юношу из самых сокровенных снов. Когда мы

прибыли на место и заселились в один из многочисленных отелей Лос-Анджелеса с восемью такими же очумевшими

от счастья поклонницами, радости нашей не было предела. Там нам популярно разъяснили все права и обязанности,

правила приличия и границы дозволенного, мол, руками не трогать, одежду на кумире не рвать, на память ничего не

заныкивать. Хорошо, выслушали, что дальше? Встреча всего одна, в дорогом пафосном ресторане, снятом на

вечер специально для всех нас. Нечто вроде «afterparty», только без предшествующего громкого мероприятия.

Фуршет и все дела. Так, уже неплохо. На самой вечеринке камер не будет, съемка не ведется – всего одно общее

фото на память и для официального американского сайта «Сумеречной Саги». Через два дня за нами приедет

тонируемый лимузин. На этом месте челюсти у всех десятерых победительниц разом оттянулись до самых колен.

Номера всех счастливиц находились поблизости друг от друга, так что мы с Натой периодически забегали к

девчонкам из Италии, Франции, Швейцарии и Люксембурга, дабы поболтать о том о сем, да и совет какой-нибудь

полезный получить. Француженка с подружкой примчались сюда ради встречи с Кристен Стюарт, остальные же

нацелились хоть раз поглазеть на Роберта Паттинсона, что нас с Натусей изрядно веселило. И только россиянки

такими нестандартными оказались, опа, приехали: никто из остальных участниц конкурса ни о каком Брайте даже

близко не слыхал, вот так-то! Мы просветили незнаек, не сильно утрудив при этом себя. Все остальное время только

и делали, что бегали по магазинам, подбирая подходящие вечерние наряды. Ох, как хороша я была в красном

платье с глубоким вырезом на спине! И эти лаковые туфли, а клатч цвета бургундского вина! Просто загляденье. Что

ж – вперед и с песней, для двух непутевых Золушек близился долгожданный звездный час.

В день встречи за нами действительно прислали лимузин. Возможность почувствовать себя самыми что ни на есть

голливудскими звездами дурманила без того чувствительное сознание, в глазах плыло и коленки жутко тряслись.

Впрочем, когда все мы устроились в просторном салоне, а сердце начало отбивать мелодичный ритм (строго по

одному удару на минувший под колесами автомобиля метр площади), я постаралась выбросить из головы

непреодолимое волнение, искренне надеясь блеснуть в окружении сияющих звезд.

И вот мы вышли из машины, нас встретили организаторы мероприятия, а затем проводили под свет софитов туда,

где стройными рядами разместились улыбчивые, до боли знакомые лица. Я шла самой последней, за мной лишь

несколько человек с бейджами на груди. Вдоль стены был растянут огромный плакат, содержащий в себе постеры

всех четырех фильмов из «Сумеречной Саги». На его фоне я и увидела силуэты знаменитостей: вон Кристен (а она

на самом деле хорошенькая и вовсе не такая курица, как на экране), а вон Роберт – лицо и вправду жутко плоское,

и как он с этим живет? Эшли, Никки, Дакота, Келлан, Питер... А где же... где тот, ради кого я и прилетела сюда,

минуя целый океан?! Немедленно покажите мне его, иначе!..

Секунды не прошло, как я, зацепившись длиннющим каблуком за складку, образованную ковровым покрытием,

начала падать. В голове при этом промелькнула лишь одна мысль: «Вот и хорошо, что его здесь нет, иначе стыда

потом не оберешься». Казалось, что пол так близко, вот-вот коснусь кончиком носа, ан нет – чьи-то теплые ладони

подхватили меня в полете и аккуратно поставили на место. Хохот вокруг стоял невероятный, щеки мои порозовели

от стыда. Подняв глаза на спасителя, я было собиралась выругаться с присущим темпераментом, но элементарные

правила этикета, о которых нам поведали еще в отеле, не позволили мне этого сделать. Вдруг кто-то из

присутствующих знает русский матерный? Прямо на меня игриво смотрели лучезарные, фактически светящиеся

изнутри глаза самого долгожданного юноши. Он чисто символически отряхнул девичьи коленки, при этом бережно

одернул мое платье и блеснул белоснежной голливудской улыбкой. Вот так и произошло наше знакомство.

Минутой позже всех выстроили в ряд и сфотографировали для отчетности на официальном сайте. Я лишь едва

коснулась рубашки Кэма в области спины, причем по детской привычке сомкнутым кулачком, а он в отб3

вет по-свойски приобнял меня за талию, собирая в крохотные складочки тонкую материю алого цвета. Щелчок,

ослепительная вспышка, память на века. Далее следовала обыкновенная пьянка, ни много, ни мало – по всем

традициям голливудских «афтерпати».

К позднему вечеру от камер не осталось и следа: кто-то сидел у кого-то на коленках, кто-то раздаривал автографы

налево и направо, тем самым подтверждая свой нерушимо звездный статус, актеры стирали губную помаду со щек,

актрисы допивали десятый коктейль, глядя на то, как группка легкомысленных иностранок охмуряет их товарищей

по съемочной площадке. Когда стрелки часов перевалили за полночь, в здании ресторана стало так тихо и спокойно,

что нам с Кэмом, запершимся в одном из подсобных помещений и поднимающим очередной тост, даже стало как-то

неловко покидать свое добровольное убежище. Мы долго разговаривали, по сути, ни о чем.

Я забыла про Нату и совершенно не заботилась о том, где она, с кем, как чувствует себя после столь бурного

веселья, густо сдобренного реками выпивки – как принятой внутрь, так и небрежно пролитой на дорожные скатерти

или же белоснежные рубашки. Мой собеседник был чрезвычайно мил и остроумен в каждой шутке, но мне в тот

момент хотелось попросту сорвать с героя рубашку и соблазнительно звякнуть пряжкой его модного ремня. Слишком

пошло? А что я могу с этим поделать? Алкоголь – великое зло, заставляющее мыслить вульгарно и похотливо.

Мы долго любовались очертаниями друг друга, окутанными пеленой сумрака и слабым лунным светом,

пробивающимся сквозь оконные стекла. Я так хотела коснуться его губ – таких вкусных и сочных, бредила им,

сгорала от всепоглощающего желания, хотела, жаждала его каждой клеточкой кожи. И еле слышные шаги на пути к

желанному мужчине нарушили ночную тишину. Так близко, осторожно касаюсь тыльной стороной ладони его щеки,

губы еле слышно шепчут что-то на английском, он обнимает меня за плечи, рука плавно утопает в русых волосах.

На расстоянии одной секунды друг от друга, и вот юноша тихо произносит мое имя – на русском и совсем без

акцента. Так ласково и просто умирительно. Пойдите, у него звонит мобильный. Трубку не берет, но зуммер

удивительно похож на мой. С каждой секундой он становится все громче и громче – боже, это просто невыносимо!

Заглушите же его! Скорее, сейчас же, немедленно! Аа-а-а!!!

Открыв глаза, я увидела перед собой плоскую гладь стола и свой мобильник, весело катающийся по его

поверхности. Подняв голову, я лениво приняла звонок. На другом конце провода Наташа: сообщает о том, что

простудилась и завтра не сможет пойти в кино на последнюю часть «Сумерек». «Чудесно», – этого еще не хватало!

Вешаю трубку и обиженно гляжу сквозь экран ноутбука на фото Кэма, украшающее мой рабочий стол. А ведь все так

хорошо начиналось... Досадно, не то слово. Ночью того же дня я долго ворочалась в постели, вспоминая свой

забавный сон. И, словно принцесса на горошине, никак не могла улечься поудобнее.

Приподняв подушку, я аккуратно достала из-под нее свернутую трубочкой гляцевую бумажку. Обычное фото, но

что оно здесь делает? Бережно развернув его, я вздрогнула и удивленно округлила глаза – да так, что те стали

подобны блюдцам. На небольшом прямоугольном листке красовался постер «Сумеречной Саги», на фоне которого

удобно выстроилась шеренга актеров – исполнителей главных ролей. И в самом углу, рядом с очаровательным

Кэмероном стояла девушка в ярко-красном платье и лаковых туфлях. Лица совсем не разобрать. Кто это может

быть? И вправду, уж точно не я. Хотя, если вдуматься, и в нашем мире есть место сказкам. А помечтать совсем не

вредно, ведь ни для кого не является секретом, что вредно – вовсе не мечтать.

[Роза подо льдом]

О, милый мой, – такой чужой, надменный, дерзкий, способный силой взгляда своего заставить стрелки всех часов на

свете замереть и трепетно считать секундные мгновения пред тем, как завертеться с новой силой по кругу жизни,

казалось бы, совсем никчемной, но, без сомненья, не сбиваясь с верного пути. Твой редкий дар предвидеть

собственное счастье и удивить людей в округе новостью о том, что скоро беды все развеются по ветру, оставив за

собой лишь едкий дым воспоминаний, казался в ту эпоху мне пустым и скучным, я пленена была другим и мысли о

тебе не допускала. А те глупцы, что сами падали к моим ногам, касаясь нежных женских рук губами, клялись в

безудержной любви, пытались стать судьбы творцами, а я смеялась и играла с чертовски пылкими сердцами.

В итоге посвятила жизнь мужчине, кто не был малой части от нее достоин. Мой разум был ужасно беспокоен, когда

герой, кому я душу отдала задаром, счел милую свою бессмысленным товаром и, глядя мне в сияющие лаской очи,

отказ от чувств принес спустя неделю после брачной ночи.

Да, терпко-горьковатый вкус тоски с печалью вместе взятый порою отрезвляет лучше, чем за грехи мирские

страшная расплата. Мы разлетелись вдаль по разным полюсам, теперь отныне я одна, а он себе хозяин сам. Но

время катится вперед неумолимо, неизбежно, и я цвету совсем как прежде, пока душа моя цветет.

Ты был мне другом, жил неподалеку, порою чем-то удивлял и радовал приятно, но страсть меж нами коротка была и

непонятна, созрев лишь к двадцати пяти годам. Я одинока и мила, а ты суров и безразличен, но та тончайшая

стрела, что прямо в сердце острием вонзилась, оставила в душе ужасный след, который вот уж тридцать лет дает

мне знать о том, что все еще жива.

Твой ясный взор, твоя улыбка – лучезарна, искрящаяся сотней тысяч страз, морщинки возле самых глаз... Должно

быть, жуткая ошибка все то, что нас тогда связало, а мне подчас ужасно мало невидимых воздушных фраз, что

невесомо и легко слетают с бледно-алых губ.

Ты помнишь, как желали мы друг друга? Как дороги нам были те признания, слова? И вот о чем твердит несносная

молва: в сердечных чувствах пленных не берут. Что ж, без сомнения отвечу – я пленена была тобой, а люди просто

нагло врут. Та страсть, что горячо и ярко сияла в жемчужном блеске светло-синих глаз, та страсть, что с головою

захватила земную девушку, теряющую ум, как в первый раз.

И губы так неведомо сладки, вкусны, будто тягучий мед янтарного оттенка, тяжелый голос с легкой хрипотцой, а

речи полные бессмысленной надежды... Пусть тот, кто назовет тебя хоть раз безумцем и глупцом, отведает моей

безмерной злости!

Мы были молоды и легкомысленны, Бог всем судья, он всех поймет: кого-то просто оправдает, а чью-то прить и

вовсе разом пресечет. Но мы честны перед собой, я как была твоей, навеки и останусь, и пусть простят мне эту

слабость небеса, а на ладонях чистая прозрачная роса с рассветом ласковым искрится, а значит – я еще умею жить,

и это вовсе мне не снится.

Так вот, мы оба разум потеряли в объятьях хитроумной ласки и добродушного тепла. Я помню каждое мгновение,

когда с собой на коже, локонах волос, на скулах и щеках несла твой аромат сквозь время и пространство, гордилась

тем, что ты всегда со мной, ты рядом и утешаешь мягким светлым взглядом в моменты боли и страданий.

Но вышло так, что ты ушел – уехал даже не простившись. Возможно, лучшую нашел, возможно, лучшей быть не

может, но только вера крылья сложит, как снова разум одинок, а блеклая тоска из глаз струится вместе с каплями

соленых слез.

За символическую плату у точно знающих людей разведать правду удалось, что ты сейчас живешь в Париже, и

адрес почерком изящным я записала на салфетке, а после слала по письму едва ль не каждую неделю, мечтая

получить ответ. Но вот уж месяц миновал – ответа нет. И каждый раз, ложась в постель, рассыпав кудри по

подушке, ждала касаний сильных рук, но лишь сквозняк бродил вокруг. Не прекращала я писать до той поры, как не

узнала, что получу подарок от судьбы.

Осталось подождать немножко – я терпелива и мудра, пусть сын родиться без тебя, но так судьба порою шутит. Я

воспитаю за двоих, ведь смысл жизни только в нем, и никогда мой милый мальчик не удосужится проверить, кто был

его родным отцом, ведь в прошлое закрою двери.

Затем вступила в вынужденный брак, чтобы дитя не оставалось без присмотра. Мой муж погиб спустя десяток лет,

сердечный приступ охватил его в обед и наглым образом украл остатки жизни увядающего тела. Он был и смелым, и

надежным, но жить порою слишком сложно, а умирать еще трудней – когда есть голова и мысли в ней.

Проходят годы, мне уже за тридцать, потом за сорок и за пятьдесят; сыночек замечательным подростом, глаза точь-в-

точь, как те жемчужно-синие, что видела в своих сумбурных снах я по ночам. Уйдите прочь из мыслей и не

пытайтесь разозлить, не стану больше тосковать по тем бесчисленным мгновеньям, хоть треснет мир... Хоть треснет

мир!

Я не могу на сына бросить взгляд, ведь облик возвращает на десятки лет назад в ту пору, когда с тобой не чаяли

души друг в друге, когда гуляли по красивейшим садам, без спросу обрывая розы с самых дивных клумб. Я до сих

пор храню одну, она не вянет и не чахнет. Однажды в стужу обронила в пучину незамерзшей речки, потом ушла и

позабыла, но через месяц в январе вернулась разыскать потерю.

Цветок лежал под слоем льда, сверкая сотнями брильянтов, он спал своим прекрасным сном и ждал касания горячих

тонких пальцев, дыханья, коротко слетевшего с замерзших губ. И я взяла его к себе: и роза, что на вид одрябла,

потускнела, в самой глубине своей все так же женственно юна, ведь там ей вовсе не до сна – прекрасна, сказочно

прекрасна: пусть изнутри, но краше всех! Бутоны хранятся до сих пор, напоминая мне о том, что я такая же, как

раньше, все ждущая шагов в ночи, рыдающая от напастей самых разных мастей.

Я видела тебя на днях, ты шел по улице хромая. Все тот же взгляд и те же глаза, как путеводная звезда, сияют в

свете фонарей. Но я не подошла к тебе, не поздоровалась – напротив. Я знаю, где живешь сейчас, что делаешь и

чем страдаешь. Я знаю, нету ни жены, ни деток, ни любимых внуков, а наша долгая разлука казалась мне ужасной

мукой до той поры, пока нежданно я не постигла суть любви: прощаешься, а может, нет, уходишь навсегда из дома,

мы словно не были знакомы – тебе отныне все равно. Но ты один в кругу людей, а я и бабушкой не против стать,

осталось ведь совсем недолго ждать.

Я так любила сквозь года, писала письма и рыдала, а ты был счастлив как всегда, но вот теперь пора настала

сравнить последствия любви для нас обоих слишком разных: мы оба живы, но, увы, я счастлива, а ты – несчастлив.

Я вечно молода душой, я сына вырастила с честью, а ты лил алкоголь рекой, гулял налево и направо, сейчас,

должно быть, жутко чахнешь. Ну что ж, тут не соврешь и не слюкавишь.

Я брошу это письмецо в твой ящик, нисколько не боясь последствий страшных. Ты прочитаешь не спеша, затем

расстроишься немножко, а после, тяжело дыша и бесконечно проклиная себя за глупые ошибки, забудешь все, как

страшный сон, уснуть стараясь навсегда, ведь умирать легко тогда, когда твой разум пуст и чист, – ты обнаженным

перед Богом вступаешь в новую главу, продолжив путь свой во вселенной. И хоть уже не на Земле, но там, где

счастье все-таки возможно.

А здесь со мной в жестоком мире не обретет душа твоя покой, поэтому я смею предсказать ту череду случайных, но

исключительно весомых событий пред тем, как сна густая пелена заволочет глаза твои чудные: ты не напишешь, не

придешь, не скажешь доброго словечка и дом мой в жизни не найдешь, на сына тоже не взглянешь. Ты спрячешь

боль в своей груди, скуешь ее семью замками, попросишь всех друзей уйти, уже не повернешь назад и примешь

чудотворный яд, а после с губ слова сорвутся, так тихо, робко, невзначай: «Прости, не смею я вернуться... прости, я

очень виноват».

Совет последний дам несмело: проблемы вовсе не беда, покинет сердце
пусть печаль, и вот прощаюсь навсегда –

теперь забудь, мне очень жаль.

И знай, что жизнь всего одна, но продолжается она бесчисленные сотни
лет: и на прекраснейшей планете и среди

воздушных облаков, ведь мы уже давно не дети, освобождаю от оков
любви своей без мер и края... Лети, свети и

будь таков, а я живу лишь так, как знаю.

До встречи в мире без преград, увы, ты сам был виноват.

[Я помню... я ненавижу...]

Думаю, наступило время высказаться, потому что моему терпению
пришел конец. Я проклиная день, когда мы

познакомились, и терпеть не могу ту злополучную открытую кафешку.
Всего-навсего решила отдохнуть и

развеемся, помечтать, отвлечься от суровых повседневных забот, но нет
же – тут нежданно-негаданно появился ты.

Помню твою непринужденную походку, лучезарную улыбку и яркий
отблеск изумрудных глаз. Помню искрящиеся на

солнышке золотистые пряди волос, небрежно спадающие на лицо,
сияющее светлой искренней радостью.

Помню, как ты подсел за мой столик, задав при этом банальнейший
вопрос: «Не занято ли?» Помню, что вела себя

чрезвычайно глупо, мило улыбаясь и смущаясь, подобно застенчивой
первокласснице.

Я помню вкус того кофе, что ты мне заказал, – он был на удивление
прекрасен. Помню каждую из твоих глупых

шуток и растерянно опущенные глаза. Помню, как ты, попросив мой
номер телефона, записал его на салфетке и

позвонил еще до того, как я успела переступить порог своего дома.

Помню, как радовалась в тот момент, как мы увиделись снова, шумный
клуб и непередаваемые ощущения уже после

начала действия самого первого коктейля. Помню, как мы танцевали, –
всю ночь напролет, как ты робко и нежно

обнимал меня со спины, боясь ненароком спугнуть. Я помню твое
дыхание в считанных сантиметрах от моей кожи.

Помню и одновременно с этим ненавижу сладковато-горький,
предательски-дурмящий аромат твоего парфюма. Я

помню темную ткань мужской рубашки и то, какой гладкой она была на ощупь. Помню, как укусила тебя за нижнюю

губу прямо в танце – игриво и ничуть не пошло, помню, о чем думала в тот момент, как билось сердце и как

трепетало мое тело в твоих сильных руках. Но это был всего лишь танец: ты снова опускал глаза, я же в очередной

раз смущалась.

В конце концов терпение лопнуло, и опьяненная внезапной любовью девушка потащила нового знакомого сквозь

толпы разгоряченных тел черт знает куда. Помню, как гордо и надменно толкнула желанного мужчину к стене и,

прижавшись всем телом, ласково приникла к твоему податливому рту своими губами. Помню, как запускала пальцы

в светлые волосы, как наслаждалась моментом и как желала поскорее очутиться в твоих объятиях. Помню, как ты

вошел во вкус и, резко поменявшись со мной местами, а после сжав ткань джинсов в области ягодиц, внезапно

подхватил меня на руки. Помню, как вульгарно обвила тебя ногами и трепетала от самого сладкого мгновения за всю

свою жизнь. Но это был всего лишь поцелуй, а дальше... дальше ты опустил меня на пол, и мы долго смеялись, пока

я оттирала яркую помаду с твоих губ и щек.

Помню, как мы вернулись на танцпол и закружились в еще более страстном танце. Помню чувство абсолютного

счастья и эйфории. А еще я помню нескольких пьяных ублюдков у выхода. Помню, как закричала, когда они на тебя

набросились, помню как отважно ты сражался за меня. Помню разбитую губу и жуткий синяк под глазом, а еще –

как присела рядом на бетонный поребрик и прижала твою голову к своей груди.

Помню, как надеялась на то, что сегодня мы уедем вместе, но ты ласково чмокнул меня в висок и посадил в

ближайшее такси. Помню, как смотрел на меня, обещая снова позвонить на следующий день. Помню, что позвонил.

Я ненавижу все то, что нас связывало – ненавижу и проклинаяю!

Помню тот день, когда ты решил показать мне свою квартиру, а еще жуткий беспорядок, заставивший меня невольно

улыбнуться. Помню, как убегала от тебя по коридору, весело смеясь и направляясь напрямик в спальню, а еще

помню, как мы завалились на кровать, устеленную белоснежными простынями. Помню, как ты приник губами к

моему подбородку, поднимаясь осторожными касаниями выше, пока мы не слились в очередном чудесном поцелуе.

Помню этот день, как сейчас: каждый вздох и каждую электрическую волну, ритмично пронзающую сплетение тел.

Помню, как открыла глаза, а ты лежал рядом, тихо посапывая и улыбаясь своим мыслям сквозь сон.

С улыбкой вспоминаю первый завтрак, кое-как приготовленный мною из остатков еды, находящихся в твоём

холостятском холодильнике. Помню, как мы начали встречаться, как познакомили друг друга со своими родителями,

как ты признавался в любви, как радовался вместе со мной или, напротив, еле слышно плакал на хрупком женском

плече, когда нас одолевало общее горе. И я ненавижу, слышишь, ненавижу тебя!

Ненавижу за каждую минуту, каждую секунду, которую ты провел рядом со мной в бедах и радостях! Ненавижу за

каждое ласковое слово, за твои искренность, честность и преданность! Ненавижу тот день, когда ты предложил мне

стать твоей женой, чтобы связать наши пути навсегда, и ненавижу себя за то, что согласилась. Я помню роскошное

свадебное платье – такое, о каком могла мечтать разве что в самых сладких снах. И ты был так красив в светло-

сером костюме и в рубашке, чуть расстегнутой у ворота. Ненавижу себя за то, что перед Богом произнесла одно-

единственное слово, сковавшее нас цепями неразлучности. Я помню первую брачную ночь и ненавижу то шелковое

белье глубокого черного цвета. А еще ненавижу себя за то, что не выпила нужные таблетки вовремя. Я помню свои

слезы, помню, как ты утешал меня, уверяя, что мы все делаем правильно и счастливая жизнь, наполненная яркими

красками, на этом только начинается.

Ненавижу себя за то, что назвала сына именно Максимом – в честь будущего отца, в честь тебя. Ненавижу те долгие

девять месяцев и приторно-сладкие моменты подобно тем, когда ты аккуратно расстегивал пуговицы на моей блузке,

оголяя округлившийся животик и нежно касаясь его теплыми губами. Помню, как ты прислушивался к стуку

крохотного сердца, а я в те секунды гладила тебя по голове, едва заметно улыбаясь своим мыслям. Помню тот день,

когда наш сын появился на свет.

Я помню, как мы поселились под одной крышей, помню твое безудержное стремление всегда быть рядом. Помню все эти восемь лет совместной жизни. Я ненавижу тебя за бескорыстную доброту, за то, что не бросил меня в свое время. Я ненавижу и себя, в частности, за то, что когда-то родилась на свет такой эгоисткой, за то, что трепала тебе нервы все эти годы, била посуду, падала на колени, обхватив голову руками и беспрерывно рыдая. И я ненавижу, слышишь, **НЕНАВИЖУ** тебя за то, что в такие моменты ты падал рядом со мной, бережно обнимал и непрерывно шептал о том, что мы все выдержим вместе!

Я ненавижу тебя за то, что ты стал для меня наркотиком, воздухом, смыслом жизни! Я ненавижу тебя за то, что сейчас ты сидишь на диване вместе с сыном и помогаешь ему делать уроки. Мне остается незаметно стереть выступающие слезы и осторожно зайти в комнату, несмело улыбаясь, и удобно устроиться рядом с вами. И сделаю я это далеко не из жалости, ведь вся моя ненависть, вся злоба и агрессия заключаются лишь в том, что я готова пожертвовать абсолютно всем ради вашего благополучия, наплевав на целый мир и всех его обитателей.

Я ненавижу вас, но только в глубине души, за то, что сильно, горячо и трепетно... люблю.

[Судьба?]

Это произошло совсем недавно: семнадцатого июля я повстречала человека, который за считанные месяцы стал самым дорогим для меня. Поначалу, будучи такой беспечной и своевольной девушкой, долго не могла поверить в то удивительное счастье, что поселилось в моей жизни вместе с любимым мужчиной. Утром он забавный, сонный и чуточку неуклюжий, днем, когда мы появляемся на улице, держась за руки, – деловой, строгий и серьезный. Вечером, стоит только вернуться домой, мягкий и обаятельный, а ночью, когда засыпаем вдвоем, – чрезвычайно милый и неподдельно трогательный. Мы вместе всего полгода, но я уже успела прочувствовать его каждой клеточкой собственной кожи, узнать преданность его сердца и прирасти к Дмитрию всей душой. А свела нас глупая

случайность. Или все-таки... судьба?

Лето в этот раз выдалось особенно яркое, столько неожиданностей и казусов со мной не случилось никогда ранее.

Привычная и размеренная жизнь сменилась бурей эмоций и переживаний. Я окончила школу и, не успев вкусить по-

настоящему заслуженную свободу, поняла, что мое будущее однозначно предопределено. В июне папа сделал мне

ужасный сюрприз, сообщив, что благодаря связям, которыми он, «к великому счастью», обладает, меня заочно

приняли в какой-то престижный вуз.

Эта неожиданная новость не просто огорчила меня – она была жутчайшим ударом. Я всего лишь хотела отдохнуть,

неужели это было не ясно? Но меня поставили перед фактом: туда попадают немногие, ты способна, значит, так

тому и быть. Не буду рассказывать, как рыдала в подушку и как долго пытались меня успокоить. Но ничего не

поделаешь, жизнь безостановочно двигается вперед, смириться-таки пришлось.

Вскоре я решила отгулять свободное лето, да так, будто бы за всю жизнь. Именно тогда мне удалось впервые

напиться в компании лучших подруг. Как мы возвращались из клуба, помню смутно... а может быть, и вообще не

помню. Затем, подобно искусной соблазнительнице, закрутила двухнедельный роман с каким-то официантом, но

дальше поцелуев в подсобке ресторана, где он работал, к счастью, не дошло. А бросила официанта, громко хлопнув

дверью. Того же ресторана, кстати. День спустя я задремала в метро и увидела кошмарный сон, будто этот официант

переспал с моей «лучшей подругой», что, собственно говоря, на деле оказалось правдой. В результате я избавилась

от чувства вины и к тому же проехала свою станцию. А «подруга» моя избавилась от официанта, оказавшись умнее,

чем я могла себе представить.

Потом мы с девчонками собрались на какую-то супермодную вечеринку, но явиться на нее я не смогла, потому что

за семь часов до начала поскользнулась и фактически слетела с лестницы, стукнувшись при этом о перила. Нет,

ничего не сломала и даже не вывихнула, но огромная ссадина... Сами понимаете. И вот наступило семнадцатое

июля, которое для меня стало символическим и знаковым. Синяки прошли, знакомый официант успел поменять с

десяток моих друзей, которые потом тоже напивались и падали с лестниц, а я всего лишь решила отдохнуть в ресторанчике своего отца.

Сидя за столиком около окна, я лениво рассматривала людей, проходящих мимо и спешащих по своим делам.

Никому до меня не было дела, ровно так же, как мне не было дела до них. Толпа казалась мне скучной, серой и однообразной. Хотелось увидеть что-то необыкновенное, какое-то яркое пятно, затмившее бы все в округе. Я

пыталась вглядываться в лица, прочесть по глазам хоть чуточку жизни каждого, но мои старания не увенчались

успехом. Двери ресторана открывались в обе стороны, а я все так же смотрела в окно, не обращая ни малейшего

внимания на посетителей.

И только когда мне это наскучило, что-то дернуло оглядеть обстановку внутри ресторана. Где-то в углу

расположилась семейная пара – мужчина лет тридцати и женщина чуть младше. Они сидели друг против друга и о

чем-то увлеченно беседовали. «Счастливые», – подумалось мне. В соседнем зале для курящих восседал довольно

солидный мужчина, активно уплетающий свой обед, в костюме и с галстуком – весь такой деловой.

Видимо, рабочий перерыв выдался. Помню еще каких-то людей, таких же невыразительных, как и в толпе за окном.

Но я заинтересовалась одним непримечательным молодым человеком. Внешности какой-то... обыкновенной что ли.

Брюнет с косым пробором, большими ладонями и по-щенячьи грустными глазами в черной рубашке и сером костюме.

Возможно, кто-то счел бы его неземным красавцем, но мне, после загорелых модных мужчин, виденных ранее в

клубах, такой типаж показался банальным и скучным. Так, спросите вы, с какой такой стати он стал объектом моего

внимания? Сейчас расскажу.

Сидел юноша в десятке метров от меня один за столиком. С моей позиции наблюдать за ним было очень удобно. Я

выбрала его как жертву, чтобы проследить, что же будет дальше. Официант принес герою кофе, на что тот мило

улыбнулся и достал газету, затем положил ногу на ногу как-то особенно по-мужски, а после, взяв в одну руку

белоснежную чашку и сделав несколько глотков, начал внимательно читать сводки новостей, словно у себя дома.

Меня такое его поведение не то чтобы привлекло – скорее, спровоцировало на ответную реакцию. Так же положив

ногу на ногу и облокотившись на спинку стула, я задумалась, что бы такое выдумать, дабы привлечь к себе

заинтересованный взгляд.

Креативные идеи не заставили себя долго ждать, и я так же подозвала к себе официанта, заказав... что бы вы

думали? Чашечку кофе. Пока мой заказ выполнялся, я судорожно рылась в аккуратном пакетике, где лежали

распечатки моих новых рассказов. Что я надеялась там найти? Ответ прост и очевиден: смятую газету, взятую мной

по случайности сегодня утром на стойке с ежедневной прессой, находящейся в здании метрополитена. Найдя ее, я

дождалась официанта и, проводив его радостным взглядом, приняла точно такую же позу, что и моя «жертва». Взяв

чашку в свободную руку, я кашлянула на всю Ивановскую, надеясь заполучить внимание юноши. И поднятые на

меня растерянные глаза не заставили себя долго ждать.

Молодой человек и вправду был немного ошарашен. Оглядев меня с ног до головы, он как-то неловко и чуть

обиженно свернул свою газету, оглядываясь по сторонам и думая, что делать. Я последовала его примеру и убрала

свою. Он взглянул на меня, а я взглянула на него. Он взялся руками за чашку кофе, я сделала то же самое. Он в

испуге отпустил чашку, не сводя с меня взгляд, – я ответила ему тем же. После нескольких тщетных попыток от меня

избавиться юноша повел плечами и по-доброму усмехнулся. И я улыбнулась, но отнюдь не потому, что хотела его в

очередной раз скопировать, а лишь по той причине, что ситуация не вызывала ничего, кроме идиотского смешка. И

тут, убрав свою газету в деловую папку, молодой человек попросил у пробежавшего мимо официанта счет. Тот

быстро его оформил, и вот уже моя «жертва», встав из-за стола, уверенным шагом направилась прямо к выхо...

Шутка. Прямо ко мне направилась, куда же еще.

Он оказался намного выше, чем показалось сначала, – гораздо более статным и гордым. С каждым шагом образ

замухрышки растворялся в воздухе, ко мне подходил уверенный в себе и весьма привлекательный мужчина.

Подойдя вплотную, он произнес самые банальные на свете слова, разбавленные всего одним существительным,

которого и следовало ожидать: «Можно ли мне присесть к очаровательной подражательнице?» – на что я весьма

резко ответила: «А Вы не подумали, что здесь может быть занято?» Мой новый знакомый ухмыльнулся, разглядев во

мне стерву со склонностью к садизму и, оставаясь по-прежнему невозмутимым, ответил: «Простите, приятного вам

со спутником дня», – после чего последовал разворот на сто восемьдесят градусов и уход в направлении... да не

важно в каком направлении.

Суть в том, что только сейчас я осознала, что могу потерять все то, чего так активно добивалась считанные минуты

назад. Буквально вспорхнув со своего места, я обежала юношу, жалостливо заглянула ему прямо в глаза и

приветственно протянула руку. Он, очаровательно усмехнувшись в ответ (конечно же он понял, что я только строю

из себя стерву) пожал мою крохотную ладонь и представился. Его звали Дмитрий... Дмитрий Александров.

После мы долго разговаривали. Там же, в той же обстановке, сидя друг напротив друга, только уже без газет в

руках. И с каждой новой секундой я проникалась мыслями этого человека, словами и жестами, находила все больше

привлекательных черт в его манере общения, движениях и голосе – в нем самом. Мы беседовали обо всем на свете:

о счастье, чувствах, свободе, людях, привычках, жизни, ну и о взглядах на эту самую жизнь. Я рассказала ему про

свою предстоящую институтскую каторгу, он же поведал мне, что скоро отправляется на практику. У нас оказалось

много общего, даже больше, чем показалось вначале. Я понимала его и более того – хотела понимать, хотела с ним

разговаривать, хотела слышать его голос. И вот, через пару часов непрерывного общения, он как истинный

джентльмен заплатил за мой недопитый кофе и мы покинули здание. На улице обменялись номерами мобильных и

распрощались до следующей встречи. Единственное, что я помню, так это невыносимое томление в груди и желание

поскорее очутиться дома, чтобы дождаться... дождаться его звонка.

В тот вечер он и вправду позвонил – назначил мне свидание. Мы снова увиделись, а потом еще раз, и еще. В

результате стали встречаться чуть ли не каждый день: нам всегда было о чем поговорить и чем заняться. Вместе

гуляли по ночному Питеру, бежали под проливным дождем на уходящий автобус, весело при этом смеясь, после чего

он согревал мои замерзшие ладони своим трепещущим дыханием.

Мы ходили в кино, посещали выставки, радовались каждому мгновению в обществе друг друга и невыносимо

грустили при каждом расставании. Помню наш первый поцелуй, который произошел, как ни странно, в том же

ресторане, где работал мой бывший. Помню странное ощущение дежавю, на которое я наплевала уже после

нескольких секунд в объятиях моего Дмитрия. Помню взгляд официанта, который разносил еду, стиснув зубы от

злости, обиды и зависти, ведь к тому моменту его успели кинуть все мои подруги, я же, бросившая непутевого

ловеласа первой, нисколько не грущу в компании такого видного молодого человека. Осознание того, что мое

сердце не бьется чаще при звуках его имени, а наоборот, замирает в ожидании, вселило надежду на то, что в этот

раз отношения будут развиваться совсем иначе.

Я поняла, что люблю и призналась ему в этом, когда мы сидели на скамеечке в каком-то парке. Помню, как он

переспросил, смеясь. Нет-нет, вы не о том подумали: переспросил не потому, что глуховат, а смеялся не потому, что

тугодум, просто наши уши были соединены проводочком от наушников, в которых буквально кричала дикая музыка.

Помню, как я выдернула этот наушник и, ласково проведя ладонью по Диминой щеке, повторила: «Я так давно...

люблю тебя». Он тут же поднялся со скамейки, потащив за собой и меня, а после подхватил на руки и, на радостях

быстро закружив, прокричал: «Глупая моя, ну чего же ты так долго молчала?!» После этого наши отношения стали

еще... Крепче? Скорее, трепетнее и нежнее. Мы просто перешли из статуса мимолетно увлекшихся в статус

абсолютно влюбленных. Но все хорошее рано или поздно подходит к концу, близилась осень...

Оказалось, что мой институт находится у черта на рогах, и папа снял для меня отдельную квартиру там же... у черта

на рогах. Эта «радостная» весть просто убила меня раз и навсегда. Я не представляла себе, как смогу видиться с

моим избранником. Отец мой хорошо зарабатывал... очень хорошо... Но в тот вечер мне показалось, что слишком

хорошо, ведь самой страшной неожиданностью оказалось то, что он ни с того ни с сего нанял мне охранника. Вот

свалилось счастье: едь туда – не знаю куда, учись затем – не знаю зачем, терпи постоянное присутствие рядом с

собой «бодигарда» – не знаю за что. Родители меня успокаивали, мол, не все так печально, и уверяли, что с

охранником я запросто найду общий язык, да вот только горечь заключалась в том, что никто про нашу с Димой

любовь не знал. Вновь заливая подушку горячими слезами, я молила Господа о том, чтобы он не разлучал меня с

любимым, ежесекундно повторяя, что тот и есть моя судьба и только с ним я смогу быть по-настоящему счастлива.

И вот через пару дней я решила все рассказать Дмитрию, а заодно и сообщить, что уезжаю. Голос его еще в самом

начале разговора показался мне ужасно печальным. Оказывается, он тоже должен был уехать... далеко, на

обещанную практику. Мы договорились о встрече. Я пришла к возлюбленному домой в точное время, как и

планировалось. Он открыл дверь, и я тут же, прямо с порога, кинулась к нему на шею с самыми ласковыми

объятиями. Я целовала глаза и губы юноши, непрерывно повторяя о том, чтобы он не бросал меня. Слезы текли по

моим щекам, но даже не от горечи расставания, а скорее от невозможности что-либо изменить. Он успокаивал меня

и говорил, что, если это судьба, мы еще обязательно встретимся. Эту ночь мы провели вместе. Впервые. Но после

сердце предательски заныло и отчего-то стало еще больнее, ведь я знала, что мы будем разлучены друг с другом так

скоро.

Наутро я проснулась у него дома и, оглядевшись по сторонам, с трудом вспомнила день недели, месяц и год,

стоящие на дворе. Дмитрий лежал рядом и все еще видел красочные сны. Надев на себя валяющуюся рядом с

кроватью мужскую рубашку, я прошла на кухню и стала разбираться, что к чему. Кое-как приготовив завтрак и

накрыв на стол, уже было собралась будить Диму, потому что помнила, что он что-то шептал мне вчера вечером про

неотложную встречу. Но тут внезапно зазвонил мой мобильный. Это был папа. Я выслушала нотации по поводу

моего отсутствия сегодняшней ночью, а после получила четкие указания срочно подъехать к нему на работу – и

никаких отговорок. Оставив своему ненаглядному записку и еще неостывший завтрак, я быстренько привела себя в

порядок и собралась уходить, предварительно заведя его будильник на пять минут вперед настоящего времени.

Когда я оказалась на месте, отец заметил, что на мне лица нет. Мы долго разговаривали с ним о будущей учебе и

предстоящем переезде, а слезы так и норовили соскользнуть с ресниц и разбиться о поверхность кофе, налитого

точно в такую же чашку, из какой я пила при первой встрече с Дмитрием. Папа сообщил, что именно сегодня он

собирается познакомить меня с будущим охранником, который так не к стати опаздывает. Мы находились в рабочем

кабинете, как вдруг в дверь кто-то постучал. Отец вскочил с места и направился открывать, а я тем временем

отвернулась, чтобы не показать своего недовольства по поводу происходящего. В помещение кто-то зашел. Я, не

дыша, не шевелясь и плотно сомкнув ресницы, надеялась на скорейшее окончание этого кошмара, и вот довольный

родитель подошел прямо ко мне, подведя с собой будущего телохранителя.

– Екатерина! – торжественно произнес он. – Познакомься, твой будущий защитник...

Я подняла глаза. Первое, что я заметила, это светящееся от радости лицо отца. Переведя взгляд на стоящего рядом

с ним улыбающегося молодого человека, я чуть было не упала в обморок. Мгновенно взлетев с кресла, я

расцеловала ничего не понимающего папу. После чего кинулась к своему охраннику, за одно расцеловав и его. Мой

ошарашенный отец только и успел закончить предложение на выдохе: «...Дмитрий Александров».

С тех пор мы стали жить вместе, а я поступила в университет. Семнадцатого июля мне удалось повстречать

человека, который за считанные месяцы стал самым дорогим и близким. Поначалу, будучи такой беспечной и

своевольной девушкой, долго не могла поверить в то удивительное счастье, что поселилось в моей жизни вместе с

любимым мужчиной. Утром он забавный, сонный и чуточку неуклюжий, днем, когда мы появляемся на улице,

держась за руки, – деловой, строгий и серьезный. Вечером, стоит только вернуться домой, – мягкий и обаятельный,

а ночью, когда засыпаем вдвоем, – чрезвычайно милый и неподдельно трогательный. Мы вместе всего полгода, но я уже успела прочувствовать его каждой клеточкой собственной кожи, узнать преданность его сердца и прирасти к Дмитрию всей душой. А свела нас глупая случайность. Или все-таки... судьба?

[Мгновение длиною в жизнь]

Господи, каким же трудным оказался сегодняшний день – не легче предыдущего, возможно, даже чуть суровей.

Сколько сил, времени, терпения я потратила на то, чтобы смело смотреть людям в лицо с гордо поднятой головой,

скрывая свою душевную опустошенность, не оправдываясь и не объясняя, в чем дело. Что, опять читаете в моих

растерянных глазах грусть, усталость, возможно, скрытую тревогу? Да какая вам разница, в самом деле, чем я так

взволнована и почему разучилась отвечать на простейшие вопросы? Сами переживали что-нибудь подобное,

мучились совестью, когда оправдывать себя уже нет смысла? Убивались в полной тишине, переставали думать о

будущем и жили каждой секундой, словно вечностью?! А не послать бы мне вас... Хотя нет, постойте. Наверное,

сегодня я просто не в духе. Встала не с той ноги, или по календарю так не к стати день неважный. Может, звезды не

в том порядке расположились на небосклоне, а может, мне просто лень перед вами отчитываться. Стоит извиниться,

или вы простите меня без слов?

Все вы – люди, к кому я не имею ни малейшего отношения, но почему-то именно от вас я каждый раз слышу одни и

те же до боли заезженные слова: «Да брось ты... нечего переживать по пустякам». Вы меня совсем не знаете, да что

там, даже не догадываетесь о причине моих душевных терзаний. Вам не дано меня понять, точно так же, как не дано

мне чувство такта. Прощение возьмите во-о-он с той пыльной полки, куда дотянуться практически невозможно. Или

нет, лучше оставьте себе чаевыми. Сделали свою работу? Теперь вы свободны.

Эти мрачные мысли не покидали ее разум весь вечер и даже ночью, когда хрупкая девушка укуталась одеялом,

небрежно разбросав пряди волос по белоснежной подушке. Весь день на нервах, весь день с надрывом, весь день по заученным правилам, дабы не портить окружающим настроение своим «трауром». Они не обязаны знать, что творится у нее на душе. Да и она, в любом случае, не признается. То ли плакать попросту надоело, то ли слезы в конце иссякли... какая разница? Жизнь скучна, пресна и бесцветна – не жизнь вовсе, а жалкое существование в изрядно поднадоевшем мире. Скажете мне: «Оглянись, все еще впереди, ты так юна и беззаботна!»... Ах, если бы...

Не буду вдаваться в подробности собственных каждодневных мучений, а просто поведаю вам историю одной ночи, одного мгновения... Мгновения длиною в жизнь.

Вернувшись домой и закрыв за собой дверь, она лениво швырнула сумку на пол, после чего точно так же приземлилась на старенький потрепанный жизнью стул. Запрокинув голову назад и с огромной радостью закрыв уставшие от окружающей серости глаза, девушка вновь и вновь прокручивала в голове события уходящего дня. Как же паршиво и гадко было у нее на душе в тот момент, кто бы знал. Но ничего не поделаешь, время неумолимо катится вперед, и сидеть сложа руки тоже не выход. Через пару минут она открыла глаза.

Поднявшись, не спеша приблизилась к высокому зеркалу, и – о ужас, до чего же омерзительно ей было собственное отражение. Она не узнавала себя, за последние месяцы полностью вымотанную, готовую свалиться с ног в любую секунду. Что же она с собой сделала? Дни в вечных проблемах, обидах, дни в вечном ожидании, дни в вечной надежде, не угасающей в ее сердце ни на минуту. Отражение в зеркале ехидно сощурилось и усмехнулось собственной жалости. Ах, как же приятно было слышать от знающих ее прежней людей, что она, подобно бутону розы, еще такая нежная, чуткая, ждущая своего часа для того, чтобы предстать в новом свете еще более очаровательной и сказочно прекрасной. Да, что уж там греха таить, никогда не жаловалась на себя любимую: что-то хотела изменить, что-то напротив, радовало ее до безумия, но теперь... Видели бы вы ее в этот момент. Отражение все также язвительно улыбалось, после чего тяжесть собственного взгляда стала ей просто не по силам. Через

несколько минут двери ванной комнаты захлопнулись, скрыв от глаз неряшливо разбросанную по полу одежду.

Она так тщательно пыталась смыть с себя грязь и копоть, скопившуюся на ее коже за всю сознательную жизнь. В

собственных ошибках признаваться непросто, особенно, самой себе, честно и откровенно. Она старалась, искренне

верила в собственную никчемность и принимала вину за страдания близких людей на себя. С течением времени она

действительно свыклась с мыслью, что большее количество ошибок и неверных решений было принято ею самой. Но

кому теперь она могла признаться в этом? У кого могла попросить прощения? Душу атаковали разные чувства, а

капли воды все так же быстро скользили по гладкой коже к самым ступням.

Накинув шелковую сорочку, едва прикрывающую середину бедра, и промокнув влажные волосы мягким полотенцем,

девушка вышла из ванной, окинув валяющиеся на полу вещи печальным взглядом: «Завтра – все завтра...», после

чего, касаясь ледяного пола босыми ногами, она скрылась за дверьми собственной спальни. Накрывшись невесомым

одеялом, она постаралась уснуть, выкинув из головы все до единой печальные мысли... Все, кроме мысли о нем.

Яркие картины мелькали перед глазами: вспышки света, фигуры, образы, тени людей, голоса и звуки, мелодии и

чей-то приглушенный шепот, резкий и проникновенный звонок в дверь. Что? Какого черта?! Поднявшись с постели,

она прислушалась к тишине сентябрьской ночи: на мгновение тишину и вправду прервало едкое дребезжание

звонка. И кому понадобилось нарушить человеческий покой в столь поздний час? Не долго думая, девушка

неторопливым шагом направилась к двери. Взгляд в глазок не дал ни малейших результатов – как назло, именно

сегодня лампа, расположенная перед дверью, подозрительно шипела, а к вечеру и вовсе померкла, лишь чуть

заметно мигая и неизбежно притягивая уличных мотыльков.

– Кто там? – в ответ не раздалось ни звука, лишь только ветер завывал на лестничной площадке пуще прежнего. –

Что Вам нужно? Долго Вы меня здесь держать собираетесь?

И снова только тишина, незримо рушимая стуком колес проезжающего неподалеку поезда. Когда же терпению

пришел конец, а может, просто нервы сдали, металлическая цепочка была мгновенно опущена и скрип уличной

двери нарушил бесконечную идиллию, стоящую вокруг. Поначалу она ничего не увидела, лишь тонкие контуры,

очерчивающие человеческое тело в противоположном конце лестничной клетки. Через несколько секунд фигура

тронулась с места, шаг за шагом приближаясь к обласканной северным ветром девушке, дрожащей от холода и

пытающейся изо всех сил узнать в человеке знакомого, друга или... Глаза ее были широко распахнуты, ладонь

молниеносно поднялась к лицу, едва заметно касаясь губ кончиками дрожащих пальцев. Он не сводил с нее глаз

точно так же, приблизившись совсем вплотную. Они боялись вымолвить хоть слово, боялись разрушить эту сказку,

боялись спугнуть этот дивный сон. Казалось, что мгновение это длилось бесчисленно долго, словно вся жизнь,

бесцельно потраченная на никчемные мелочи, тянулась в ожидании одной этой минуты. Еще через секунду дверь за

его спиной закрылась.

Нет, он не произнес ни звука, не дрогнул и не шелохнулся с места, а только осторожно коснулся ее запястья,

скользя вверх по руке, – и вот уже теплая ладонь сжимает ее нежное плечо. Чуть выше, еще секунда, и пальцы

обхватывают тонкую шею, кожей чувствуя безумное биение девичьего сердца. Когда нажим становится сильнее, ее

губы размыкаются, трепещущее дыхание с каждой секундой учащается, но именно сегодня она не в силах

сопротивляться, не в силах противиться собственному желанию. Рука, до этого так тщательно перекрывающая

кислород, ослабляет хватку, и огрубевшие пальцы скользят по ее телу, так осторожно изучая каждый изгиб, каждую

впадинку, скрытую под тонкой тканью шелковой сорочки. Его глаза... такие родные глаза неизвестного цвета

тщательно впитывают каждую ее черту, стараясь запечатлеть в своем сознании, чтобы вовек хранить в памяти образ

той юной и ласковой мечтательницы, которую он знал когда-то. Ее пальцы едва касаются щеки, затем ладонь

аккуратно обнимает его за шею, мгновенно притягивая к себе, другая же, поднявшись к плечу, до боли сжимает

бесцветную ткань куртки. Тихо и почти незаметно она вдыхает его запах – самый сладкий и самый родной.

Медленно скользя губами по его шее, она шепчет что-то невнятное и в то же время, несомненно, очень важное, но он совсем не хочет ее слушать. Губы так близко к губам, дыхание так нежно обжигает кожу, ресницы медленно смыкаются – столь долгожданное и столь невозможное мгновение, но... Внезапно тишину разрушило противное дребезжание. В чем дело? Открыв глаза, она судорожно огляделась по сторонам: постель, будильник, бесцеремонно скачущий по столу, и никого нет рядом. Что ж, не впервой, она уже привыкла. Сегодня предстоит обыкновенный день – не легче предыдущего, возможно, даже чуть суровей.

Сколько сил, времени, терпения я потратила на то, чтобы смело смотреть людям в лицо с гордо поднятой головой, скрывая свою душевную опустошенность, не оправдываясь и не объясняя, в чем дело. Что, опять читаете в моих растерянных глазах грусть, усталость, возможно, скрытую тревогу? Да какая вам разница, в самом деле, чем я так взволнована и почему разучилась отвечать на простейшие вопросы? Сами переживали что-нибудь подобное, мучились совестью, когда оправдывать себя уже нет смысла? Убивались в полной тишине, переставали думать о будущем и жили каждой секундой, словно вечностью?! А не послать бы мне вас... Хотя нет, постойте. Наверное, сегодня я просто не в духе. Встала не с той ноги, или по календарю так не к стати день неважный. Может, звезды не в том порядке расположились на небосклоне, а может, мне просто лень перед вами отчитываться. Стоит извиниться, или вы простите меня без слов?

Все вы – люди, к кому я не имею ни малейшего отношения, но почему-то именно от вас я каждый раз слышу одни и те же до боли заезженные слова: «Да брось ты... нечего переживать по пустякам». Вы меня совсем не знаете, да что там, даже не догадываетесь о причине моих душевных терзаний. Вам не дано меня понять, точно так же, как не дано мне чувство такта. Прощение возьмите во-о-он с той пыльной полки, куда дотянуться практически невозможно. Или нет, лучше оставьте себе чаевыми. Сделали свою работу? Теперь вы свободны, а у меня впереди обычные будни, и люди точно так же будут спрашивать, как я чувствую себя в этот «чудный» день. Ну что ж, мне нечего скрывать –

все, как обычно, плюс минус выше среднего. Тоска, печаль, осенняя хандра и прочие неприятности. И только

ласковый румянец на моих щеках расскажет о том, какое счастье испытала я сегодня ночью в то самое мгновение...

Мгновение длиною в жизнь.

[Паранойя]

Н. развернул конверт и высвободил из его сковывающих объятий очередное письмо. Оно не было длинным и

заунывным, напротив – источало внутреннюю силу отправительницы и буквально веяло энергией. Молодой человек

неторопливо начал погружаться в мир печальной и одинокой сумасшедшей фанатки, влюбленной в юного героя без

памяти.

«Думаю, ты прочтешь это послание. Надеюсь, оно попало тебе в руки. Я долго ждала подходящего момента, чтобы

выговориться, – и вот он наконец настал. Знаешь, я ведь никогда не открывала тебе свою маленькую тайну, никогда

не говорила о том, что со мной происходит в те редкие моменты, когда мы встречаемся случайным взглядом сквозь

пространство и время. Да ты и не спрашивал, никогда не интересовался тем, что у меня на душе.

Мы так редко видимся, практически не замечаем друг друга. Хотя, постой, как у меня хватает смелости так нагло

лгать? Я замечаю тебя, более того, обращаю в твою сторону столько по-детски восторженных взглядов, сколько не

получал от меня никто и никогда. А ты... так холоден, словно сияющий своей белизной айсберг на просторах

Северного Ледовитого океана. Смешно? Нет, напротив, ужасно грустно и обидно. До боли, до слез отчаяния.

Ты так жизнерадостен, так молод и свеж, еще совсем зелен, но от этого не менее привлекателен. Я прикасаюсь к

экрану телевизора, скользя кончиками пальцев по гладкому стеклу к твоим губам, – ах, как они, должно быть,

сладки! Так сильно желаю попробовать твои губы на вкус. Но ты же не хочешь подарить мне хоть капельку своего

внимания, даже взгляда случайного не бросишь, пусть презрительного или недоумевающего... любого, в конце

концов! Ты так хорош в элегантном черном костюме, с галстуком, при полном параде. Но еще больше мне нравится твой клетчатый платок, мягко оплетающий длинную шею. О, как меня возбуждает ее плавный изгиб! Казалось бы, какое имеет значение шея для мужчины? Нет-нет, вы абсолютно ничего не понимаете, не разбираетесь в красоте и сексуальности, у вас напрочь отсутствует вкус! Неужели и вправду наплевать, какую шею покрывать трепетными поцелуями, по какой шее скользить тонкими пальцами в сторону волос, плавно утопая в них, вдыхая приятный аромат кожи своего возлюбленного и забывая обо всем на свете?! Нет, вы ни черта не смыслите. А руки, с ума сойти, какие же у тебя красивые кисти рук! Пальцы, пусть и не такие тонкие, но до того очаровательные! Должно быть, очень ловкие, ладони широкие, именно, как мне нравится. Хотя перстни твоим рукам определенно не идут, нет, только отвлекают внимание. А вот цепочку и часы лучше оставить, ведь они так выгодно подчеркивают красоту этих дивных запястий!

О, как все-таки невыносима моя тяжелая ноша, эта сладостная нега во всем теле при каждом взгляде на тебя! А какие у моего героя классные ботинки, вы их видели?! Стильные, утонченные, белые с черным орнаментом. Ты всегда так модно одет, удивительно опрятен. У тебя же есть деньги на все эти модные шмотки. В следующий раз я обязательно попаду на премьеру очередного фильма с твоим участием, возьму автограф и непременно отщипну кусочек от твоего платка, хоть ниточку. А дома я закреплю ее в рамку и повешу на стену вместе с росписью в память о нашей мимолетной встрече! Я буду осыпать горячими поцелуями эту очаровательную самодельную картину, стану обнимать ее в столь частые моменты, когда бывает холодно и одиноко. И на той премьере я буду просто обязана подкинуть в карман твоей рубашки записку с моим мобильным номером. Но ты ведь не позвонишь, правда? Слишком занят, ну, разумеется. Ненавижу тебя в такие моменты и проклинаяю на чем свет стоит! Ты должен меня любить, просто обязан!

Разве не ясно, что мы две половинки одного целого, созданные друг для друга?! Все в округе считают меня сумасшедшей, съехавшей с катушек, ну-ну, на себя бы в зеркало взглянули, кретины. Мой милый, я немного

отвлеклась... о чем мы? Ах да, совсем забыла! Вы видели хоть раз его тело?! Его гибкое, стройное, молодое тело... О

боже, как я мечтаю очутиться в объятиях своего любимого, коснуться его хотя бы одним мизинчиком! Обнимать

ладонями это несуразное забавное лицо, которое многим почему-то кажется неприятным. Негодяи, захлебнитесь

собственной злостью! Хочу приникать осторожными поцелуями к твоему чувственному рту, твоим высоким скулам,

твоим усталым векам.

Я всегда хотела заполучить от самого дорогого мне человека прядку волос, да что там – хотя бы пуговицу от куртки.

Это моя заветная мечта, самая-самая главная! Нет, стойте, самая главная моя мечта – это стать единственной

девушкой в твоей жизни, близкой и родной! Ты полюбишь меня, непременно полюбишь, я точно знаю. Черт, тебя

снова показывают по телевизору: как же ты прекрасен! Я так хочу поцеловать тебя сквозь экран, но губы слишком

влажные, в прошлый раз меня ужасно сильно ударило током, черт бы его побрал! Мой милый, я снова ненавижу тебя

в такие моменты, за то, что ты так далек и равнодушен! Смотришь на меня словно насквозь, ну неужели я настолько

непривлекательна?! Но ничего, скоро мы будем вместе! Я уже вычислила адрес и приеду навестить твою семью в

скором времени. Налаживать контакт лучше через близких, самой мне к тебе не подобраться. А потом они нас сами

сведут, подружат и обручат вечными узами бессмертной любви! О, как сильно я порой мечтаю о таких моментах! Ты

полюбишь меня, я обещаю! И мы навсегда будем вместе, это наш удел, наша судьба. Окружающие не понимают

этого, всячески стараясь разлучить нас с тобой.

Однажды, пытаюсь пробраться к тебе сквозь охрану, я была жестоко вышвырнута за изгородь, надеюсь, в

следующий раз ты постарайся предотвратить такие маленькие недоразумения, и мы, наконец, сможем побыть

наедине.

Я ненавижу тебя за то, что ты даришь столь ласковые взгляды фанаткам, что ошиваются вокруг! Они пожирают тебя

глазами, они хотят тебя, и меня от этого мутит! Это не любовь, а просто страстное влечение, не у всех оно способно

перерасти в глубокое чувство, как произошло со мной. Но ты ведь поймешь, что я отличаюсь от них. Хотя, постой...

нет... кого я обманываю? Нам никогда не быть вместе. Ты слишком самоуверен, недосыгаем и вообще чужд моей

скромной персоне. Я ненавижу тебя... ненавижу, слышишь?! И хватит на меня смотреть, убирайся немедленно! Я

выброшу телевизор в окно, разобью ноутбук о стену, перережу телефонный кабель и не позволю никому лезть в

мою личную жизнь! А ты, ты... прочь из моей головы, слышишь?! Я ненавижу тебя, потому что ты просто редкостный

садист! Тебе нравится надо мной глумиться?! Нравится испепелять меня презрительным взглядом, словно я какое-

нибудь ничтожество?! Нет-нет, ты просто сводишь меня с ума... а я не хочу этого... не хочу!!! Нужно пойти и лечь

спать... а еще лучше слопать пачку снотворного и навсегда избавиться от твоего насмешливого взгляда! Да, так я и

поступлю, именно так. Прости меня, прости и больше не смей надо мной смеяться... прости... и прощай, мой милый...

я делаю это только потому, что знаю, как скоро мы увидимся в следующей жизни, и там наша связь будет гораздо

крепче, нежели сейчас на этой грязной Земле. Люблю тебя, родной... и прощай...

С уважением, самая преданная поклонница».

Н. выронил тонкий лист бумаги из рук и еще долго не мог прийти в себя. Он знал, что фанатская любовь бывает

трагичной, но никогда не допускал мысли о том, что кто-то на этой планете готов погибнуть из-за него одного. С тех

пор он замкнулся в себе и перестал радовать зрителя яркими образами на экране. А лжефанатка лишь радовалась,

полностью отомстив юноше этим театрально-наигранным письмом за то, что он чудовищно прекрасен и в то же

время абсолютно недоступен именно той девушке, что искренне восхищается взбалмошным актером и гордится

каждой сыгранной им ролью в кино, в отличие от по-настоящему обезумевших девиц, способных лишь похотливо

желать объект своих воздыханий.

[На перекрестке двух дорог]

Столкновение с жизнью за пределами детства порою приносит множество обидных, а иногда и чрезвычайно

жестоких разочарований. К этому периоду лучше готовиться заранее, когда в запасе еще уйма времени и есть шанс

подготовиться к будущим переменам.

Придет тот час, когда, проделав относительно длинный и утомительный путь своей самой ранней юности, ты

подойдешь к перекрестку и столкнешься с первым в своей жизни серьезным выбором. Таких перекрестков будет

немало на пути каждого. Вопросы судьбы в большинстве своем непредсказуемы, и в любом случае выбирать

придется самому, без чьей-либо помощи. Но действительно важным и неизменным пунктом является

невозможность предугадать и описать первый жизненный перекресток, ведь именно он является самым сложным

этапом начала осознанной жизни, первой ступенью лестницы собственной независимости. Шаг за шагом

приближаясь к значимому месту, можно постараться предвидеть, обрисовать в мельчайших подробностях все то, что,

безусловно, будет находиться за следующим поворотом, но первые представления об этом зачастую ошибочны. И

вот, в тот самый момент, когда предсказывать уже нет необходимости, ты остаешься в полном одиночестве на

перекрестке двух дорог, так плавно растворяющихся в неизвестности. Бешеное биение сердца, считанные доли

секунды, непреодолимое желание собраться с разумом, прислушаться к собственному сердцу, к тому, что подскажет

интуиция, и сделать решающий шаг навстречу своей судьбе...

Когда мы садились в машину, на улице было до омерзения сыро и неуютно. Солнце едва выглядывало из-за крыш

соседских домов, лениво подсвечивая дорогу, по которой нам предстояло направиться напрямиком в Новый Орлеан.

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз, в последнее время меня часто мучили кошмары. Снилось, будто по дороге нашу

машину обгоняет какой-то грузовик: мгновение – яркая вспышка света... Помню, как я лежала на голом асфальте.

Вокруг не было никого – лишь куски металла, осколки стекла и огонь... Приложив руку к своему виску, я с ужасом

оглядела пальцы, по которым тонкими струйками стекала алая кровь. В тот момент мне было страшно, холодно,

одиноко, словно в эту минуту я потеряла все на свете, лишилась самого ценного. Голос внезапно пропал, я не могла

позвать на помощь, да и звать, казалось, было абсолютно некого. Меня посетило чувство, будто за день до этого

происшествия я совершила какую-то нелепую ошибку, сделала что-то не так, и теперь, стоя на пороге собственной

смерти, не могу повернуть время вспять и исправить очередную глупость, ставшую для меня роковой.

И тут я увидела прямо перед собой что-то яркое, теплое, какое-то сияющее облако – образ, приближающийся ко мне

с каждой секундой все ближе и ближе. Подняться с земли было невозможно: придавленная чем-то тяжелым, я лишь

могла тянуть дрожащие руки к исходящему от облака свету. Очертания становились все четче, яснее, но как назло в

этот момент веки потяжелели вдвое, ком подкатил к горлу и перед глазами замелькали яркие картины прошлого,

обрывки моей памяти. Когда образ приблизился вплотную и опустился на колени рядом с моим обессиленным телом,

чья-то рука осторожно коснулась моей щеки. В прикосновении чувствовался какой-то необыкновенный трепет,

ладонь едва заметно подрагивала, и складывалось впечатление, словно он так же, как и я, потерял самое дорогое.

Через кончики пальцев я впитывала в себя всю ту боль, что терзала его душу. Постепенно пейзаж вокруг начал

затягивать густой туман, и я едва различила татуировку на запястье человека, пришедшего проститься со мной в

последний раз, – слово «Remember», выполненное аккуратным мелким шрифтом. Я практически ничего не видела,

лишь чувствовала, как он что-то шепчет... совсем тихо. Через несколько секунд я постаралась собраться с мыслями,

прийти в себя хотя бы на мгновение и произнести в ответ одинокое «прости», но к тому моменту силы полностью

покинули тело и дыхание замерло точно так же, как и сердце. Последнее, что я помню, – как эти пальцы осторожно

дотронулись до моих глаз, и они сами собой закрылись. Каждый раз в такие минуты тело пробивала дрожь, и я

просыпалась в холодном поту.

Сначала, не придавая никакого значения увиденному, я тут же засыпала снова, но с каждым днем сделать это

становилось все труднее. Последние трое суток перед поездкой я с трудом смыкала ресницы, но сегодня буквально

силой заставила себя бодрствовать всю ночь напролет лишь для того, чтобы не волноваться перед предстоящим

путешествием. Разумеется, еще с утра меня беспощадно клонило в сон и абсолютно ничего не хотелось делать, но

мои родители все распланировали, и я не имела права сорвать переезд семьи в новый дом, купленный на честно

заработанные папой деньги. До этого мы жили в богом забытом провинциальном городишке в десятке миль от

настоящей цивилизации. И вот, наконец, спустя семнадцать лет моей бестолковой и посредственной жизни, мы

смогли позволить себе умчаться вдаль от воспоминаний, от обид.

Несмотря на то, что по сути никаких действительно серьезных перемен в моей жизни за это впустую потраченное

время не происходило, глупостей я успела совершить немало. Без толку ссорилась с родителями, закатывала

истерики, трепала нервы отцу и выводила из себя брата, кричала и била посуду из-за малейших неприятностей в

школе или ссор с подругами, неудач в отношениях с парнем. С течением времени все стали замечать, как быстро

покрывается морщинами мамино красивое лицо, а седина медленно затягивает папины виски. Лишь относительно

недавно я осознала все свои ошибки.

Около семи месяцев назад мы с родителями собрались в гостиной и несколько часов подряд обсуждали моё

поведение за эти долгие годы и пришли к единственному верному выводу – подростковые проблемы, взросление,

всплеск гормонов. Я извинилась перед ними за все, после чего жизнь постепенно начала возвращаться в привычное

русло. Позже я рассталась с молодым человеком, застукав его в компании другой девчонки. Он долго читал мне

нотации, обвиняя в холодности и безразличии. Еще бы, ведь я ни разу не позволила ему коснуться своего тела, а та

особа становилась мягкой и податливой, словно пластилин, уже после первого коктейля. Со временем подруги

отвернулись от меня, не важно, почему и как, факт в том, что после этих событий я начисто разочаровалась в

женской дружбе. Я осталась совершенно одна, кроме семьи меня некому было поддержать. Именно поэтому папа

решил, что переезд будет лучшим решением. Но в тот самый момент, когда наша машина пересекала границы

родного поселения, мне меньше всего хотелось думать о прошлом.

Автомобиль быстро удалялся от старого дома, и привычный пейзаж вскоре сменился пустынной проселочной

дорогой, ведущей напрямик в будущее. Через некоторое время солнце поднялось над нашими головами так высоко, будто кто-то подвесил его, словно электрическую лампу, и задал самую большую яркость. Земля вокруг в мгновение ока стала настолько раскаленной, что выглянуть в окно, при всем желании, не предоставлялось никакой возможности. Воздух, проникающий в салон, был невыносимо душным, лучи света скользили по лицу, не позволяя мне полностью открыть глаза, и как назло именно в этот день я оставила солнцезащитные очки в сумке с остальными вещами. Следом за нами ехала другая машина, до отвала заполненная маминой любимой мебелью, но уже на полпути я начисто забыла про ее существование, потому что мой плавающий от июльской жары мозг был просто не в состоянии воспринимать какую бы то ни было информацию так же трезво, как прежде. Все, что я могла на тот момент, так это тихо посмеиваться над папой, который сидел за рулем в полусогнутом состоянии, улыбаясь и тихо напевая что-то из кантри. Даже мама, до этого пристально изучающая безоблачное небо, повернула голову в сторону отца, едва заметно усмехнувшись при этом и снисходительно покачав головой. Машина не была рассчитана на папин рост, но средств на другую на тот момент у нас просто-напросто не было.

Справа от меня сидел Джош, лениво убивающий время за игрой в мобильный телефон. Когда он бросал взгляд в мою сторону, я демонстративно отворачивалась к окну, насвистывая какую-то бредовую мелодию собственного сочинения. В ответ он как всегда обиженно отводил глаза, что-то бурча себе под нос. Мы часто ссорились, но в то же время преданно любили друг друга. Поскольку наша семья состояла всего из нескольких человек: нас четверых, дяди Стюарта, а еще бабушек Эммы, Лизы и старого Джонатана, мы всегда крепко держались друг за друга. Я не могла сильно злиться на своего непутевого брата, но в тот день старалась как можно дольше с ним не разговаривать, ведь не так давно он отдал на обед нашему лабрадору Скотти коробку конфет, подкинутую мне под дверь каким-то неизвестным поклонником. В отместку я прервала всяческое общение с Джошем, и он опять

обиделся, как ребенок. Но только я знала, что уже вечером мы будем как ни в чем не бывало беседовать и смеяться вместе, ведь то обстоятельство, что мы семья, не позволяет нам дуться друг на друга больше суток. Мысли о ночных кошмарах еще утром насильно были выбиты мною из собственной головы, впереди предстояла длинная дорога, а глаза закрывались сами собой. Не прошло и часа, как усталость взяла верх, и я, сама того не желая, заснула, убаюканная тихими папиными напевами и шумом проезжающих мимо машин.

Помню, как кто-то словно отключил мое сознание. Во сне я видела новый дом с просторной верандой, Джоша и Скотти, лающего на безобидных прохожих, папу, помогающего дяде Стюарту аккуратно вытаскивать из фургона старенький стеллаж, маму, диктующую, что и куда ставить, и себя, идущую по улице вдоль невысоких домов. Не успела я заглянуть за угол, как вдруг передо мной предстало что-то светлое, яркое, ослепляющее своей чистотой, – что-то родное, но одновременно такое далекое. Казалось, это было то же видение, но отчего-то предательски щемило в груди, останавливая меня, не давая подойти ближе. Сияние было слабее, чем в прошлый раз, очертания четче, шаги на пути ко мне звучали в унисон с биением сердца. С каждой секундой мне все меньше и меньше удавалось узнать в приближающемся человека с татуировкой «Remember» на запястье. В испуге повернув назад, я заметила, что чем быстрее двигаюсь прочь, тем скорее приближается ко мне туманный образ. Вот-вот коснется рукой, еще немного и... Щелчок пальцев прямо над ухом вернул меня на землю.

– Кэтти, подъем! – отец, склонившийся над окном автомобиля, безжалостно тормозил меня за плечо.

– Сейчас, пап... еще минутку... – я лениво поежилась и постаралась потянуться, тут же упершись ладонями в низкий потолок.

– Кэтрин, мы уже приехали, быстро вылезай из машины!

– Как всегда, на самом интересном месте...

Мне ничего не оставалось, кроме как отстегнуть ремень безопасности и открыть дверцу. Ноги подкашивались, тело

ломило: должно быть, я отлежала себе все, что только можно. Не обнаружив вокруг ровным счетом ничего

примечательного, лишь пустой гараж и блеклый свет лампы под потолком, я медленно вышла на улицу и огляделась

по сторонам. Все выглядело точно так же, как и во сне: папа и дядя Стюарт, выносящие из фургона мамин любимый

мебельный гарнитур, Джош, стоящий в стороне и держащий Скотти на коротком поводке, мама, кричащая на отца за

то, что тот отколол у серванта уголок. Тут же спросив у родителей, не было ли никаких происшествий по дороге, и

получив в ответ сухое: «У тебя жар? Врача вызвать?», я не на шутку обрадовалась, отбросив все тяготящие и

напрягающие меня мысли, связанные с ночными кошмарами. Лишь сияющий образ никак не желал выйти из головы.

Заметив скучающего Джоша, я неторопливо приблизилась к нему и встала рядом, наблюдая за действиями

родителей. Затем, взглянув на брата, я выронила произвольный смешок, на что он уныло опустил голову.

– Не сердись?

– А ты как думаешь? – я скрестила руки на груди для большей важности.

– Сердишься, – глубоко вздохнул он. – Только не пойму, что тут смешного...

– А разве я смеюсь? – сдвинув брови домиком, я едва сдерживала себя, чтобы не улыбнуться.

– Издеваешься надо мной?

– Даже в мыслях не было.

– Тогда в чем дело?

– Сам подумай...

– Вечно ты со своими загадками.

– Лучше бы шнурки завязал, вместо того, чтобы на меня обижаться.

Я похлопала Джоша по плечу, после чего он опустил глаза и принялся зашнуровывать кроссовки. Затем,

выпрямившись и взглянув на меня, Джош едва различимо прошептал:

– Мир?

– Еще чего... – я уже не могла сдерживать себя от смеха и тут же сгребла брата в охапку, пару раз чмокнув в висок.

– Да ну тебя...

– Бу-у-у, какой сердитый, видел бы ты себя в зеркало.

Джош улыбнулся мне в ответ, после чего наша пустяковая ссора окончательно исчерпала себя. Солнце неторопливо

тянулось к горизонту, а родители по-прежнему разгружали фургон, срывая злость на бедном дяде Стюарте. Вдруг я

заметила, как к нашему дому приблизилась женщина с покупками в руках, – на вид милая и интеллигентная, она

поприветствовала родителей, после чего, скромно улыбнувшись, представилась:

– Сьюзан Стивенс. Рада видеть новые лица в этом унылом и блеклом месте.

– Меня зовут Тим Роббинс, а это моя жена Николь, очень приятно – отец пожал руку гостье и учтиво кивнул головой.

– А вон там наши дети: Кэтрин и Джош.

Папа показал рукой в нашу сторону, на что я расплылась в вымученной улыбке, а Джош поднял глаза к небу, считая

ворон и делая вид, будто бы ему совсем нет дела. Скотти игриво завил хвостом, так и норовя сорваться с поводка

и тут же умчаться к добродушной незнакомке. За всю свою жизнь не припомню случая, чтобы наш пес вел себя

столь приветливо по отношению к посторонним, но я не привыкла удивляться таким мелочам, поэтому оставила

сумасшествие лабрадора без внимания. Женщина бросила взгляд в нашу сторону и мило помахала рукой. Я, стиснув

зубы от нежелания контактировать с абсолютно чужим человеком в первый же день пребывания здесь, помахала в

ответ. Затем миссис Стивенс вновь повернулась к отцу:

– Я была искренне рада известию о том, что мистер Джейкобс съезжает. Простите за резкость, но после того, как

умерла его жена, старик совсем сошел с ума. Начал спиваться – жить по соседству стало просто невыносимо.

– Он ничего не говорил про смерть жены. Узнай я об этом раньше – раз сто подумал бы над тем, чтобы переехать

сюда с семьей – произнес мой отец, бросив встревоженный взгляд на маму.

– Не стоит беспокоиться. Она много курила, в результате проблемы с легкими и их тяжелые последствия. Хотя наш

район и не самый благополучный, беспокоиться вам не о чем, поверьте. На духов и призраков тут еще никто не

жаловался... – миссис Стивенс печально улыбнулась. – Впрочем, мне пора. Если что, мы с семьей всегда будем рады

видеть вас у себя.

– А вы живете?..

– В соседнем доме. Прямо через дорогу.

– Спасибо, мы тоже будем вам рады. Еще увидимся.

Миссис Стивенс снова бросила взгляд в нашу сторону, после чего перешла улицу и скрылась за дверьми

симпатичного дома с белоснежными стенами и серой крышей. Как ни странно, после ее ухода Скотти замер на месте,

словно огромная плюшевая игрушка. Он просто-напросто перестал лаять и двигаться, чем очень сильно напугал

Джоша. Я же думала о другом: на улице с каждой секундой становилось все холоднее, за несколько минут солнце

потускнело вдвое и заспешило навстречу горизонту. Пока Джош пытался привести в чувство нашего пса, я медленно

дошла до центра дороги и тут же опомнилась: ведь именно эта улица мелькала в моем сне на пути сюда. Подойдя к

отцу и грустно на него взглянув, я прошептала:

– Пап...

– У тебя что-то важное, Кэтти? Мы с мамой должны как можно скорее освободить дядю Стюарта, чтобы он успел

домой до темна.

– Хорошо, я не буду мешать, только отпусти меня прогуляться... ненадолго...

– Ты в своем уме? – отец оставил все свои дела и окинул меня строгим взглядом. – На дворе вечер... – посмотрев на

свои часы, папа специально показал их мне. – 18:52, если быть точным. Мы здесь ни с кем не знакомы, а ты

пойдешь бог знает куда в одиночку, правильно я тебя понял?

– Мне нужно побыть одной... прошу тебя, папа! Я просто пройду до конца улицы и тут же поверну назад, обещаю.

Пожалуйста.

– До конца этой улицы? – отец обернулся, приставив ко лбу ладонь и стараясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь

лучи заходящего солнца.

– Она не длинная, там еще в конце поворот направо... – машинально вымолвила я.

– Откуда ты знаешь? Ты была здесь раньше? В том-то и дело, что нет. Если хочешь испортить мне и маме

настроение, иди куда захочешь. Но в любом случае, через час чтобы была дома, ясно?!

– Спасибо, папочка! – я чмокнула отца в щеку и мигом направилась вдоль невысоких домов навстречу закату.

– Кэтти! Кэтти, если что – звони на мобильный! И учти, я отпустил тебя только до восьми!

Отец покачал головой, прекрасно понимая, что спорить со мной бесполезно. В эту минуту я была уже далеко от него,

надеясь найти в конце улицы хоть что-нибудь, связывающее меня с видением из сна. Чем дальше я отдалялась, тем

громче становились удары сердца. Пару раз обернувшись назад, я пришла к выводу, что дорога не такая уж и

короткая, – не миновав и половины, я полностью потеряла свой дом из виду. Достав мобильный телефон из кармана

джинсов, я с ужасом обнаружила, что батарея полностью разряжена. И почему не было слышно предупредительного

сигнала раньше? Назад идти слишком рано, да и к тому же вот уже виднеется поворот. Еще немного, и я

приблизилась к самому последнему дому.

Шаг за шагом двигаясь вдоль стены, до боли сжимаю кулаки и резко заглядываю за угол... Ничего, лишь новая

пустынная улочка, ведущая черт знает куда. Ни света, ни сияния, лишь обнаженные стены домов, обласканные

вечерним солнцем. Взглянув на часы, я пришла к выводу, что времени в запасе еще полно, и имеет смысл пройти

чуть-чуть дальше обещанного. Глубоко вздохнув и сделав шаг в неизвестном направлении, я последовала туда, куда

глаза глядят, не боясь того, что может ждать меня впереди.

Миновав несколько кварталов, я совсем сбилась с пути. Каждый двор, каждый перекресток, каждая узенькая улочка

– все вокруг было так ново, так необычно. Странно, что к тому времени на улице не было ни одной живой души.

Где-то вдалеке слышались приглушенные гудки машин, перемешанные с лаем дворовых собак. В этот момент я

вспомнила Скотти, игриво виляющего хвостом, Джоша с его вечно недовольным выражением лица и наших

родителей. Вспомнила Сьюзан Стивенс и утомительную дорогу сюда. Меня посетило непреодолимое желание

очутиться дома, проводить дядю Стюарта и помочь маме приготовить что-нибудь к ужину. Черт, который час?! Как

быстро летит время! Не успела я оглянуться, как солнце растворилось в вечерней мгле и небо затянули грозовые

тучи. На улице стало темно и неудобно, чего стоило одно только завывание ветра. Дорога домой, кажется, там... нет,

постойте, вон за тем поворотом. Хотя... как я здесь оказалась? Совершенно незнакомое место, чужие дома и тусклый

свет, пробивающийся сквозь зашторенные окна. Нужно позвонить отцу. Ах, как я могла забыть – мобильный

разряжен. Вечерний холод пронзал мое тело насквозь, горло начало саднить.

Пробежав трусцой еще несколько десятков метров и приблизившись к трехэтажному зданию из серого кирпича, я

взглянула на вывеску около дверей: «Старшая школа № 135» – здорово. Несколько раз постучав в закрытые двери,

я не получила ни малейшего ответа. Разумеется, все уже давно закрыто.

Ясное небо тем временем полностью скрылось за тучами, и вдалеке слышались отзвуки грома. Туманные сумерки

окутали все вокруг своей незримой пеленой. Пройдя вдоль здания школы и оказавшись у самого угла, я вздрогнула

от испуга – навстречу мне выбежал облезлый бродячий пес. Он хромал на одну лапу и выглядел, в общем, довольно

устрашающе. Но в тот момент он напомнил мне нашего лабрадора и показался чуть ли не единственной отрадой в

сложившейся ситуации. Медленными шагами я приблизилась к одинокому животному и протянула ему ладонь. Пес

окинул меня печальным взглядом, полным здорового скепсиса, но, тем не менее, принялся к самым кончикам

пальцев, тут же почувствовав во мне родственную душу. Завиляв хвостом, ротвейлер приветливо оскалился, и это,

по-видимому, являлось добрым знаком.

– Значит, ты не настолько голоден, чтобы меня съесть, так ведь? – я ласково потрепала его за ухом, после чего мило

улыбнулась. – Можно, я буду звать тебя Дикки?

Пес игриво твякнул, всем своим видом излучая оптимизм и добродушие.

– Значит, можно. Проводишь меня домой? Хотя, увы, ты же не знаешь мой адрес... о, если бы я сама его знала.

Не успела я тронуться с места, как Дикки последовал за мной. Мы вдвоем обошли унылое серое здание и, дойдя до

очередного перекрестка, услышали чьи-то звонкие голоса.

– Тсс... – взглянув на ротвейлера, я приложила палец к губам.

Противоположную сторону улицы пересекла группа из нескольких молодых людей лет двадцати. Должно быть, они

были пьяны, поскольку нетрезвый смех эхом отражался от стен соседних домов, долетая до меня. Мы с Дикки тут же развернулись и, не теряя ни секунды, направились прочь. Я старалась не оглядываться, до боли сжимая мобильный телефон. И вправду – он являлся единственным средством защиты, случись со мной что-нибудь страшное. Но мне в тот момент было не до смеха. Пес периодически поднимал на меня встревоженный взгляд, не понимая, почему его новоявленная хозяйка так торопится. И куда нас черт занес? Дорога была совершенно прямой, спрятаться некуда, повернуть – тоже. Они были метрах в ста, когда один из них, должно быть, меня заметил и окликнул. Я не обернулась и не замедлила шаг, но сердцем чужая недоброе. Вскоре расстояние между нами сократилось донельзя, и кто-то окликнул меня еще раз, я же замерла, как вкопанная. Боялась пошевелиться, сдвинуться с места и уж тем более – броситься бежать.

– Эй, мисс, я с кем разговариваю?

На эти слова я повернулась лицом к преследователям и выдавила из себя что-то вроде неуклюжей улыбки: напротив меня стояли трое молодых людей, один был значительно выше остальных, крепче и сильнее, другой совсем хиленький с омерзительно едкой язвительной ухмылкой, а третий... Третий юноша был самым что ни на есть простым – в старых залатанных кедах и в безликой коричневой куртке. Мои опасения насчет нетрезвости оных оказались неслучайными – в руке у худощавого красовалась бутылка виски.

– Простите, я Вас не слышала... – полупшепотом произнесла я.

– Ну чего же Вы так, юная леди? Я до Вас уже полдороги достучаться не могу. Что это Вы здесь делаете в столь

поздний час? – доброжелательный мужчина начал приближаться ко мне, на что я сделала несколько шагов назад. –

Тише, тише! Никто Вас не обидит, не стоит волноваться! Я только хочу помочь, Вы же заблудились, так ведь?

– Это мои проблемы. Прошу Вас, оставьте меня и идите своей дорогой.

Дикки оскалится и устрашающе зарычал, я же держалась из последних сил, чтобы не броситься вдоль по улице,

надеясь спасти свою глупую непутевую задницу.

– Сэм, не дури... оставь девушку в покое, – юноша в коричневой куртке попытался остановить своего приятеля, но

тот продолжал движение до тех пор, пока не подошел вплотную.

– Дэнни, малыш, заткнись и иди к своей любимой мамочке, тебе уже давно пора спать, а мы тут еще побудем, верно,

леди? – огрубевшие пальцы заправили выпавшую прядь волос мне за ухо, на что я дернула головой и неприятно

стиснула зубы.

– Ну что же ты так? Неприветливая какая. Давай договоримся. Я не причиню тебе боли, отпущу домой в целости и

сохранности, а ты в обмен на это... – парень сжал мой подбородок двумя пальцами и повернул лицо к себе, при этом

ехидно сощурившись и указывая пальцем вниз: – ...будешь хорошей девочкой.

– А не пошел бы ты... – последнее терпение лопнуло, и я с силой плюнула ему в лицо. В ответ на меня обрушилась

звонкая пощечина. Дикки с необузданным рвением кинулся на ублюдка, но его услужливый приятель подхватил с

земли булыжник, тут же запустив им в хромого пса. Ротвейлер рухнул на землю и жалобно заскулил, после чего

поднялся и бросился бежать прочь от обидчиков.

– Надо же, каким неверным оказался твой друг, – высокий амбал схватил меня за волосы и резко притянул к себе,

сверкнув лезвием ножа в паре сантиметров от моей шеи. – Еще раз позволишь себе подобную выходку, пожалеешь!

В моих глазах читалась безысходность. В тот момент страх так и норовил выплеснуться наружу в виде

нескончаемого потока слез. Через мгновение соленые губы мучителя без всякой жалости прильнули к моим. Рука,

цепко впившаяся в пряди русых волос, надавила на мой затылок, тем самым углубляя поцелуй и лишая меня всякой

возможности сопротивляться. Воздуха панически не хватало, сердце заколотилось в дикой истерике: я думала, что

упаду в обморок, потеряю сознание. Думала, стоит только послушаться, сделать что-нибудь не так и этот монстр

перережет мне горло. Боязнь быть униженной, да еще и на глазах у его приятелей, съедала меня изнутри. Упустив

контроль над здравыми мыслями, я пришла к единственному выводу, что потеря чести в таких зверских условиях

будет равносильна маленькой смерти. К тому времени уже накрапывал дождик, а звуки грома становились все

четче. Отчаянно вцепившись в его волосы, я надеялась причинить нападавшему хоть маломальскую боль, но он был

настолько силен, что, скорее всего, воспринял мои тщетные попытки сопротивления как порыв необузданной

страсти. Свободная рука блуждала по хрупкому телу от и до, стараясь содрать с меня без того невесомую одежду. И

вот уже блузка треснула по швам. Слезы все-таки вырвались из глаз, и я, в последней попытке спастись и вырваться

из его удушающих объятий, резко укусила подонка за нижнюю губу, тут же почувствовав тошнотворный привкус

крови во рту... Парень отстранился на долю секунды и в приступе ярости скользнул по моему телу ножом. Помню,

как упала на холодный асфальт, как моя кровь смешалась с каплями дождя. Озверевший преступник бросил на меня

полный ярости взгляд и сплюнул, тут же вытерев лицо краем рукава. Я не понимала, где я, что со мной и отчего

организм пронзает ужасающая боль.

– Какого черта?! – худощавый юноша схватился за голову. – Сейчас кто-нибудь выглянет в окно, а после наведет

сюда копов!

– Дьюи, лучше не лезь, иначе тебе тоже достанется! Наша маленькая принцесса меня сильно разозлила, так что

теперь придется с ней поквитаться.

Он хотел наклониться надо мной, возможно, для того, чтобы завершить начатое, а может быть, им в тот момент

овладевала жажда мести, и через несколько секунд мои глаза закрылись бы навсегда. Но боковым зрением я

заметила, как Дэнни оттолкнул одного из приятелей, предварительно выхватив из его рук виски, и кинулся в нашу

сторону. Не медля ни секунды, он с силой ударил обидчика по голове, после чего нападавший повалился на колени.

– Дэн, мерзкий ублюдок, ты что наделал?! – Дьюи хотел было наброситься на Дэниела, но тот пригрозил ему

оббитым горлышком бутылки.

– Даже не думай...

Сэм постарался подняться с колен, держась за окровавленную голову, но снова рухнул на землю.

– Нам здесь не место... – спаситель поднял меня на руки с холодной земли и стремительным шагом направился

прочь, я же только и успевала оглядываться по сторонам. – Где ты живешь?

– Я... я... не знаю, мы с семьей только сегодня переехали. Не помню адрес... – в полубессознательном состоянии

бормотала я. – Хотя... стой... наши соседи... Стивенс, Сьюзан Стивенс...

– Сьюзан Стивенс? Ты уверена?

– Да, абсолютно уверена...

– Ну, тогда нам по пути.

Вскоре небо разверзлось и началась ужасающая по своей силе гроза. Потоки воды с небес со звоном ударились

оземь и разлетались прозрачными брызгами в разные стороны. Мы с Дэнни оказались на знакомой улице около

десяти вечера. Юноша аккуратно усадил меня на скамейку перед соседским домом и оглядел ножевое ранение.

– Всего лишь царапина... – он осторожно похлопал меня по щекам. – Только не вздумай терять сознание! Я не могу

вручить тебя в таком виде родителям, они меня просто убьют.

– Мне нужно к доктору... чувствую себя паршиво... в глазах все плывет...

– Не волнуйся: мой брат медик, он сможет оказать помощь, и все будет в порядке.

Дэниел поднялся по ступенькам и отворил дверь своего дома... Дома с белоснежными стенами и серой крышей.

Затем он отнес меня к себе. Навстречу нам выбежала миссис Стивенс, встревожено расспрашивая, что произошло, и

суетливо убирая подушки с дивана в гостиной. Дэнни опустил мое тело на гладкую поверхность и что-то сказал

матери. Спустя несколько секунд мои веки обессилено сомкнулись...

Я видела необыкновенный сон, словно чьи-то теплые нежные руки обняли меня, согревая от промозглого

оцепенения. Свет, яркий свет заполнил собой все вокруг. Таинственный образ обволакивал меня своим теплом,

словно вдыхая в раненую душу жизнь заново. Затем я содрогнулась, дернулась в его объятиях и застонала от

ужасной боли. Низ живота словно разрывало на части. Но мой спаситель неспешно приложил ладонь к порезу, и тот

сам собой затянулся, мгновенно и совершенно безболезненно. Прошли считанные секунды, и я внезапно очнулась.

Сквозь мутную пелену стало ясно лишь одно: на меня было устремлено несколько взволнованных взглядов. Среди

них были мои родители и Джош, миссис Стивенс и Дэнни, гордо восседающий рядом и ласково поглаживающий

кончиками пальцев мою замерзшую ладонь. Я постаралась приподняться, но тут же вновь упала на диван.

– Сколько я спала?

– От силы полтора часа, – Дэнни трогательно улыбнулся.

– Пап, ты не очень сердисься?

– Об этом мы поговорим дома, Кэтрин, – отец обнял перепуганную маму и пару раз провел ладонью по ее светлым

волосам.

– Хоть бы пожалел... А что с моей раной? Жить буду?

– Разумеется, будешь, – раздался приглушенный голос из соседней комнаты. Оттуда неторопливым шагом вышел

высокий мужчина лет тридцати. Я изо всех сил старалась взглянуть в черты его лица, такие тонкие и строгие.

Складывалось впечатление, что человек, представший предо мной, интеллигент до мозга костей.

– Я наложил швы, рана быстро заживет. Больше так не влипай. Поскольку больных, а тем более девушек не

обижают, Дэну досталось вдвойне.

– Он ни в чем не виноват. Подумаешь, связался не с той компанией. Все мы по молодости совершаем нелепые

ошибки.

– Ваше поколение использует голову лишь для потребления пищи. Уму разуму не научишь. Эту дурь стоит выбивать

если не силой, то, во всяком случае, поучительными беседами. А еще наказанием в виде строгих запретов. Надеюсь,

твои родители впредь будут более осмотрительны и примут все необходимые меры.

«Ужасный зануда», – промелькнуло у меня в голове.

– Старые дедовские методы. Отстали от жизни, простите, как Вас?..

– Майкл Стивенс. По совместительству старший брат одного остолопа, – мужчина холодно усмехнулся.

– Очень приятно...

– Взаимно, юная леди.

Вдруг ни с того ни с сего в комнате воцарилась глубокая тишина. От нее у меня по спине пробежала стая мурашек.

Я вежливо кашлянула, стараясь привлечь к своей скромной персоне внимание окружающих, но никто и ухом не

повел, словно каждый был занят мыслями куда более важными, нежели забота о комфорте и благополучии

обиженной Кэтти Роббинс.

– Думаю, я в полном порядке, и мы можем идти.

– И вправду, спасибо вам за то, что позаботились о нашей дочери, мы вам очень признательны! – с каким-то

необузданным трепетом произнесла внезапно «ожившая» мама. – Телефонами мы обменялись, всегда будем рады

видеть вас у себя, а теперь, с вашего позволения, не будем злоупотреблять хозяйским гостеприимством.

– Что ж, время действительно позднее, да и к тому же вам как заботливым родителям наверняка стоит пообщаться с

дочерью наедине и дать ей пару советов на будущее, – произнесла миссис Стивенс.

– Мы об этом позаботимся, – отец пожал руку Майкла, предварительно окинув его дружелюбным взглядом и

поблагодарив кивком головы.

Дэниел помог мне подняться с дивана, ласково поцеловал в макушку и с полной ответственностью передал

взволнованным родителям. Затем он похлопал Джоша по плечу и отвел куда-то в сторону, склонившись к нему и

что-то тихо нашептывая.

– Ты береги сестру, ладно?

– Я и сам знаю, что делать, – буркнул мой младший брат в ответ.

– И поэтому, вместо того, чтобы остановить ее от совершения глупости, сидел дома и играл в тетрис?

– Не в тетрис... – Джош уныло опустил голову и выдержал небольшую паузу. – В мобильный.

– Тоже мне, герой нашелся, – Дэнни набрал воздух в легкие и на выдохе устало произнес: – Так и знал. Значит, мне

придется о ней заботиться.

После этого Дэниел вернулся к моей семье и попросил прощения за то, что совершил страшную ошибку, связавшись

с Сэмом и Дьюи. Родители снисходительно покачали головой, но, тем не менее, извинения приняли. Затем мы

попрощались со Стивенсами и вернулись к себе домой. Дядя Стюарт к тому времени уже уехал, мебель была

расставлена, Скотти фактически налетел на меня с «поцелуями», а папа уже с порога начал кричать и браниться за

то, что я его послушалась. Но когда он оглядел меня с ног до головы – такую усталую, мокрую, в разодранной блузке, окрашенной кровью, – моментально сменил гнев на милость. Я подтвердила все, что рассказал Денни, оставив в тайне лишь утренний сон и светлый образ того, чье имя крепко въелось в мою память и эхом звучало где-то внутри.

Так вот он какой... Засыпала я с непреодолимым желанием как можно скорее увидеть Дэниела и поближе познакомиться с его семьей. Быть может, это судьба? Кто знает, кто знает... Утро вечера мудренее.

На протяжении всей ночи, как не странно, меня не посетил ни один кошмар. Да что там, к великому удивлению, отсутствовали не только кошмары – складывалось впечатление, словно я решила провести очередной сеанс в любимом кинотеатре, но так и не увидев захватывающего триллера или же слезливой драмы, просидела до самого конца перед кристально чистым экраном. Это, несомненно, пошло на пользу, потому что любые сновидения с раннего детства воспринимались мной близко к сердцу, и еще одна встряска сразу же после вчерашних событий была бы не к стати. Проснувшись в своей постели, но вовсе не от звона будильника. Кто-то прокрался в мою комнату и со шпионской осторожностью пытался стянуть одеяло на пол.

– Пап, я уже встаю... еще пару минут...

Тонкая материя не прекращала скользить по моему телу, оголяя его сантиметр за сантиметром. Я изо всех сил старалась натянуть ее на плечи, но все мои попытки были тщетны. Как только ткань коснулась лодыжек, я поежилась от внезапно ворвавшегося в комнату сквозняка.

– Пап, да сколько можно? Я закончила школу, мне не нужно бежать на занятия. Дай выспаться... в конце концов, лето на дворе... – в сладкой дреме бормотала я, заворачиваясь в простыню и утыкаясь носом в белоснежную подушку.

– А чем это с кухни так приятно пахнет? Ветчина... ммм... кушать хочется... свет пробивается сквозь тонкие шторы – так здорово... Солнечные лучи сегодня необыкновенно теплые... – в воздухе повисла минутная пауза.

– Дэ... Дэн... Дэнни... он уже пришел? Тогда передайте ему, что я скоро спущу-у-усь... – сладко зевнув и на

мгновение провалившись в сон, протянула я.

Тихий юношеский смешок разрушил стоящую в комнате идиллию. Я резко открыла глаза и судорожно соскочила с

кровати. Скотти уже давно стянул одеяло, прижимая его обеими лапами и лениво пережевывая ткань, точнее

собирая с нее куски ветчины, аккуратно разложенные по всему периметру. В дверях стоял Джош, доедающий свой

утренний бутерброд и вполголоса смеющийся надо мной.

– А ну брысь отсюда, маленький монстр! Я с кем разговариваю?! Проваливай сию же минуту!

Я запустила в брата подушкой, ловко угодив ему прямо в лицо. Бедный Джошуа поперхнулся, но, в скором времени

придя в себя и нагло издеваясь, пробормотал в ответ:

– Дэ... Дэн... Дэнни... бесстрашный спаситель моей бестолковой сестры! Я преклоняю перед его силой колени,

потому что поднять тебя на руки – просто безумная затея. Смотри, как бы твой герой не надорвался.

– Ах ты поганец! Не смей издеваться надо мной! Кто тебе дал такое право?! И Дэна оставь в покое, а не то!.. –

истерически-звонко кричала я, при этом одергивая ночную сорочку и зло скрипя зубами.

– А не то что? Нажалуешься папочке? Мол, ах, какой нехороший мальчик этот Джош, обижает и высмеивает бедную

Кэтти. Отец всегда на моей стороне, заметь. Или пойдешь слезки утирать о мамино плечо? Ну-ну... а насчет Дэна: вы

с ним виделись всего один раз, а ты уже запала, да? – злорадная ухмылка тронула губы брата.

– Запала?! Запала, говоришь?! Да ничего ты не понимаешь – куда тебе, в твои пятнадцать! Доживи сначала до моего

возраста, а потом уже будешь вякать! Испортил такое чудесное утро, вместо того, чтобы позаботиться и по-

человечески к завтраку позвать!

– Заботиться о тебе будет твой Дэнни, по крайней мере, он обещал. Я же не в состоянии уследить за своей

великорослой сестрой! Сидел и играл в тетрис... тьфу, мобильный, и не смог сопроводить ее в поход за острыми

ощущениями! Давайте всех собак на меня спустим, притом что мне уже досталось от мамы! – с дикой обидой и

злостью в голосе прокричал Джош мне в ответ. – Отец действительно попросил разбудить юную леди к завтраку, но

ее брат заведомо знал, что эту леди не разбудит даже целый симфонический оркестр. И поэтому я, с Вашего

разрешения – маленький монстр, придумал способ куда более действенный. Так что поторапливайся и не забудь

отстирать слюну моего верного помощника, – Джош подошел к Скотти и взял его за ошейник, прежде чем покинуть

помещение. – Вперед, мой милый друг, наша миссия здесь выполнена. А ты, Кэтти, иди к своему Дэну, может, он

найдет способ поднять тебе настроение.

– Он обещал? Обещал обо мне заботиться? А что еще говорил? А ну-ка, вернись немедленно! – вслед за братом

полетела очередная подушка, тут же врезавшаяся в дверь и с характерным шлепком ударившаяся о холодный пол. –

Бог мой, и с кем я разговариваю... бесчувственный глупец...

Я нехотя скрутила запачканное одеяло и отнесла его в ванную комнату, где свирепо утрамбовала в стиральную

машину. После накинула шелковый халат и направилась на кухню, неторопливым шагом преодолевая лестничные

ступеньки и разглядывая внезапно проступившие синяки на руках. Внизу мама рассекала квадратные метры

площади от плиты к столу подобно метеору, а отец смеялся вместе с моим строптивым братцем. Как только они

заметили меня, стоящую в дверном проеме и сложившую руки на груди, тут же опомнились: папа дал Джошу чисто

символическую оплеуху и развел руками в полном недоумении.

– Ненавижу мужскую солидарность. Какой идиот ее придумал? В такие моменты вы меня ужасно раздражаете, –

огрызнулась я, подключаясь к общей трапезе и звонко ойкнув от пронзившей тело острой боли.

– Рана дает о себе знать? Может, сменить повязку? – оторвавшись от своего занятия, встревоженно произнесла

мама.

– Я схожу к доктору Стивенсу, но чуть позже. А сейчас скажи этим двум, чтобы перестали надо мной глумиться.

Ведут себя, как парочка умалишенных подростков, лишь бы как можно сильнее насолить. Мой вам совет: вспомните

о своих запыленных мозгах и включите их в нужный момент.

– Тим! – недовольный взгляд миссис Роббинс тут же оборвал папин нервный смешок. – Ты опять позволяешь Джошу

издеваться над нашей девочкой? И как не стыдно... а ты, Кэтрин, не бубни. Ругань и злорадство тебе не к лицу.

Девушке в столь нежном возрасте стоит быть мягче, и люди потянутся.

– Николь, любимая моя... – отец медленно подошел к матери и ласково коснулся губами ее щеки. – Наша девочка

уже давным-давно выросла и не нуждается в твоей чрезмерной опеке. Она сама кому угодно даст фору, будь хоть

малейший повод. Так что перестань волноваться и не ругай сына за то, что у его сестры с утра плохое настроение и

детский юмор вызывает целую бурю взрослой жестокости. Пусть лучше сама уму разуму научится, прежде чем

других учить.

Отец бросил на меня суровый взгляд, после чего я виновато опустила глаза, неторопливо пережевывая очередную

порцию маминой стряпни. Поднеся к губам стакан апельсинового сока и сделав пару глотков, я поморщилась и без

промедления отставила его на другой конец стола.

– Уже и привычный напиток кислым кажется, да ну вас... И вообще, я не голодна.

Поднявшись с места, я наперегонки с Джошем направилась к выходу из кухни. Брат вел нашего лабрадора на

прогулку, я же собиралась привести себя в порядок, но стук в дверь резко нарушил все мои планы. Джош

поинтересовался, кто это, и получив в ответ спокойное: «Это Дэниел – ваш сосед, виделись вчера», стремительно

отворил засов, а после покинул помещение, перед этим нарочно задев моего спасителя, словно того и не было на

пороге.

– Что это с ним? – оглянувшись вслед моему брату, взволнованно спросил Дэнни.

– Ему всегда трудно давались переезды, знакомства с новыми людьми, – я как следует запахнула халат, плавным

движением руки поправила волосы и облокотилась на дверной косяк. – Он еще такой маленький, наивный, сам не

знает, что творит. А может, дело и не в этом.

– В чем же тогда?

– Падал в детстве много, ударялся: видать, после этого с головой не дружит... – я покрутила пальцем у виска,

скорчив недовольную мину и противно скрежеча зубами. В этот момент привкус мести казался мне самым сладким из всех опробованных ранее.

– Может быть, ему нужна помощь? Психиатра, например?

– Да нет, все уже привыкли и относятся к его странностям снисходительно. Они у нас со Скотти на пару... домашние зверушки. А мы, как известно, в ответе за тех, кого приручили.

– Зачем ты так жестока? Он все-таки твой родной брат. Что-то стряслось? Вы поссорились? – Дэниел смотрел на

меня так пристально, что я, не выдержав натиска все еще чужого и незнакомого взгляда, отвернулась. Он осторожно

коснулся моей щеки, фактически вынуждая вновь заглянуть ему в глаза.

– Ну же... тебя что-то беспокоит? Хочешь, я с ним поговорю?

– С ума сошел?! Даже не вздумай! – внезапно вырвались наружу мои мысли. – Пусть помучается совестью...

– Ладно. Смею предположить, это не навсегда.

– Что именно?

– Ваша пустяковая ссора. Пусть я и не знаю всех подробностей, но брат у меня тоже есть, и мы с ним подобные

ситуации преодолевали ни раз. Кстати, я ведь не по этому поводу сюда пришел, – Дэн приложил руку к своему

затылку и смущенно улыбнулся, словно стараясь вспомнить что-то, несомненно, очень важное. – Погода такая

чудная, солнце светит...

– Птицы поют... – смиренно кивая головой, продолжила я.

– Да... именно... Бог мой, я совсем не умею начинать подобные разгово101

ры, можешь? – юноша, волнуясь, прикусил губу и устремил на меня полный отчаяния взгляд.

– Когда встретимся?

– Если ты не против...

– Разумеется, нет. Так когда?

– Сейчас ты не очень занята?

– Дай мне пару минут на сборы и я в твоём распоряжении.

– Я подожду во дворе, – глаза Дэнни радостно засияли.

Я одобрительно кивнула головой, после чего захлопнула входную дверь и завизжала от счастья сквозь плотно

стиснутые зубы. Проходя мимо кухни, я тут же подхватила со стола чей-то недоеденный бутерброд, стремительно

утрамбовывая его за щеки и второпях запивая все тем же апельсиновым соком.

– Кто это был? – спросил глава семейства, растерянно глядя на свою обезумевшую дочь.

– Нет времени, папа... – бормотала я с набитым ртом. – Нет времени на разговоры... Дэниел ждет... юху-у-у!!!

Я покинула кухню и устремилась вверх по лестнице. Родители переглянулись: отец хотел выразить очередное

недовольство, но мама его вовремя остановила.

– Видимо, он ей нравится... – миссис Роббинс улыбнулась, собирая грязную посуду и неторопливо складывая ее в

раковину. – Милый юноша... и семья у него приятная. А вообще, мы ему обязаны благополучием, здоровьем, да что

там – жизнью нашей дочери, так что даже не думай возражать!

– Но ей всего семнадцать! О чем может идти речь?! – глаза папы округлились, подобно блюдам.

– Мы познакомились в том же возрасте, любимый, не забывай – протирая стол, невозмутимо продолжила мама. – А

через несколько лет уже были женаты.

– Но... это просто... просто... – не успел отец договорить, как она осторожно приложила палец к его губам.

– Это просто – что? Возмутительно? Возраст? Гормоны? Детская наивность? Получается, и брак наш был наивностью

за гранью дозволенного. Так что молчи, пока я не подала на развод хотя бы за постоянные пререкания и

нервотрепки.

Папа понуро опустил голову и глубоко вздохнул. Я же к тому времени была полностью готова и вышла во двор.

Джош отправлял куда-то вдаль каучуковый мячик, Скотти исправно за ним бегал и уже с добычей возвращался к

вредному мальчишке. Дэниел сидел на скамейке около моего дома и внимательно наблюдал за бесконечным истязанием нашего пса.

Поначалу я хотела незаметно прокрасться мимо

брата, но эта глупая затея вылетела у меня из головы, еще не успев реализоваться. Напротив, я гордо вздернула и

без того курносый носик и пару раз кашлянула. Джошуа обернулся и недовольно поджал губы, заметив, как Дэн

поднимается со скамейки и ласково целует меня в щеку.

– Отлично выглядишь! Просто нет слов! Вчера я видел тебя совсем другой...

– В крови и ссадинах? – игриво усмехнувшись, подхватила я.

– Да... Прости, если напомнил...

– Ничего страшного. Кстати, как думаешь, те двое опасны? Может, нам стоит обратиться в полицию? Как я после

случившегося смогу гулять по этим улицам?

– Не беспокойся, они не так уж и страшны на самом деле. Просто в тот вечер у нашего общего знакомого была

вечеринка, ну и ребята надрались там прилично... Все, кроме меня.

– Не пьешь? Совсем-совсем?

– Исключительно по серьезному и весомому поводу, – Дэнни ласково улыбнулся. – Уж кого-кого, а меня тебе

бояться точно не стоит. Так вот: Дьюи рос в неблагополучной семье, приучен к выпивке и никотину. Но так он

парень добрый, отзывчивый, всегда протянет руку помощи, да что там – даже мухи не обидит. А вот Сэм... с ним все

гораздо сложнее. Просто натура взрывная, и каждая капля алкоголя на него действует подобно атомной вспышке в

собственном мозгу. Понимаешь... он бесится, злится, готов кого угодно порвать на куски. Думаю, парни уже сами не

рады, что вчера из дому выползли. И еще, прости меня за то, что опешил и не сразу бросился на помощь...

– Не стоит извиняться. Если бы не ты, могло случиться непоправимое. А так я отделалась легкими царапинами. И

вообще, ты меня успокоил... буду иметь в виду, – с долей облегчения в голосе прошептала я. – Давай пройдемся по

улице, есть у вас здесь какие-нибудь интересные места?

– Парк подойдет?

– Не так, чтобы очень, но, думаю, это самый романтичный вариант... – произнесла я как можно громче, чтобы мои

слова наверняка долетели до одного сердитого мальчугана.

Дэнни удивленно вздернул брови, но тут же смирился с моей прытью и подставил мне согнутую в локте руку:

– Позволишь, или столь тесный контакт будет лишним для первой встречи?

– Бог мой, ничего подобного! – я мгновенно схватилась за молодого человека и бросила ядовитую усмешку в сторону

Джоша. Тот со всей силы швырнул мяч о стену и, схватив Скотти за ошейник, увел его в дом.

– Так переживает... Не стоит на нем отыгрываться...

– Брось, ему лишь бы все наперекосяк сделать. Ничего не случится, пусть для начала придет в себя. Ну что, пойдём?

– Пойдем, – Дэниел улыбнулся, и мы неторопливо направились вдоль по освещенной утренним солнцем тропинке в сторону парка.

Всю дорогу мы с Дэниелом беседовали на отвлеченные темы: погода, музыка, кино и литература, свобода,

отношения полов и жизнь в целом. Неожиданностью являлось то, что общих интересов у нас практически не

оказалось. Мне приходилось спорить со спутником едва ли не по каждому поводу: его мнение противоречило моим

принципам и вызывало массу вопросов. Никто не желал идти на компромисс. Он защищал мужскую логику, я же

настаивала на прицельной точности женской интуиции. Когда я объясняла, почему глубокие психологические

триллеры гораздо увлекательнее, нежели шумные бессмысленные боевики; когда я утверждала, что современные

«металл» и «хард-рок» во многом уступают давно забытой заезженной классике; когда я с умным видом

подсчитывала, как часто сбываются все мои гороскопы, – Дэн удивленно округлял глаза, а после отворачивался,

бросая в мою сторону снисходительную усмешку. По правде, меня это чрезвычайно обижало, но виду, как

благоразумная и воспитанная девушка, я не подавала. Стоит предположить, такое проявление эмоций было

свойственно моему собеседнику с самого рождения. Вся соль заключалась в том, что мы практически не были

знакомы и еще не успели привыкнуть к особенностям друг друга. Казалось, что человек, которого я бережно

держала под руку, был с другой планеты и изъяснялся на непривычном, чуждом мне языке.

В голове крутилось множество сумбурных мыслей, сомнений... В конечном итоге, я зарубила на носу лишь одно: с

Дэниелом стоит говорить о чем угодно, но исключительно связанном с нашими повседневными реалиями, далекими

от искусства и любых творческих проявлений. Но, как ни крути, тот факт, что этот худощавый юноша спас меня, в

любом случае, заставлял уважительно относиться к его мнению. Образы из всех моих снов – да, безусловно, это был

один и тот же человек: чистый, светлый, затмевающий собой все вокруг. Я не знала, как удостовериться в том, что

именно Дэниел приходил ко мне в грезах, ведь просьба сходу предъявить татуировку показалась бы ему несколько

странной. Впрочем, я решила дождаться любой подходящей возможности, а пока начисто выбросить из головы все

переживания и тревоги.

Меня влекло к этому человеку какой-то особенной, необыкновенной тягой. Я утопала в его карих глазах, лукаво

прищуренных от бликов солнечного света, бесцеремонно скользящих по лицу. Мне хотелось запустить пальцы в его

густые каштановые волосы и ласково поцеловать в уголок губ: по-детски, но в то же время абсолютно искренне.

Наверное, в тот момент я просто не была готова к серьезным отношениям, обязательствам, сексу и любви до

скончания веков. Но что может поделать со своим сердцем, бьющимся в бешеном ритме, юная девушка, не

понимающая, как все должно быть устроено на самом деле у взрослых? Только витать в облаках, радоваться

появлению долгожданного принца и обожать его без намека на похоть.

Меня с потрохами купило яркое сияние, исходящее от этого простого, но в то же время забавного, милого и

трогательного юноши. Лучезарная улыбка, каждая черточка, каждая ужимка – все было пропитано необыкновенно

притягательной сексуальностью. Правда, в тот момент я сочла ее за недюжинное обаяние. Дэниел казался мне таким

мягким, теплым, уютным... Его хочется, но совсем иначе: хочется получать с его стороны нежный, ласковый взгляд и

дарить своему сказочному герою радость от чистого сердца в ответ. И даже если мы где-то остались непонятыми,

если наши мнения в чем-то разошлись, волнующая симпатия, внезапно возникшая между двумя одиночками

молодыми людьми, незамедлительно сделала свое дело. Я хотела потискать его за щеки, словно плюшевую

игрушку, он же подозрительно долго изучал мои губы, желая поскорее слиться в долгом поцелуе. Цели отличались,

взаимная симпатия оказалась полярно противоположной, но это несколько не мешало нам продолжать общение.

Мимо проезжали машины, нарушая ход моих мыслей резкими гудками, строгие светофоры провожали нас сердитыми

взглядами, а людям вокруг и дела не было до того, что на уме у этой молодой парочки, направляющейся напрямиком в

центральный парк.

Мы долго блуждали по узеньким аллеям в полной тишине, отдыхая от собственной неустанной болтовни, а позже,

найдя спокойное и укромное местечко возле небольшого фонтана, присели на скамейку, переводя дух и

оглядываясь по сторонам.

– Здесь так красиво. Вокруг витает запах лета... настоящего... Такого я раньше не испытывала, даже уходить никуда

не хочется... – пролепетала я, полной грудью вдыхая свежий воздух, смешанный с ароматами сочной зеленой травы

и коры старых деревьев.

– Да... раньше мы часто бывали здесь с мамой, до тех пор, пока не повзрослели.

Потом Майкл отправился получать медицинское образование, а я оканчивал изрядно поднадоевшую

школу. Затем брат устроился на работу в городской госпиталь, я же, проучившись два года в одном солидном

университете, бросил все к чертовой матери. Терпения не хватило... Может, оно и к лучшему. Теперь вот

подрабатываю на автозаправке, – усмехнувшись собственной никчемности, прошептал Дэнни. – Просто и-д-и-о-т...

– Ну что ты... – я подняла на юношу полный сожаления взгляд. – Не спорю, каждый сам выбирает свою судьбу, но

ты не стремись закапывать себя так глубоко. Может, еще придет твой час, откроешь себя с новой стороны, найдешь

занятие... все образуется.

– Надеюсь. А вы как здесь очутились? – Дэниел взглянул на меня с нескрываемым любопытством.

– Долгая история... – внезапно я улыбнулась своим мыслям и вспомнила день нашего переезда, освещенную

солнцем дорогу и отца, напевающего какую-то мелодию. – Здесь нам всем будет лучше. Я поступлю в какой-нибудь

дурацкий колледж и буду чаще выбираться из дома, Джош тоже отправится грызть гранит науки и заведет себе

новых друзей, а папа найдет хорошую работу... В результате все встанет на свои места, словно мы здесь и родились.

А ты... ты интересный, умный, родители наверняка должны гордиться тобой. Надеюсь, мы теперь друзья?

– Друзья... – собеседник мечтательно улыбнулся. – У меня мало друзей, но я буду рад пополнить их список. У тебя

замечательные родители. Заботливые и любящие. По крайней мере, на меня они произвели положительное

впечатление. Моя мать полжизни посвятила воспитанию нас с Майклом... всегда хотела, чтобы мы выросли

сильными, целеустремленными людьми. Мой брат оправдал ее ожидания, теперь к нему обращаются все кому не

лень, а я... большую часть времени прозябаю дома и абсолютно бесполезен для общества. Тут нечем гордиться.

– А как же отец? Почему он не придет тебя поддержать? Неужели ему безразлична судьба собственного сына?! – на

секунду я замолкла, внимательно ожидая ответ.

– Отец ушел из семьи, когда я был еще совсем ребенком. От него у меня практически ничего не осталось – лишь

пара совместных фото и патологическая пустота в душе. Впрочем, не стоит забивать себе голову и париться по

пустякам. Лучше скажи мне, чем тебе так не угодил брат сегодняшним утром? – Дэниел улыбнулся и как-то по-

доброму заглянул мне в глаза.

– Он просто взбесился, без повода. Даже странно, раньше с ним такого никогда не случалось. Обложил мое одеяло

ветчиной и запустил в комнату Скотти. Изрядно поиздевался, а чего только стоил его взгляд, полный обиды и злобы.

Мама, по-видимому, накричала на Джоша за то, что он не взялся сопроводить меня или хотя бы вовремя

предотвратить совершение глупости... – губы тронула невесомая улыбка. – Какая чушь... он не смог бы меня

защитить, да и остановить тоже. А после мой вредный братец начал язвить, мол, как так вышло, что мы с тобой

виделись всего один раз, а я уже запала... – глядя вдаль, на автомате продолжала рассказывать я.

– Запала? – Дэни звонко засмеялся, облокотился на спинку скамейки и деловито сложил руки на груди, при этом не

сводя с меня лукавого взгляда.

– Ой!.. Прости, я не это имела в виду! Не бери близко к сердцу, я отношусь к тебе совсем иначе! То есть... как бы

это объяснить... западают только неблагоприятные малолетки, в моем случае все далеко не так. Ты мне очень

нравишься. И вообще, мы уже договорились быть друзьями... – в испуге я прикрыла рот обеими ладонями, дабы не вымолвить еще какую-нибудь глупость.

– Да нет, все в порядке, – юноша осторожно убрал мои руки от лица. – Так гораздо красивее, – улыбка не сходила с его губ ни на секунду. – Ты мне тоже нравишься. Очень. Но ведь лучше иметь дружбу с некоторыми оговорками, по силе превосходящую любовь, нежели надуманную любовь, и вовсе не достигающую до дружбы, правда?

– Правда... я себя такой дурой чувствую... – мой жалобный взгляд устремился в землю под ногами, которую я неторопливо перебирала носочком своей туфли.

– Со всеми бывает, – Дэниел задумчиво посмотрел в сторону фонтана, а после медленно встал со скамейки,

направляясь к нему. Я подняла глаза и увидела, как юноша садится на самый краешек, глядя в воду и тихо шепча: –

Давай будем честными друг перед другом. Когда я вчера вечером увидел твой силуэт на пустынной дороге, увидел

тебя, идущую рядом с этим огромным ротвейлером, подумал о том, как должно быть потеряна и несчастна эта

девушка. Уже смеркается, а она в одиночку бродит по запыленным улицам нашего города, словно видение, мираж –

такая невесомая и легкая. От тебя исходило едва уловимое сияние... это не передать словами, нужно хотя бы один

раз почувствовать. Ветер развеивал твои волосы, и ты была просто... ты была... сказочно прекрасна... Но когда Сэм

поднял на тебя руку, я опешил, не мог прийти в себя какое-то время. Именно поэтому меня мучает омерзительное

чувство вины, ведь поначалу я даже не попытался предотвратить инцидент, напротив – тупо стоял и смотрел на твои

мучения... Просто слабак... Ты близка мне, несмотря на то, что наши мнения во многом расходятся. Очень близка...

– Дэниел грустно улыбнулся и опустил ладонь в воду, затем кивком головы попросил меня подойти. Его слова

так тронули мою чувствительную душу, что я немедленно поднялась со скамейки и приблизилась к своему новому

другу, буквально накрывая его взглядом, полным преданности и глубокого душевного трепета.

– И что мы будем делать дальше? Я так запуталась... – в голосе моем мелькали нотки тревоги, смешанной с отчаянной надеждой.

– Что будем делать? Ну, как сказать... для начала... – Дэнни, резко выдернув руку из фонтана, брызнул на мою белоснежную кофточку и звонко засмеялся.

Я ужасно разозлилась и дала обидчику звонкую пощечину. Секунды не прошло, как Дэниел вскочил с бортика, обхватил мою талию обеими руками и резко оторвал беспомощную жертву от земли. Пару раз обернувшись вокруг своей оси и при этом мило улыбаясь, юноша аккуратно поставил меня на место.

– Не грусти... – Дэнни ласково стер с обиженного лица капельки воды и нежно поцеловал меня в уголочек губ.

Внезапно я ойкнула от боли, приложив ладонь к своему животу. – Прости, наверное, это было лишним! Сейчас

придем домой, и Майкл осмотрит рану, договорились?

– Хорошо... так и поступим...

Вскоре мы оказались дома у Стивенсов. Доктор восседал в гостиной и неторопливо изучал сводки новостей за

прошедшую неделю. Лицо его было невозмутимо и спокойно, словно нас в комнате и не было. Ни один мускул не

дрогнул. Видимо, события в мире были гораздо увлекательнее, нежели мои бесконечные мучения.

– Майкл, нам нужна твоя помощь! – Дэнни осторожно усадил меня на диван.

– Что опять стряслось? – мистер Стивенс отложил газету в сторону и окинул меня серьезным взглядом. Сквозь белую

блузку проступило небольшое кровавое пятно.

– Нужно выяснить, в чем дело. Я всего лишь закружил Кэтти в воздухе!

– Закружил в воздухе, говоришь? Хм-м-м... ладно. Дэниел, оставь нас, я взгляну что можно сделать, – Майкл

поднялся с кресла и молниеносно покинул комнату.

Дэнни присел на корточки и, убирая выпавшие прядки волос с моего лица, тихо прошептал:

– Ты только ничего не бойся! Черт, какой же я все-таки идиот... Пожалуйста, прости меня...

– Все в порядке. Я доверяю опыту твоего брата. Вот только пообещай мне, что все пройдет в скором времени,

Дэнни... Пожалуйста, пообещай...

– Я обещаю...

Он приложил к моей щеке свою теплую ладонь, в ответ я осторожно накрыла ее своей. Настала пауза длиною в

несколько секунд. Я так внимательно изучала его глаза, читая в них страх и бесконечную грусть, что даже не

заметила, как губы Дэниела внезапно коснулись моих. Я пришла в недоумение и, решив отстраниться, постаралась

сделать это как можно аккуратнее, чтобы не обидеть своего друга, но его ладонь, плотно прижатая к моей щеке,

притягивала мое лицо, не позволяя мне сопротивляться. Наш первый поцелуй был таким нежным, легким и

невесомым, таким сладким, что вскоре чувство смущения меня окончательно покинуло. Перед глазами промелькнула

фраза Дэниела: «Лучше иметь дружбу с некоторыми оговорками». Вот они – те самые злополучные оговорки. Что ж,

пусть будет так. По крайней мере, это не ухудшит моего мнения о нем. Трепетное дыхание обжигало мою кожу, и я

без тени сомнения отвечала своему долгожданному герою бесконечно-взаимными касаниями губ. Но всем сказкам

рано или поздно приходит конец: чей-то вежливый кашель разрушил стоящую в комнате тишину. Дэнни прервал

поцелуй и взглянул на брата.

– Уже ухожу... – выпрямившись, произнес Стивенс-младший, прежде чем ласково чмокнуть меня в лоб и покинуть

помещение.

Майкл разложил на столике необходимый медицинский инвентарь и коснулся нижнего края моей кофточки:

– Позволишь?

– Разумеется. Вы доктор, Вам можно, – резко огрызнулась я, закинув руки за голову и устремив взгляд в сторону окна.

– Хорошо, раз ты сегодня не в духе, сделаю все сам, – мистер Стивенс расстегнул несколько пуговиц моей блузки и

осторожно снял повязку, внимательно осмотрев порез. – Рана была сильно травмирована. Возможно, вам с Дэниелом

стоит убавить пыл, иначе вовсе не заживет.

– Мы сами решим, что будет для нас лучшим вариантом, – продолжая любоваться пейзажем за окном, вымолвила я.

– В таком случае, я могу даже не начинать, ведь вы все равно мою работу в грош не ставите, – доктор хотел было

снять перчатки, но я внезапно перехватила сильные мужские руки и жалобно заглянула ему в глаза.

– Пожалуйста... помогите... и простите за столь агрессивный прием, не знаю, что на меня нашло. Настроение было отличным, а тут эта царапина, так не к стати.

– Я не садист и мучить тебя не намерен, так уж и быть. Для начала обработаю рану. Но вы впредь будьте более благоразумны, – я смиренно кивнула головой, Майкл смочил стерильную салфетку каким-то раствором и приложил ее к моей коже.

– А-а-а-а-й! – звонко простонала я от возникшей боли.

– Терпи, если хочешь поправиться. И еще, как бы ты не противилась, как бы не протестовала, я просто обязан тебя

предупредить... – произнес доктор, не отрываясь от работы. – Вы мчитесь с головокружительной скоростью. Был бы

я в ранней молодости таким резвым, сейчас имел бы штамп в паспорте, собственный дом, заботливую хозяйку под

боком и пару-тройку ребятишек, – Майкл забавно усмехнулся и снисходительно покачал головой.

– А почему Вы до сих пор не женаты? – я бросила в сторону собеседника любопытный взгляд.

– Тебе бы все знать. Надо же, какая шустрая, – Майкл посмотрел на меня с нескрываемой улыбкой и снова опустил

глаза. – Практически все время отнимает работа. Помощь людям – это то, о чем я мечтал с раннего детства.

Медицина всегда являлась моим призванием. Можно сказать, я уже женат на ней, – Стивенс-старший трогательно

усмехнулся. – Клиника занимает прочное место в моей жизни. В свободные часы только и успеваешь собраться с

духом, чтобы потом снова ринуться в бой и спасать чужие жизни. А полноценная семья... Я много думал над этим, но

в результате понял лишь одно: в семью нужно нести ласку, заботу, бесконечное внимание, на которое у меня,

должно быть, никогда не хватит сил.

– Но отчего же не попробовать? Не рискнуть? Брак – это же такая авантюра! Не всю же жизнь копать в пинцетах и

зажимах, нужно позаботиться и о самом себе, устроить личную жизнь, далекую от Вашей профессиональной

деятельности. Сделайте своей возлюбленной предложение, и она будет Вам благодарна, вот увидите! – театральным

голосом произнесла я, словно всезнайка.

– Я подумаю о себе, но только тогда, когда буду старым, дряхлым и полностью бесполезным. Да и к тому же, у меня

нет возлюбленной. Многие медсестры липнут прямо на работе, словно свихнувшиеся. Но я уже научился вежливо

объяснять, для чего мы приходим в госпиталь и чему там уж точно не место. Я не испытываю недостатка в женском

внимании, но на данном этапе моей жизни все оно пропускное, временное. Те, кто еще вчера бросал на меня томные

взгляды, сегодня уже выскакивают замуж за тех, кто стоит чуть выше по должности. Ирония судьбы, черт бы ее

побрал, – в голосе Майкла звучала какая-то детская непосредственность, граничащая с наивностью. Мне это

нравилось, по крайней мере, желание слушать его только усиливалось.

– Но как удастся верить в себя и свои силы, если Вас даже некому поддержать?! – возмущенно протестовала я.

– Меня поддерживают мама, Дэниел, коллеги по работе и друзья. А любовь подождет. Но если она мне волею судьбы

свалится на голову, отталкивать, конечно, не стану. Главное, чтобы я был уверен в серьезности намерений

благоверной. В том, что она полностью доверяет и принадлежит только мне, готова быть со мной рядом в трудную

минуту и дарить себя без остатка. Ну и любить, разумеется, так, как никого другого. Остальное приложится, –

доктор выдержал небольшую паузу, после чего произнес: – Да что я все о себе и о себе. Ты хорошая девчонка...

милая, воспитанная... привлекательная, чего уж скрывать, из благополучной семьи, но Дэни... не знаю, как

объяснить... Понимаешь, с ним тебе будет в сотню раз больше, чем во время обработки этих чертовых швов, –

Майкл снова промыл мою рану, на что я звонко ойкнула.

– Но почему же?! – стиснув зубы от боли, прошипела я.

– Потому что в нашей семье стоит ряд неразрешенных проблем и вопросов, от которых никуда не деться. Это так

сложно, так запутанно. Не знаю, к чему мы придем в итоге, но... – прервавшись, доктор Стивенс заглянул мне в

глаза и едва уловимо прошептал: – Не напрягайся, главное, будь готова... ко всему.

Странно, но у меня не возникало желание тут же отдернуть голову, как в случае с Дэниелом на пороге моего дома.

Взгляд был таким мягким и добрым, пропитанным мудростью и жизненным опытом взрослого мужчины. Морщинки

вокруг его глаз делали образ еще более милым и трогательным, но в то же время от этого человека веяло

непреодолимым духом таинственности.

– Хорошо... я постараюсь.

– Думаю, ты справишься.

Майкл добродушно улыбнулся, наложил новую повязку и поблагодарил «юную леди» за то, что не стала спускаться на

него всех собак, да и к тому же дала возможность выговориться. А после из супермаркета вернулась миссис Стивенс

и дружелюбно пригласила всех к обеду. Я с радостью согласилась, и мы вчетвером прекрасно провели время за

увлекательнейшей беседой. Странно, но с Майклом у меня было гораздо больше точек соприкосновения, нежели с

Дэнни. Мы сходу понимали друг друга, и он ни разу не высмеял мои тягучие рассуждения, напротив – всегда

внимательно выслушивал до конца, прежде чем согласиться или же в мягчайшей форме опротестовать истинно

женскую точку зрения. Дэниелу в такие моменты оставалось только угрюмо опускать голову и лишний раз

беспощадно ругать себя. Вечером я вернулась домой, и папа насильно помирил нас с Джошем, несмотря на активное

сопротивление последнего. А уже перед сном я предвкушала будущую жизнь, учебу, общение с этой

необыкновенной семьей, начисто выкинув из головы все опасения доктора Стивенса, о чем в будущем мне не раз

пришлось серьезно пожалеть...

Спустя два с лишним месяца со дня нашего переезда бурный жизненный поток окончательно и бесповоротно вошел

в нужное русло. Отец устроился автомехаником в какую-то малоизвестную, но, по его словам, не теряющую от этого

свою перспективность частную фирму. Джош поступил в ту самую старшую школу, около которой я повстречала

удивительного ротвейлера Дикки, бесследно исчезнувшего на злополучной туманной дороге в ту роковую ночь. Я

же, после долгих и занудных материнских уговоров, сдала вступительные экзамены в один из многочисленных

городских колледжей. Единственным минусом была его нескрываемая престижность.

К великому сожалению, родители не сообщали мне о том, как долго копили деньги на будущую учебу юной мисс

Роббинс, откладывая их с каждой новой выручки. Будь я осведомлена чуть раньше, эта взбалмошная идея была бы

пресечена на корню. Папа хотел вывести меня в люди, заявить о моем скромном существовании всем в округе,

раскрыть какие-либо таланты собственной дочери и предоставить их на растерзание общественности.

Мне же не было нужно ничего, кроме злосчастных бумажек, подтверждающих окончание того или иного вуза – пусть

самого скромного и невзрачного, но чтобы это было быстро, играючи и без лишних финансовых затрат. Однако что я

на тот момент могла поделать, как оспорить строжайшую волю главы семейства? Выход существовал лишь один:

смириться с безмерным количеством скучнейших лекций, с ректором-педофилом, его сальными похотливыми

взглядами и отклеивающимся париком, сковывающей движения формой, состоящей из короткой до неприличия

клетчатой юбки и такого же обтягивающего пиджака и словно кричащей о том, что я позволяю лапать себя после

занятий таким безнравственным старикам, как мистер Джонс. Ах да, еще впридачу на мои хрупкие плечи легло

знакомство с коллективом, состоящим из чопорных девиц, высокомерных юношей – отпрысков преуспевающих

отцов, ну и как довесок – маленькой группки завсегдатаев ночных клубов, насильно отправленных сюда

«заботливыми» родителями с целью перевоспитания. Мне же было нечем похвастаться: признание в том, что мать, с

юности ставшая домохозяйкой, отец, изучающий различия между задним и передним автомобильными приводами,

брат – маленький вредный бездельник, посещающий школу лишь для ухлестывания за девчачьими юбками, купили

мне эту долбаную учебу на деньги всей нашей жизни, подписало бы меня на скорую смерть среди насмехающихся

ублюдков. Я предпочла сойти за немую, а еще лучше – умалишенную, не отвечая на глупые вопросы и зарываясь с

головой в пески стыдливости.

Только один человек распознал мою сущность едва ли не с первого взгляда. Его звали Робин Джеймс Стюарт-

младший, или, как он сам предпочитал себя называть, Робби Джей. Чертовски забавный светловолосый юноша с

вечно искрящимися глазами цвета мокрого асфальта подошел ко мне в первый же день после занятий: вежливо

представившись, галантно взял мою руку в свои ладони, а после запечатлел на бледной коже едва уловимый

приветственный поцелуй. Мы с ним сразу же нашли общий язык и в перерывах между лекциями неустанно

беседовали, доводя до истерических приступов его верных фанаток. Робби был кем-то вроде местного авторитета:

сын крупного предпринимателя, главы компании по производству моторного масла, общительный и заводной, с

искрометным чувством юмора и простецким отношением к жизни сразу же завоевал всеобщее одобрение и был

принят в местную тусовку на ура. Девушек разной степени привлекательности в его окружении было хоть отбавляй,

но их единственным весомым отличием от меня являлось чрезвычайное самомнение, смешанное с ужасным пафосом,

туфлями на высоком каблуке, обошедшимися им в кругленькую сумму, и отвратительно-вульгарным макияжем. Роб

же любил простоту во всем, будь то кухонный комбайн или же юная однокурсница.

Таких редких исключений, как я, в колледже не было со дня открытия и по сегодняшний день. Робби прикипел ко

мне буквально в первый же месяц общения, пообещав никому не выдавать моего маленького секрета и раскручивать

в своих кругах мнение о том, что Кэтрин Роббинс дочь успешного банкира, приехавшая покорять прибрежный город

из далекого Джексона. Юноша был так стремителен в своих решениях, словах и поступках, что я только и успевала

разводить руками. Не прошло и нескольких недель, как он наградил меня почетным званием самой бескорыстной

подруги и поведал множество увлекательных историй о каждом учащемся в нашей группе. Я искренне удивлялась

тому, что долговязый Джон Браунинг III, фактически секс-символ среди сокурсниц, до сих пор является

девственником; что толстушка Бэтти Фейд со школьной скамьи влюблена в Аарона Джорджа, неуклюжего ботаника,

вечно поправляющего сползающие очки, который в свою очередь добивается признания ослепительной блондинки

Патриции Лэнфилд, сделавшей по дурости инъекции ботокса в верхнюю губу и ужасно напоминающей Гомера

Симпсона. Эта безумная кутерьма фактически сожрала меня, точнее, поглотила с головой все свободное время в

перерывах между занятиями, которое мы с Робби тратили на прогулки по длинным коридорам с высоченными

потолками и на распевание шуточных песен о наших общих товарищах.

Веселый залиvistый смех был слышен за многие метры от нашего конкретного местонахождения. Единственным

ограничением было все, что связано с домом и личной жизнью. То, что выходило за пределы колледжа, было

увенчано строгим табу в первый же день моего знакомства с Робом. Нам нравилось издеваться над ребятами,

высмеивать их между собой и радоваться каждой минуте совместного времяпрепровождения, но я ни разу не

пригласила Робина к себе, чтобы не нарушать исключительно приятельскую дистанцию. Было заметно

невооруженным глазом, что молодой человек мне искренне импонирует, вечно хочет понравиться и произвести

впечатление новой очаровательной шуткой, но в тот момент я не думала о своих желаниях и предпочтениях.

Взволнованную девичью душу занимало лишь одно – благополучие моего светлого, чуткого Дэниела, который с

рождения был чрезвычайно вспыльчив, в чем я лично убедилась лишь в августе сего года, внезапно разозлившись

на него из-за какой-то ерунды. Реакция на мои истерические вопли была неожиданной: Дэнни вспылел, швырнул о

стену красивую хрустальную вазу, разлетевшуюся на тысячи мелких осколков и, сев в машину доктора, уехал черти

куда на несколько дней.

Все мы очень волновались: я, Майкл, миссис Стивенс и мои родители. Джошу только и оставалось, что язвительно

усмехаться. Но позже Дэнни вернулся живым и невредимым, с порога дохнув алкогольным перегаром и явив общую

потасканность, за что получил от брата несколько нелестных выговоров и слезы матери в виде горького дополнения.

Больше мы с Дэниелом не ссорились, но с того дня я зарубила себе на носу, что лучше не рисковать своим

душевым равновесием и семейной идиллией Стивенсов и быть более сдержанной в проявлении накопивших

эмоций. Поэтому я старалась не причинять своему милому другу боль, не заставляя упиваться собственной

ревностью и переживать по пустякам. Особенно тогда, когда мы с ним решили переступить границы чистой

юношеской дружбы и объявить себя влюбленной парочкой. Поначалу я всячески отпиралась от этой безумной идеи,

но позже, уяснив важность Дэниела в собственной жизни, вспомнив о дивных снах с его участием и внезапно

представив, что мы действительно половинки одного целого, являющиеся окончательной и бесповоротной судьбой

друг друга, согласилась.

Мы с Дэнни часто встречались, ходили в тот самый парк, благоухающий свежей травой и пропитанный ароматами

старой древесной коры, сливались в безумных поцелуях где ни попадя, выводя из себя Джоша и заставляя моего

отца растерянно пожимать плечами. Майкл же воспринимал наше взаимное увлечение друг другом с долей

сомнения, но препятствовать развитию романтических отношений между его младшим братом и юной соседкой даже

не пытался. Он всегда был ко мне строг, но в то же время безмерно добр, заботлив и внимателен. Благодаря

усилиям доктора Стивенса от моей раны не осталось ничего, кроме тончайшего белого шрама, вечно напоминающего

о моей неосмотрительности. Заслуживает огромных похвал то, что Майкл нашел общий язык и с моим отцом, вечно

выгораживая нас с Дэниелом, опаздывающих к ужину и возвращающихся из того или иного клуба лишь к полуночи.

Можно сказать, мы подружились, стали друг другу дороги, сами того не подозревая. Я относилась к нему, как и к

дяде Стюарту, словно он также является членом нашей дружной семьи. Ах, и еще, как я могла забыть: каждый раз,

замечая миссис Стивенс, Скотти фактически срывался с поводка, направляясь напрямик к ней и игриво виляя

хвостом. Добродушная женщина всем сердцем любила нашу семью и часто навещала родителей, пока я была на

занятиях, распивала с ними чай в гостиной и восхищалась тем, каким же замечательным бывает соседство в этом

удивительном городе. Об этом исправно докладывал Дэнни, встречающий меня у колледжа и тут же уводящий

подальше от завистливых сокурсников.

Робина Джеймса мой возлюбленный, порою прерывающий наши жизнерадостные беседы, откровенно раздражал, но

Роб был из той породы мужчин, что сохраняют честь с рождения и до
скончания веков, поэтому виду он не

показывал и не лез на рожон. Жизнь наконец-то стала походить на
райскую.

Много планов и задумок посещало мою голову, креативные мысли
выплескивались наружу в виде рисунков и прочей

творческой ерунды. Я была довольна собой, влюблена и абсолютно
счастлива. В моей жизни присутствовали семья,

чудесные соседи, учеба, пусть и не такая сладкая, лучший друг Робби
Джей и самый близкий юноша из сокровенных

снов. О чем еще может мечтать семнадцатилетняя девчонка?
Действительно, не о чем, ведь в моем случае амбиции

были сведены к катастрофическому минимуму. Я поняла, что сама
судьба забросила мою семью в этот чудесный

город – город, где сбываются самые сокровенные мечты.

Однажды в колледже у меня дико разболелась голова. Я немедля
направилась в ректорскую – отпроситься с занятий

у мистера Джонса, пристально изучающего мои стройные ноги,
предательски выглядывающие между юбкой и

гольфами. Он омерзительно усмехнулся, но, тем не менее, был
чрезвычайно милостив и, бережно поцеловав мою

руку, разрешил прогулять один день без лишних разбирательств. На
радостях поблагодарив старикашку, я

молниеносно покинула здание, направляясь по запыленным извилистым
улицам напрямик домой. Но прежде, чем

выслушивать от папы лекции, мол, какого черта я позволяю себе
отлынивать от учебы, когда в сумке нахо¹¹⁵

дится аспирин, я решила навестить Дэниела и прошептать ему пару
ласковых фраз, прекрасно понимая, что ввиду

сложившихся обстоятельств отец запрет меня на неделю в собственной
комнате, лишив телевизора и прочих

приятных мелочей. Поднявшись на крыльцо, несколько раз
постучавшись и не получив ни единого намека на ответ,

я осторожно нажала на дверную ручку, и та, к великому удивлению,
подозрительно быстро поддалась. Пройдя

внутри, я растерянно огляделась по сторонам.

– Миссис Стивенс! Майкл! Есть кто-нибудь дома?

Ответом послужила лишь призрачная тишина. Я обошла гостиную,
заглянула на кухню; никого там не обнаружив,

медленно поднялась по матовым ступенькам на второй этаж. Пройдя мимо комнаты Дэниела и пару раз его

окликнув, я последовала по узкому коридору до самого конца, пока не уткнулась носом в едва приоткрытую дверь.

Меня одолело любопытство, и я неспешно ее отворила. Это была комната Майкла: чистая, светлая, уютная,

выполненная в мягких теплых кремовых тонах. Вокруг было прибрано, все вещи аккуратно красовались на

положенных местах и буквально сияли ослепительной чистотой. «Вот что значит доктор...» – промелькнуло у меня в

голове. Проведя ладонью по гладкому покрывалу, я неторопливо присела на постель, на деле проверяя ее

безупречную мягкость и осматривая удивительную обстановку. Поднявшись с кровати и аккуратно поправив плед, я

неторопливым шагом приблизилась к письменному столу. Причудливая лампа, согнувшаяся в три погибели над

толстой папкой бумаг, статуэтка из бронзы в виде оскалившегося льва, покрытая тонким налетом старины,

практически полная бутылка коньяка, серебристый стаканчик, наполненный шариковыми ручками и остро

заточенными карандашами, – внимание привлекала едва ли не каждая мелочь. Я восторженно вздохнула и уже было

собиралась покинуть помещение, но неожиданно мое внимание привлек приоткрытый ящик стола, из которого

украдкой выглядывали пустые больничные бланки. Осторожно выдвинув его, я с непреодолимым любопытством

начала перебирать запыленные бумаги. На самом дне лежала согнутая пополам газетная вырезка. Развернув ее и

прочтя заголовок, гласящий о том, что «надежды первого медицинского госпиталя не оправдались», я пришла в

дикое замешательство. На фото красовалась девушка в белоснежном халате. Леденящий холод медленно растекся

по коже: глядя на нее, я словно смотрелась в зеркало. В статье говорилось о том, что юная медсестра попала в

ужасную авткатастрофу и скончалась еще до прибытия помощи. Приложив ладонь ко рту и не позволяя себе

вымолвить ни единого слова, я даже не заметила, как кто-то тихо прошел в комнату.

– Анна Стэнфорд... – низкий мужской голос вернул меня на землю, заставив стремительно обернуться и фактически

схватиться за сердце. На пороге, сжимая ладонью бутылку холодного пива, стоял Дэниел, прислонившись плечом к дверному косяку.

– Никогда так больше не делай! – я окинула молодого человека свирепым взглядом, на что Дэнни очаровательно усмехнулся и, неторопливо подойдя ко мне, обвил свободной рукой тонкую девичью талию.

– Ну что ты, я вовсе не собирался тебя пугать... – ласковый шепот смягчил атмосферу внезапности. – Работа на заднем дворе отняла немало времени, Майкл давно просил привести в порядок противно верещащие качели. Ты можешь не стесняться и чувствовать себя здесь как дома, так что не переживай... – бережное прикосновение губ к изгибу моей шеи без следа растворило в воздухе остатки волнения.

– Эта девушка, Анна... кто она? – я сжала в руке вырезку из газеты, устремив на фотографию полный сожаления взгляд.

– Медсестра из госпиталя, где сейчас работает мой брат, – Дэнни осторожно положил подбородок на мое плечо. –

Она была юна, беззаботна и в то же время очень перспективна. Еще до окончания учебы девушка отправилась на практику под руководством более опытных докторов. Вся клиника гудела о ее золотых руках, отзывчивости и добродушии. Майкл стал ее первым другом: близким, надежным, верным. Вскоре между ними вспыхнула любовь.

Ежедневно приходя с работы, он буквально сиял от счастья, радовался каждому прожитому дню и стремился

проводить с ней как можно больше времени.

Я был тогда еще слишком молод, чтобы осознать всепоглощающую силу эмоций, ощущений, завладевшую моим

страшим братом. Его возлюбленной не было еще и двадцати... Наша мать души в ней не чаяла, радовалась и тогда,

когда Майкл сообщил о желании взять Анну в законные жены. Казалось бы, эта история просто обязана иметь

«Happy End», но в один прекрасный день брат вернулся со дня рождения своего лучшего друга прилично поддатым.

И именно тогда по стечению обстоятельств Анна узнала о том, что беременна. Она сообщила возлюбленному, но

доктор Стивенс не обрадовался, как подобает, напротив – взбесился и сорвал злость на своей невесте. Я стал

свидетелем того, как она стирала слезы краешком рукава, садясь в свою машину, припаркованную под окном. Майкл

выбежал из дома, но серебристый «форд» уже тронулся с места. Доктор, не теряя ни минуты, последовал за ней, я

же провожал свет фар совершенно непонимающим взглядом. О том, что случилось, твердили все газеты: молодая

медсестра не справилась с управлением и вылетела на встречную полосу – в результате страшная авария, большая

потеря крови и скоротечная смерть. А ведь она умирала у Майкла на руках, но он в сложившейся ситуации поступил

как последний трус: вызвав подмогу с ее мобильного телефона, мгновенно скрылся с места происшествия.

После этого случая бедняга замкнулся в себе, посвятив все свое время клинике – с головой окунаясь в работу и

принося людям хоть какую-то пользу. Это его призвание, смысл каждого дня. Из-за него оборвались сразу две

жизни – самые родные, близкие, дорогие жизни Анны и их будущего малыша. И в тот день, когда Майкл увидел

тебя, истекающую кровью у меня на руках, он пошатнулся на месте, схватившись за голову и не веря своим глазам.

Вы действительно очень похожи, и дело даже не во внешности: что-то внутри, влажный блеск туманных глаз,

застенчивая улыбка – брат до сих пор верит, что ты послана свыше, дабы помочь ему избавиться от угнетающего

чувства вины. Но я не позволю ему причинить тебе боль... Ты – самое ценное, что у меня есть, сокровище, которое

нужно тщательно оберегать, а проблемы Майкла навсегда останутся его проблемами. Это вовсе не твоя вина.

– Может быть... может... мне стоит поговорить с ним? – встревоженно пролепетала я.

– Даже не вздумай. Брат убьет меня, если узнает, что я все тебе рассказал, так что давай забудем об этой истории

раз и навсегда, договорились? – Дэниел развернул меня лицом к себе и ласково прижал к груди, закрыв глаза и

вдыхая аромат моих волос. – Не переживай, с ним все будет в порядке. Он уже пять лет справляется в одиночку, и,

поверь мне, это далеко не предел возможностей Стивенса-старшего.

– Хорошо... я буду молчать... Только пообещай мне, что с нами ничего подобного не случится... Дэнни, прошу тебя,

пообещай! – зажмурившись изо всех сил, я уткнулась лицом в грудь своего возлюбленного, до боли сжимая ткань

футболки на его плече.

– Разумеется, нет... маленькая моя, не бери в голову! Должно быть, я зря тебе все рассказал... – Дэниел ласково

гладил меня по волосам, нашептывая самые нежные слова и неустанно пытаюсь успокоить. – Мы не похожи на

Майкла и Анну, мы – не они и нашу судьбу построим иначе. Мир не рухнул после того, как ты узнала эту тайну,

правда? Главное, не волнуйся... Поверь, рядом со мной ты в безопасности.

– Спасибо, Дэнни... – я подняла глаза, обняла лицо юноши обеими ладонями и запечатлела нежный, практически

невесомый поцелуй на его губах. – Давай уйдем отсюда? Куда угодно, прямо сейчас, чтобы развеяться? А потом я

вернусь домой как ни в чем не бывало, словно только что из колледжа, так мне удастся миновать домашний арест.

– Отличная идея...

Дэниел осторожно выпустил меня из своих крепких объятий. Я убрала газетную вырезку на самое дно, прикрыв ее

больничными бланками и плотно задвинув ящик. Затем мы с Дэнни покинули комнату и неторопливо спустились

вниз. Выйдя из дома и направившись под руку с любимым вдоль по улице, я искренне надеялась на то, что все

воспоминания этой молодой пары будут навсегда скованы в сердце Майкла и не коснутся меня ни коим образом. Я

не хотела, чтобы наши отношения с доктором Стивенсом изменились, не хотела выдать свою осведомленность и

попасть в неловкую ситуацию. Но больше всего на свете я боялась повторить судьбу Анны в наших отношениях с

Дэниелом, ведь потеря того хрупкого трепетного счастья, что я заработала за всю свою, по сути, ничем не

примечательную жизнь, была бы невосполнима для меня и действительно равносильна маленькой смерти. Но в тот

день мы с Дэнни неплохо отвлеклись, просидев несколько часов в уютной кафешке за чашкой горячего эспрессо. В

конечном итоге я вовремя вернулась домой, не получив ни единого выговора от отца, а уже вечером ужинала в

кругу семьи с самыми светлыми мыслями, насильно стирая из памяти печальную трагедию двух влюбленных.

Как ни странно, сентябрь выдался на удивление теплым, за одно перекинув несколько положительных градусов в

довесок к двум следующим месяцам. Лето неожиданно-негаданно затянулось до несуразной крайности, в результате

чего мы с сокурсницами щеголяли в одной только легкой форме едва ли не до глубокой осени. Я была слишком

невзрачна по сравнению с окружающими горделивыми «красавицами», что не раз помогало мне незаметно

прокрадываться в их стройные ряды и ловить на себе ласковые мужские взгляды.

Я с детства не была избалована обильным вниманием со стороны противоположного пола: за долгие и мучительные

семнадцать лет в моей жизни существовал всего один постоянный парень, на деле оказавшийся подлой свиньей.

Внимания Дэнни для полного счастья мне вполне хватало, но, тем не менее, пристать к толпе размалеванных

студенток с самого конца, степенно покачивая бедрами и игриво одергивая юбочку, было для меня редчайшей

похотливой радостью. Слышать приглушенный свист за своей спиной, оборачиваться, гордо вздернув носик и

окидывая молодых людей с отвисшими челюстями строгим надменным взглядом, казалось мне таким забавным и

увлекательным. Девчонки лишней раз повышали свою самооценку, наивно полагая, что восторженные возгласы

адресованы непременно им, а я тихо и спокойно упивалась собственным превосходством над толпой пустоголовых

куриц. Робби Джея моя манера производить неизгладимое впечатление изрядно веселила: он с нескрываемым

юношеским восторгом следил за происходящим действием, а после бережно вытаскивал меня из толпы и отводил в

сторонку, неустанно смеясь и поражаясь девичьей находчивости. Мы с ним понимали друг друга с полуслова, всегда

находили общий язык, хотя иногда между нами возникали трения. Одним ясным сентябрьским днем сразу после

занятий мы с Роббином устроились на крыльце у парадного входа в здание колледжа, мило ворковали и любовались

кристально чистым небом. Я неспешно вынула пару мармеладок из разноцветного пакетика, бережно утрамбовала

их за щеки, не спуская глаз с пролетающего мимо авиалайнера.

– Видишь самолет? Во-о-он там, видишь? – тыкая пальцем в крохотную точку на небосклоне, как заведенная,

повторяла я.

– Вижу... – Робби усмехнулся и лениво повел плечами. – Ну и что? Самолет как самолет. Для меня он сейчас равносильен обертке от твоих конфет. Пустое место – ни дать, ни взять.

– С ума сошел?! – я едва не поперхнулась, сердито взглянув на собеседника и легонько стукнув его по губам. – Там люди! И они высоко... понимаешь?!

– Ну и что из этого? Милая, да у Вас жар, я смотрю? – юноша осторожно приложил тыльную сторону ладони к моему виску, а после потрепал за румяную щеку и улыбнулся собственным мыслям.

– Глупый, смотри... – я с величайшим удовольствием избавилась от последней мармеладки и продемонстрировала другу цветастый кусок пластика. – Это мусор, который вскоре отправится на свалку. Он здесь, с нами, на грязной Земле: пустой и никому не нужный. А та-а-ам... – подняв глаза к небу, мечтательно прошептала я: – Люди. Хорошие и не очень, собственно – разные. Но их главное отличие от этой упаковки в том, что они живые, настоящие, любящие, способные любить... и сейчас так высоко, что могут коснуться самых звезд. А обертка и вправду пустое место: ни дать, ни взять, – передразнив Робина, я задорно хихикнула и, не теряя ни секунды, выкинула пакет в стоящую рядом урну.

– На философию потянуло? – однокурсник силой притянул меня к себе и бережно обнял. – Всем бы девчонкам быть как ты. Чтобы и умные, и общительные, и с чувством юмора полный порядок. Просто сказка.

– Не-е-ет... – протянула я. – Были бы все как я ты бы искал что-то новое, еще более совершенное. Все вы мужчины до безобразия похожи: вечно мечтаете об идеале, а когда находите его и получаете в изобилии те женские качества, за которыми так долго гнались, перестаете их ценить, разочаровываетесь, снова отправляясь на поиски острых ощущений. Да и мы – представительницы слабого пола – от вас не так далеко ушли. Если бы все парни были похожи на Робина Джеймса Стюарта-младшего, я бы ужасно огорчилась, потому что мне тебя и одного хватает. И вообще, в такой ситуации твоя лучшая подруга наверняка собрала бы чемоданы и улетела покорять далекий Марс, потому что разнообразие – великая вещь, и без него на планете стало бы скучно – усмехнувшись, я

сжала с обеих сторон щеки товарища, соорудив умиленное выражение лица и чмокнув его в кончик носа.

– Эх, ты... могла бы не расстраивать... – меланхолично потирая свой нос краем рукава, прошептал Робин. – Кэтти,

Кэтти... моя милая, но в то же время чертовски прямолинейная Кэтти...

– Уж какая есть, – я выдержала паузу, взглянув на растерянного Робина и на секунду задумавшись о том, какой же

все-таки замечательный у меня друг, но неожиданно чей-то резкий противный голос нарушил затянувшуюся паузу.

– Кэтрин, а Кэтрин... – высокий широкоплечий сокурсник по имени Боб Майлз смотрел на меня исподлобья, скрестив

руки на груди и сердито поджав губы. – Моя девушка... в общем... думаю, ты ее знаешь – Линн Адамс, длинноногая

блондинка с параллельного курса... она тобой недовольна и попросила меня разобраться...

– Что-то случилось? – я окинула его снисходительным, но в то же время полным нездорового интереса к

происходящему взглядом, тут же приметив отправительницу жалобы метрах в пятидесяти от нашего

местонахождения.

– Ты пренебрежительно отзывалась о ней в холле... вчера... все об этом знают... Немедленно попроси прощения, и

мы разойдемся, ок? – юноша буквально испепелял меня свирепым надменным взглядом.

– Это какое-то недоразумение. Не понимаю, о чем ты говоришь, – я неторопливо поднялась со ступенек. – Хочешь,

допроси свидетелей: мне нечего скрывать и уж тем более бояться.

– Тебе стоит прямо сейчас прилюдно извиниться, а не то...

– А не то что? – Робин поднялся с крыльца и встал между мной и Бобом.

– Слушай, только ты не лезь, мы сами как-нибудь разберемся! – от резкого скрипучего голоса Майлза у меня по

коже разбежались мурашки.

– Послушай, Боб... – я осторожно отодвинула Робина и вплотную приблизилась к обвиняющему меня молодому

человеку, тихо шепча сквозь плотно сжатые зубы: – Мне этот цирк надоел. Всем уже давно известно, что Адамс

спала с Робинем еще до тебя и теперь дико ревнует к нашей с ним удивительно теплой дружбе. Видимо, она до сих

пор не может забыть такого чудного любовника и втайне продумывает план, как бы сделать подлеишую гадость,

попросту унизив меня в его глазах. Трусливые сокурсники ужасно боятся твоих бицепсов, поэтому вторят Линн,

которая управляет бедным Бобом Майлзом, словно заводной игрушкой. И я вовсе не удивлюсь, если ты наберешь

десяток, другой лжесвидетелей, хотя я не проронила ни единого оскорбительного слова в сторону твоей подлой

девушки. Хватит меня донимать... лучше подумай, что в тебе может так не устраивать, раз она до сих пор сохнет по

моему лучшему другу.

Ответом на мою дерзость послужила звонкая пощечина. Робби мгновенно спохватился, резким движением спрятав

меня себе за спину и нанеся оглушительный удар обидчику. Боб рухнул на землю, выплюнув сломанный зуб, стер

кровь с разбитой губы.

– Только посмей ее еще раз тронуть! Лучше скажи своей Линн, что ее попытки разрушить нашу с Кэтти дружбу

тщетны, – Робби повернулся ко мне, внимательно осмотрел покрасневшую щеку и легонько коснулся губами

ушибленного места.

Боб поднялся с земли и, скорчив недовольную мину, немедля направился к обиженной мисс Адамс, отбиваясь от ее

назойливых попыток повиснуть у него на шее, успокаивая скорее саму себя, нежели ошарашенного заступника.

Робин бережно обнял меня, ласково поцеловав в висок и осторожно глядя по голове.

– Кэтрин! – внезапно послышался чей-то до боли знакомый взволнованный возглас. – Что случилось?! Ты в

порядке?! – Дэниел ветром мчался ко мне, сбивая всех на своем пути.

– Да, Дэни, не волнуйся... все хорошо! – я тут же вырвалась из сковывающих объятий друга и бросилась

возлюбленному на шею, крепко обняв его и радуясь тому, что он рядом.

– Ты не представляешь, Робин!..

– Это он сделал?! Мерзкий ублюдок! Хочешь, я убью его прямо сейчас?!

– не давай мне договорить, прошипел Дэниел.

– Да нет же, глупый, Робин спас меня! – крепко прижавшись к груди Дэниела, я бросила радостный взгляд в сторону

своего спасителя, держащего руки в карманах и буквально испепеляющего взглядом моего молодого человека.

– Разумеется, как же иначе. Герой из твоего приятеля просто отменный. А был бы настоящим другом, постарался бы

предотвратить это, – с долей сарказма прошептал Дэниел, ласково проведя по моей припухшей щеке двумя

пальцами. – Думаю, лучшим вариантом сейчас будет отправиться домой и прийти в себя. Пойдем...

– Но... Робин... как же он?! – вырываясь из рук Стивенса-младшего, пролепетала я.

– Не маленький, справится.

Дэнни крепко прижал меня к себе, уводя прочь от здания колледжа и лишь единожды обернувшись назад. Он сделал

это только для того, чтобы бросить в сторону Робина полный ненависти взгляд, утопая лицом в моих волосах и всем

видом показывая нерушимость нашего союза. Не думаю, что Робби обиделся или разозлился: он был добр, мягок и

чрезвычайно уверен в себе. Умение приспосабливаться к любым жизненным ситуациям было заложено в его светлую

голову с самого рождения, но собственничество моего Дэниела добродушного сокурсника явно напрягало. С этого

дня началась их телепатическая вражда, без особых физических усилий и материальных затрат. Моральная,

духовная схватка двух сильных мужчин сквозь пространство и время. Беспричинная борьба за мое сердце, давно

принадлежащее взбалмошному Дэниелу, к сожалению, не способному это почувствовать.

Продолжение следует...

Часть II. С любовью...

[Возможно]

Ты не увидишь меня в сводках новостей, ты не услышишь мой невнятный шепот, не почувствуешь мою улыбку. Ты

не узнаешь, о чем я думаю сейчас, никогда не поймешь, чего на самом деле хочу, и, даже если протяну тебе

навстречу распахнутую ладонь, ты не сможешь ответить мне тем же. Ты недоступен, а я невидима... возможно, это

навсегда, возможно, так и должно быть, но точно так же возможно, что мы когда-нибудь пересечемся в этом мире...

Возможно... ты знаешь, Земля чертовски круглая. Но если мы не встретимся здесь, то наше свидание непременно

произойдет в следующей жизни. Возможно, ты такой же человек, как и я, а может быть, лишь плод моего безумного

воображения... Я такая мечтательница, а ты...

Чувство, будто что-то оборвалось внутри. Будто кто-то повесил телефонную трубку, и на другом конце провода

послышались короткие гудки.

Я не знаю, что произошло... щелчок – и на мгновение весь мир замер, остановился в ожидании чего-то. Возможно,

ты сейчас смотришь на звезды и прислушиваешься к ветру... Слышишь? Он что-то хочет донести до тебя... возможно

то, что не могу сказать тебе сейчас я.

Я загляну в окно и осторожно приложу к замерзшему стеклу ладонь. От нее мгновенно побегут вниз тонкие ручейки,

словно слезы – прозрачные и постепенно исчезающие... слезы, которые никто кроме меня не увидит. Пусть они

увлекут за собой все мои страхи, безумную усталость и вечную грусть. Постепенно все окно покроется сотнями

крупных капель, которые молниеносно растворятся в неизвестности. Избавившись от этой ноши, стекло пропустит

через себя несмелые солнечные лучи. Как незаметно уходит время, вместе с болью, расчищая место для начала

новой жизни. Все еще слушаешь, о чем шепчет ветер? Хотя ты уже давно не нуждаешься в ветре, таком свободном и

строптивом, ведь он всегда ведет себя как хочет и может с силой хлестнуть тебя по щекам, когда все до единого

любящие сердца, напротив, будут выполнять малейшие прихоти. Тебе больше не нужен воздух, которого в момент

дикого страха и отчаяния панически не хватает, ведь любящие сердца вдохнут в тебя жизнь, когда твоя же

нерешительность начнет предательски душить. Сейчас ты развернешься спиной к ветру, солнцу, закроешь глаза и

на мгновение перестанешь дышать, чтобы почувствовать, появится ли рядом хоть одна преданная тебе душа,

готовая спасти в любой момент. Но именно в эту секунду ты не заметишь, как я коснусь теплыми губами воздуха,

как с ветром передастся тебе через тысячи километров мое живительное прикосновение, как солнечные лучи

попытаются спасти тебя от сковывающего холода в момент гибели.

Я разучилась чувствовать людей за время беспросветного душевного, скрытого, личного одиночества. И ты не
исключение – я не чувствую тебя... совсем не чувствую, ни на грамм, ни на сотую долю процента. За долгие годы
слепого наивного оптимизма устала твердить, что все, что ни делается – непременно к лучшему. Я не люблю тебя...
я просто-напросто больна тобой, но уже не так, как раньше. От прежнего трепета не осталось и следа. Нет той
нежности, да и менять по большому счету ничего не хочется. Лишь безмерное уважение, угнетающее чувство
преданности и тепло где-то в глубине души, исходящее от сотен красочных воспоминаний. Хотя вдаваться в них
порою слишком грустно... Знаешь, давай не будем о плохом – лучше просто помечтаем.
Возможно, тебе надоест шумная городская жизнь, возможно, ты сядешь на поезд, попытаешься убежать от сотен
удручающих проблем и забот, возможно, ты поедешь туда, где никто тебя не сможет найти. Возможно, это будет мой
город. Возможно, ты будешь не спеша прогуливаться по извилистым дорожкам в солнцезащитных очках, лишь бы не
быть узанным. И только тогда ты ощутишь ту нехватку ветра, солнца и воздуха, которые тебе с успехом заменяли
те, кого встречал ты на своем пути ранее. Возможно, стоит вспомнить о них? Вдохнуть пьянящий аромат,
доносящийся до тебя с другой стороны улицы, быть ослепленным ярким солнцем в самый неподходящий момент и
едва заметно коснуться кого-то плечом. И тут же ветер вынудит тебя повернуться навстречу той девушке, которую
ты только что задел. Она почувствует легкий трепет – впервые за долгое время: мимолетная дрожь ветром
промчится по коже, заставляя обернуться вслед. Минуту вы будете смотреть друг на друга, боясь сдвинуться с места,
но позже ты снимешь очки и скромно улыбнешься юной мадемуазель, в золотистых волосах которой игриво
отливают и искрятся ласковые лучи заходящего солнца. Она не сделает шаг навстречу, боясь снова совершить
непоправимую ошибку, поэтому тебе придется осмелиться подойти к ней первым, преодолеть всего лишь пару
разделяющих метров... Еще минута, и завяжется несмелый разговор, еще минута – и гудки машин дадут понять, что

вы посередине улицы, не так ли? Искренний смех отразится от стен холодных домов, и вот вы уже бежите, держась

за руку, подальше от пристального и сердитого взгляда строгих светофоров. Теперь вы знакомы, а дальше... Кто

знает, что могло бы быть дальше? Возможно, эта встреча стала бы началом теплых отношений – дружбы, по силе

превосходящей любовь. Но точно так же возможно, что встречи никакой и не будет, лишь сладкий сон наивной

девушки... Возможно, я тебя забуду: через неделю, месяц, год – не важно.

Хотя боюсь, что все мои попытки вычеркнуть тебя из памяти заранее обречены на неудачу, ведь след, который ты

оставил в моей жизни, не похож ни на чей другой. Я верю в то, что ты не осудишь меня за все произнесенные слова.

Возможно, ты услышал меня сегодня, возможно, тебе просто показалось, возможно, теперь ты знаешь обо мне хоть

каплей больше. Возможно, ты запомнишь эту ночь, шепчущую моими губами о том, о чем тебе знать совершенно не

обязательно. Все это лишь очередная прозрачная выдумка, чтобы отвлечься от тяготящего окружающего мира. Все

это миф, иллюзия или сказка, кому как угодно. Все это лишь в моем подсознании, лишь в моей голове, в моем

разуме. И, если честно, я не хочу, чтобы ты знал обо мне в реальной жизни, нет – смею мечтать лишь об одном:

чтобы хоть раз в жизни ты почувствовал меня. Почувствовал, как со случайным сквозняком переступлю порог твоего

дома, как с легким осенним инеем застынут на твоём окне мои слезы. Затем ты выйдешь на улицу и пойдешь

вдоль по аллее в какой-нибудь немногочисленный парк. С первыми раскатами грома и шелестом листвы донесутся до

тебя мои слова, в яркой молнии проскользнет блеск печальных глаз, с холодными каплями дождя на твои плечи

лягут мои ладони. А позже, ласково обняв твое лицо вместе с ветром, я прошепчу о том, как все-таки прекрасно

жить на свете, зная, что какая-то потаенная часть меня все еще способна переживать и выражать свои чувства так

искренне и честно, как это делаю я сейчас.

Надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь забыть все тревоги и сохранить в памяти только самые светлые моменты

прошлого, которые являются единственным объединяющим нас фактором. Я хочу, чтобы при звуках моего имени в

твоим подсознании появлялась та улыбчивая, общительная и искренняя девушка, которой ты меня когда-то узнал.

Отпусти все лишнее и тяготящее вслед за давно ушедшими днями и знай, что я до сих пор верю в тебя и желаю тебе

всего самого светлого.

[Сказка]

И вправду, стоило мне вновь переступить порог этой волшебной страны, в очередной раз забыв про все свои

«нельзя», как тут же мир вокруг начал отдаляться от столь уже полюбившейся и привычной реальности,

превращаясь в ту самую сказку, с которой все когда-то начиналось. Переправа через границу этого государства

далась мне нелегко, поскольку все пути назад, в любимый и знакомый до дрожи игрушечный мир, в свое время

насилно были вычеркнуты из собственной памяти. Но вот, с горем пополам, я снова здесь... Медленно ступая по

аккуратно вымощенной дороге, только и успеваю оглядываться по сторонам.

Казалось бы, и небо такое же голубое, и запах свежескошенной травы напоминает о том, о чем порою так трудно

вспоминать, и солнце все так же светит, лениво выглядывая из-за белоснежных облаков, то и дело лукаво

подмигивая – ослепляя меня в самый неподходящий момент. Возможно, именно из-за этих солнечных вспышек я не

могу разглядеть всех деталей, подробностей, каждой окружающей меня мелочи. Все как всегда – обыкновенно, не

более. Единственное, что может отпугнуть, так это беспорядочно бродящие из стороны в сторону ветры – сквозняки,

которых ранее не наблюдалось. Хотя, какое мне до них дело? Путь лежит домой, и я по-прежнему чувствую себя

уверенно, с каждым шагом приближаясь ко все более родным и близким местам.

И вот вдалеке виднеется мой замок, вы не забыли, мы же в сказке! Волшебной сказке, где все вокруг дышит

противоречиями – казалось бы, ничто не имеет значения, но, задумываясь, понимаешь, что это далеко не так –

каждая мелочь таит в себе давно утерянный смысл. Подойдя к распахнутым воротам, я едва касаюсь резной решетки

– такой холодной и уже давно покрытой заскорузлым налетом старины. Поднявшись по лестнице, на секунду

задерживаюсь у порога... Вдох... выдох... мгновение – и я толкаю дверь. Внутри темно и пусто, лишь груды

ненужного хлама, завешанного белыми простынями. Каждая деталь вокруг отдает заброшенностью и

беспольностью. Но жизнь не стоит на месте, и я уже давно осознала необходимость быть сильной и справляться со

своими проблемами в одиночку. День, другой – хлам выброшен из дома и просто-напросто стерт с лица земли.

От бирюзовой краски не осталось и следа, а косметический ремонт пошел дворцу только на пользу. Ну вот, мой дом

полностью восстановлен и приведен в порядок. Но на душе по-прежнему как-то тоскливо и пусто... Отдышавшись и

сбравшись с мыслями, не медля ни секунды, я направилась на поиски единственного уцелевшего и оставшегося

здесь друга. Все остальные разъехались уже давным-давно и если и забредают сюда, то всяко не для того, чтобы

меня проведать. Хотя «направилась на поиски» в данном случае звучит слишком громко: тот друг живет неподалеку,

в соседнем замке – чуть более мрачном и пугающем, но так или иначе до боли знакомом. Встретив его, я снова

поверила в возможность обрести мирную и тихую жизнь здесь, отделенную от реального мира, спрятанную за семью

замками, но в то же время уютную и спокойную жизнь в мире собственных иллюзий... Волшебную, не иначе.

Я буду держать в секрете пребывание здесь, и ни одна живая душа за пределами этих стен не узнает о моей сказке.

Я знаю, какие тропы ведут к выходу. Знаю, как сбежать из иллюзорного мира собственной мечты. Знаю, что делать в

тот момент, когда страх и сомнения вновь окутают мой дом своей пеленой. Я буду разрываться между двумя

реальностями, как когда-то в далеком прошлом, но единственным отличием сегодняшней ситуации от того времени

является полная уверенность в том, что я делаю. Да и видеть, замечать что-то столь незначительное, но безгранично

важное и значащее я стала лучше, чем прежде.

Теперь я свободна, от прежнего страха не осталось и следа, а появляться здесь я вынуждена лишь по той простой

причине, что самый близкий для меня в этом заколдованном царстве человек по-прежнему нуждается в моей

поддержке. Вечно грустная мечтательница и вечно заколдованный принц
смогут протянуть друг другу руку помощи

всегда, и, несмотря на призраки прошлого, до сих пор обитающие в этих
стенах, уверенность в собственных силах

навсегда в моей душе – так же, как и моя вера в человеческую
искренность отныне в его руках.

[Подарок судьбы]

Тик-так...

Стремятся стрелки обогнать друг друга.

Тик-так...

Вновь наступает ночь, а день за нею.

Тик-так...

И каждую неделю все по кругу.

Тик-так...

Остановить часы в который раз не смею.

Как же все-таки досадно выпускать из рук по капле столь драгоценное
время. Падаю на колени, судорожно собирая

так тщетно потраченные часы, минуты, секунды. И как бы я ни старалась
удержать в своих руках хотя бы

мельчайшую частичку вчерашнего дня, она так или иначе неизбежно
просочится сквозь плотно сомкнутые пальцы, с

огромной скоростью ударяясь о ледяную землю и разбиваясь на
крошечные фрагменты, мгновенно испаряющиеся на

солнце. Жизнь стремительно проходит мимо меня, в то время как я
записываю очередное глупое желание на листке

бумаги, который вскоре будет аккуратно сложен и отпущен вместе с
ветром прямо к солнцу. Возможно, оно получит

это послание и заметит меня с бескрайних небесных просторов.

Я поднимусь на самую высокую скалу, подойду к самому краю самого
крутого обрыва и, окутанная чуткими

прикосновениями летнего ветра, протяну руки навстречу ласковой и
близкой звезде. Солнце почувствует мое

стремление быть услышанной, замеченной... На душе столько вопросов,
даже не к кому-то – к самой себе. Многие из

них не требуют ответа, но от этого не становятся менее весомыми. Жду
подсказки из ниоткуда, а те желания, что

отправляла солнцу, были во многом связаны с бесчисленными блужданиями в лабиринте собственных переживаний

и тревог. Оно просто обязано меня заметить... И вот – хрупкие лучи осторожно касаются кончиков ресниц, медленно

скользят по направлению к шее, оставив переливающиеся искорки в глазах и бледный румянец на давно замерзших

щеках.

Нежно обнимая меня за плечи, солнечный свет поднимется по протянутым рукам и вложит мне в ладони самое

ценное: чуть-чуть терпения, выдержки, немного светлой искренней радости и веры, перевязанных шелковой лентой,

пропитанной тонкими ароматами стремления и надежды. И в этот миг я почувствую себя самой счастливой, ведь

ценнее этого подарка нет ничего на свете. Собрав весь дар, весь до единой капли, я крепко-накрепко прижму его к

своему сердцу, поглощая в себя те качества, нехватка которых так остро ощущается мною в последнее время.

Мгновение – и тысячи ярких огней распространяются под кожей, проникают в каждую клеточку тела, разносятся с

током крови к удаленным уголкам моего сознания. Еще секунда, и я вот-вот готова оторваться от Земли, забыв о

нитях так крепко сдерживающего меня притяжения. А после я соберу в ладони утреннюю росу, добавив к ней свою

признательность, и, едва коснувшись холодных капель губами, отпущу их навстречу солнцу в знак благодарности.

Оно засияет в ответ, ведь мы всегда без слов понимаем друг друга...

В тот же вечер я останусь на краю обрыва, чтобы не пропустить на горизонте того, кто сможет вселить в меня

обретенные качества в будущем, когда солнечный подарок утратит волшебные свойства. И пусть волны сегодня

особенно суровы, пусть в этих краях иногда поселяется горечь обиды и разочарования, часто случаются бури и

штормы, а небо порою затянуто беспросветными тучами, – я готова выдержать все, лишь зная о том, что только

сейчас в моей душе поселились силы, благодаря которым я научусь останавливать время.

Тише...

Пусть подождет, ведь никогда не поздно запустить стрелки часов заново...

[Шепот]

Моей души потери не вернуть обратно,
И с ранних лет я принцев норовлю любить.
Обречена на вечность отдавать бесплатно
Часть сердца тем, кто не достоин ими быть.

Распахнуть ресницы ранним утром и подняться с постели, неминуемо коснувшись обнаженными ступнями глянцевого пола. Медленно ступая по его нескончаемой глади и каждый раз вздрагивая от пронзающего тело холода, бежать на носочках, словно по осколкам битого стекла. Неспешно провести ладонью по поверхности стола, склониться над хрустальной вазой, вдыхая аромат еще таких свежих, полных жизненной силы бледно-алых роз. Подобрать единственный опавший лепесток и подойти к окну, распахнуть шторы, умело скрывающие красоту рассвета и лучезарных солнечных зайчиков, скользящих по замерзшим ветвям и искрящихся всеми цветами радуги в крохотных снежинках. Окинуть кристально чистое небо игривым взглядом и улыбнуться самым сокровенным мыслям. Поднести лепесток к лицу и взглянуть сквозь его тонкую материю на небо еще раз. Нет, все-таки повседневность в ее первозданном облики, ярких красках гораздо привлекательнее, нежели жизнь в розовом цвете. Положить все еще источающую нежный аромат частичку бутона на ладонь и, осторожно на нее подув, отпустить по течению ветра в открытую форточку. Любоваться сказочно прекрасным пейзажем за окном, представляя тебя, такого милого и радостного.

Протянуть ладони навстречу солнцу, раздаривающему налево и направо обжигающее тепло и всеобъемлющее счастье. Нарисовать твое лицо на замерзшем стекле, коснуться его горячими губами, заставляя медленно таять и оседать на моих нежных ладонях капельками прозрачной воды. Доказать всему миру одним лишь взглядом, что

бескрайнее легкое небо и вправду соединяет наши души сквозь пространство и время, тысячи километров, сотни препятствий и границ.

Почувствовать твой аромат, такой далекий и такой неведомый, прилетевший ко мне вместе с морозным зимним

ветерком. Видеть твою улыбку в свете ночных фонарей, представлять твой силуэт в туманную ночь, когда ты

бредешь по заснеженным питерским улицам, ощущать каждое прикосновение шелка ночной сорочки к собственной

коже, словно оно наполнено трепетом касания твоих сильных ласковых рук. Вдыхать свежий воздух полной грудью,

ведь он уже навещал тебя там, на краю света, и вернулся для того, чтобы поведать мне о возлюбленном пару

увлекательных историй, согреть изнутри и вселить в мою душу давно утерянные силы.

Опуститься на колени, утопая во влажном снегу и собирая его дрожащими пальцами, понимая, что принесли мне

его облака знают о тебе – моем сказочном принце, гораздо больше, нежели знаю я. Осознавать абсолютную

невозможность нашего свидания, знать, что мы вовсе не половинки одного целого, но любить тебя так преданно и

нежно, как не любит никто.

Провожать взглядом утопающую в густых облаках радугу, посылать ей трепетные воздушные поцелуи, исчезающие

на разноцветной поверхности так, как иней может исчезнуть на моих губах. Верить в чудеса, жить ими, поднимаясь

к самому солнцу и забывая о том, что может причинить боль там, на Земле.

Сочинять сказки и заучивать их наизусть, надеясь, что хоть одна сможет лечь в основу сценария моей будущей

жизни. Отправлять надушенные письма в никуда, даже не надеясь получить ответ, лишь для того, чтобы

почувствовать себя хоть как-то связанной с тобой, моим ветреным, чутким мальчиком. Слышать твой голос,

обвивающий меня своей незримой пеленой и надолго оседающий в памяти. Лететь тебе навстречу бесчисленными

стаями птиц, холодными каплями дождя и сотнями падающих звезд, так и не достигая заветной цели. Упиваться

твоим искренним смехом и нанизывать на тонкую нить повседневности кубики льда моей страстной, безумной

любви. Ненавидеть тебя, презирать и унижать в сердцах, прекрасно понимая, насколько ты холоден, алчен и

высокомерен, но в то же время восхищаться твоим ожесточенным упорством, твоей деликатностью. Доверять твоему

таланту и открывать для себя каждый раз все более и более близкий образ.

Считать звезды, рассыпанные по бархатистому небесному полотну самой ясной ночью, строить из них причудливые

образы и соединять в сияющие картины. Радоваться каждому дню, каждой прожитой минуте, но в то же время

проклинать себя на чем свет стоит... Спросишь, за что? За то, что я уже не первый год являюсь такой чуткой

ранимой мечтательницей, но все свое тепло, свой трепет, копившийся в душе на протяжении долгих лет,

раздариваю налево и направо совсем не тем людям. Хитрейшим лицемерам, наглым врунам, опытным аферистам или

вовсе не доросшим до моей мудрости соплякам. Какого черта, спрашивается? Кто знает, кто знает... С детства расту

авантюристкой, пусть этот дивный талант и открывается постепенно, даже чересчур медленно. Привыкла рисковать

своим душевным равновесием, влюбляясь в миф, образ, яркую выдумку. Привыкла травить себе душу, мучаться и

страдать, каждый раз снова и снова наступая на старые грабли. Идея в самой безвыходной ситуации скользнуть

тонким лезвием бритвы по пульсирующим венам уже давно не в моде, да и вообще – склонность к суициду не

соответствует моему стилю, так что от одиночества и пустоты избавляемся всеми прочими доступными средствами. В

том числе страстными увлечениями, привязанностями к таким, как ты. Но мнение об объекте воздыханий может как

улучшаться, так и стремительно срываться с обрыва моего доверия, направляясь в самую бездну. Я не должна тебя

желать, любить и возносить на олимп обожания к прочим запылившимся фаворитам. Но, что поделать, такова

истинно женская природа – так что, волей-неволей, твое время пришло.

Свети и дальше всем в округе, рассыпай перед голодными людьми осколки блестящей фантазии, а я буду

любоваться ими в своем маленьком городе, чтобы, пусть и таким варварским, нелепым способом, но непременно

чувствовать себя счастливой.

[Откровение]

Мы часто корим себя за малейшие глупости, проклинаем на чем свет стоит, клянемся, что завтрашний день

проживем совсем по-другому, верим в то, что так оно и будет, бессовестно обманывая самих себя.

Мы знаем слишком много и по законам жизни нас уже давным-давно пора убить.

Мы лжем налево и направо, не краснея и не чувствуя своей вины, открываем самые глубокие тайны лучшим друзьям

просто потому, что привыкли рисковать, и никогда не просим ничего взамен, нагло ожидая ответной реакции.

Мы проводим полжизни в ожидании, четверть – в радости от обретения и ровно столько же – в печали от потери.

Мы часто задаем себе одни и те же вопросы, часто закрываем глаза на собственные недостатки, но еще чаще

забываем о близких людях, ведь есть дела куда поважнее, не так ли? Каждый новый день мы мечтаем измениться,

сделаться хоть чуточку лучше, повернуть время вспять и очутиться в прошлом, изменив его или исправив.

Мы знаем себе цену и назначаем цену другим.

Мы не верим в сказки, но отчего-то верим собственным надуманным страхам.

Мы осознаем свою вину, но никогда не просим прощения, а если и просим, то стиснув зубы и до боли сжимая

кулаки.

Мы обжигаемся снова и снова, но почему-то учимся только на собственных ошибках.

Мы предаем себя, но бесконечно любим тех, кто вокруг... А может быть, совсем наоборот?

Мы чувствуем боль, у нас случаются депрессии, но мы совсем не стремимся утешать родных и близких,

переживающих то же самое.

Мы знаем, что будет завтра, но забываем о том, что было вчера. Мы сильные, но только в глубине души.

Мы становимся циниками, сами того не замечая, и губим жизни тех, кто преданно верит в нас.

Мы страдаем, убиваемся, сходим с ума от нехватки понимания и сочувствия со стороны тех, кто вокруг, но сами

ничего подобного другим дать не можем. Нам тяжело, ведь все мы – люди, так или иначе старающиеся сделать этот

мир хоть чуточку лучше, пусть не своим примером, но все же.

Мы ждем, зная, что «завтра» будет несколько оптимистичнее, чем «вчера».

Мы чувствуем сквозь километры и надеемся на то, что после затяжного дождя над головами снова засияет яркое солнце.

Мы считаем минуты, слепо веря в искренность окружающих и ощущая вину лишь перед самим собой. Но, так или

иначе, мы справимся, прекрасно понимая, что когда-нибудь и это пройдет...

[Как жаль...]

Как жаль, что тебя сейчас нет рядом...

Ты – ледяной ветер, блуждающий среди семи морей, я же радуга, померкшая под покровом грозовых туч.

Ты – моя нежность на самых кончиках пальцев, словно пульсирующие разряды электрического тока, я же отблеск

грусти в твоих глазах.

Ты отражаешься в искрах огненного пламени, я же тенью скольжу по кристально чистой водной глади.

Ты – важная часть книги жизни, я же вырванная и скомканная страница из самой чувственной главы.

Ты – свет в моем маленьком окошке, я же твоя бесстыжая откровенность и твоя самая искренняя правда.

Ты – трепет в глубинах моей души, я же безнадежность, восседающая за твоей спиной.

Ты – воздух, обжигающий легкие своей неповторимой терпкостью, я же аромат хрупких цветков ванили.

Ты – ядовито-жгучий вкус сигарет, я же чашка утреннего кофе, согревающая твои замерзшие ладони.

Ты – одинокий, рассекающий бескрайние небесные просторы ястреб, я же крохотная синица в твоих руках.

Ты – мрачный отчужденный Берлин, я же твоя трепетная и ранимая Вена.

Ты – тепло моих чутких прикосновений, я же холод твоих соленых слез.

Ты – сладость на моих губах, я же резкий привкус безысходности.

Ты – радость в каждом моем слове, я же твоя бесконечная печаль.
Ты – ласковое вечернее солнце, я же вечно тоскующая луна.
Ты – мое отзывчивое небо, я же твоя медленная звезда.
Ты – мое счастье, я же твоя гибель.
Ты – это я, а я – это ты.
И пусть так будет всегда.

Как жаль, что тебя сейчас нет рядом...

[Лотерея]

Если бы вам дали задание дополнить слово «жизнь» тремя определениями, отражающими весь ее смысл, смогли бы вы ответить сразу, не раздумывая? А может быть, вы бы взяли тайм-аут в надежде на то, что умные мысли посетят воспаленное сознание ближе к вечеру? Произнести что-то типа «яркая, долгая и счастливая» получилось бы разве что в диснеевском мультфильме. Выкручиваться из ситуации, запинаясь и бубня себе под нос несусветную чушь, – бесполезно, отшучиваться, мотивируя несобранность и растерянность прошлой бессонной ночью, – тоже. Отвечать что попало – не выход, думать совсем не хочется, да и время тратить на такую мелочь как-то обидно. Так не проще ли послать несуразный мир ко всем чертям, громко хлопнув дверью? Действительно, проще.

А если бы в случае нелепого или нелогичного ответа вы бы потеряли значимость в обществе, веру в себя и свои силы, а в случае блестящей сдачи этого жизненного экзамена вам бы вручили два миллиона долларов США, ни центом меньше? Если бы на кону стояло ваше благополучие, счастье, здоровье... а может быть, и жизнь? Стоит предположить, что вы бы попросили минуту на раздумье, судорожно заставляя работать свой вечно усталый мозг, после чего, набравшись сил и сделав глубокий вдох, произнесли те самые три слова, которые перевернули бы с ног на голову ваше без того призрачное и нестабильное будущее. Да, вы бесспорно приняли бы это решение.

Не важно, каким должен был стать ответ, не важно, что бы случилось с вами минутой позже. Важно то, что под

давлением вы бы сделали все, что угодно, лишь бы сохранить то
немногое, что как-никак составляет смысл вашей

отчужденной и потерянной жизни. Под мощнейшим напором со стороны
общества или же конкретного человека вы

бы пренебрегли всеми принципами, безжалостно изменяя самому себе, в
надежде спастись. Но если вас прижали к

стенке, диктуя правила игры и принуждая к раздаче ответов, возможно,
ставших бы для вас роковыми, то, смею

уверить, бояться было бы уже нечего.

В такой ситуации мозг не в состоянии реагировать адекватно – волей-
неволей сморозишь какую-нибудь чушь и

лишишься всего на свете. Но действительно страшно становится тогда,
когда вопросы еще не заданы, но ты кожей

чувствуешь их неизбежность. В такие моменты снова и снова начинаешь
переосмысливать свою жизнь: кадры

прошлого пролетают перед глазами, и ты, листая дневник памяти,
останавливаешься на самых счастливых, боясь,

что ничего подобного с тобой больше не случится. Это обыкновенная
викторина – повезет или нет зависит лишь

оттого, насколько ты удачлив по жизни и как хорошо продумана твоя
«импровизация».

Возможно, тебя спасет собственная театральность, от избытка которой
порою начинает тошнить. Может быть, перед

испытанием ты примешь лошадиную дозу какой-нибудь дури и вовсе
отключишься в решающий момент. Еще минута,

и тебе станет плохо, а те, кто так садистски издеваются, упростят
правила и смягчат наказание до минимума. Может

быть, тебе повезет. Все может быть. Но есть еще один – единственный
верный – исход ситуации, полностью

оправдывающий спонтанность и изменчивость жизни, о которой и идет
сейчас речь.

Тот, кто так долго готовился, собирался с мыслями, надеялся задать тебе
те самые вопросы, вовсе не так страшен на

самом деле и отнюдь не собирался ни к чему тебя принуждать. За
искренность платят искренностью. Вот только ты и

не догадываешься, как сильно он ценил эту самую искренность в тебе до
того момента, пока ты не воспользовался

его доверчивостью и не установил на общей территории свои законы.
Жить в рамках тяжело, порою просто

невыносимо. Условия диктовать так просто, а вот подчиниться этим
самым условиям сможет далеко не каждый.

Человек, который хотел спросить тебя о многом, в тот момент, пока ты прячешься, скрываешься, сходишь с ума и
трясешься перед разоблачением, потерял интерес к этому театру нескольких несостоявшихся актеров. Вопросы сами
вылетели из головы, да и сил на то, чтобы их задать, выслушать клятвенные, но омерзительно лживые и
убийственно неверные ответы, а потом вершить так долго ждавшее своего часа правосудие, уже не осталось. Тебе
не должно быть страшно, ровно так же, как и его уже не мучает неизвестность. Он просто смирился и принял все как
данность.

Волшебным сказкам в нашем мире нет места, ведь даже их герои порою оказываются настолько жестоки, что сказки
сами собой становятся столь удручающей былью. Тот, кто так искренне желал быть рядом и дарить себя всего без
остатка, только здесь, только так и никак иначе, понял, насколько тяжелыми бывают расставания и разочарования в
одном лице. Ты сделал больно, он же делает больно в ответ не из чувства мести, а из необходимости выговориться.
Он ничего не ждет взамен, не упрекает и не читает нотации, а просто вершит ту самую справедливость без
тяготящих вопросов. Боли больше нет места, как нет места напряжению недосказанности и боязни оступиться.

И как итог я хочу добавить к слову «жизнь» несколько определений, полностью отражающих ее смысл лично для меня:

Порою забавная,
Порою трагически-грустная,
Но отныне полностью свободная и только моя.

[Эхо тишины]

Через окно во двор она могла видеть каждого, кто осмеливался проشمыгнуть на ее территорию – в сад старого
одинокого замка, укутанного густым туманом. Прислонив ладонь к ледяному стеклу, она следила за тем, как
заблудившиеся странники блуждали между покореженными деревьями, отпускающими пожелтевшие листья вместе с

северным ветром. Кто-то искал общения, а кто-то заглядывал сюда просто из любопытства. Так или иначе, все они

подходили к высоким деревянным дверям и, заметив предупреждение прямо над собственной головой, тут же

покидали пределы ее владений. Она ни разу не вышла во двор, не попросила кого-либо из них остаться, а только

тихо и совсем незаметно наблюдала за людьми из своего окна. Она страдала от бесконечных бессонниц и

катастрофического одиночества, но ни разу не покинула пределы своего замка. Сколько бы времени не прошло, она

все так же стояла у окна, безмолвно приветствуя наступающую осень.

Она ждала его, встречая блеклые закаты и провожая точно такие же безликие рассветы, не спуская глаз с ворот,

готовых отвориться в любую секунду. За окном все так же кружил тяжелый туман, все так же бродил холодный

ветер, уносящий с собой остатки необыкновенного лета вместе с опавшей листвой... вместе с воспоминаниями о дне,

когда она вернулась в эти земли.

Иногда в небе гремел гром, и отблески молнии наполняли пустынные тропинки, ведущие к замку, ярким светом,

который уже давно покинул эти в прошлом удивительные места. В такие моменты она сияла от счастья, так чисто и

искренне радовалась тому, что капли дождя разгонят непроницаемую мглу и ворота предстанут перед ней особо

отчетливо. Да, так и происходило, но и в те редкие моменты никто не возвращался. Последний их разговор она

помнила очень ясно, будто он произошел только вчера, – ссора, самая обыкновенная ссора, после которой он

покинул пределы ее сказки.

Не навсегда, нет, что вы – покинул до следующей встречи. В ту ночь она оставила ему письмо с извинениями. Весь

следующий день ждала его возвращения у открытого окна... и следующий... и следующий... Так прошло около

недели... затем еще больше.

Время не щадило ее чувств, как не щадило и ее саму. Она оставила ему еще несколько писем, но ответ так и не

приходил. Она знала абсолютно точно, что возвращение неминуемо – так же, как и восход солнца. Но именно тогда,

когда сердце сковывала болезненная тоска, на горизонте не было ни того, ни другого. Туман снова наводняя

извилистые дороги на пути к ее замку... нет, скорее к их общему замку. Она часто перечитывала старые письма,

часто изводила себя банальнейшими вопросами, на которые почему-то так и не находила ответа. Где он? Как он?

Что с ним?

Замок был все так же красив, возможно, даже лучше, чем она могла себе представить... Единственным минусом была

его патологическая пустота. Длинные коридоры, витражные окна, покрытые едва уловимым налетом старины,

высокие потолки, делающие комнаты еще более одинокими и забытыми. Все оставалось неизменным – лишь пейзаж

за окном менялся с течением времени. Иногда она бродила из одной комнаты в другую, и в каждом помещении что-

то напоминало ей о нем. Ей чудился его образ: то в отражении запыленного зеркала, то на дорожках увядающего

сада.

Порой ей казалось, будто чьи-то сильные ласковые руки обнимают ее за плечи, скользя холодными пальцами по

направлению к кистям, но как же нелегко было осознавать иллюзорность рисуемых в ее воображении картин.

Временами ей казалось, что его не было на самом деле, что все это миф, выдумка одинокой девушки,

заблудившейся в лабиринте собственных грез. И только написанные его рукой послания говорили о том, что это

далеко не так. Засыпая ночью, она молила Господа лишь об одном – чтобы тот близкий образ никогда не покидал ее

память. А утром снова стояла у окна, снова ждала, не спуская глаз с покореженных ворот, надеясь в один

прекрасный день услышать знакомый скрип старых петель, в котором она узнала бы давно забытую музыку

счастья...

[В поисках счастья]

Как незадачливо порою начинается то или иное время года – совсем не по плану, не по расписанию, бездумно и

своевольно вторгаясь в людскую жизнь. Этот раз не стал исключением, напротив, не успела отгреть и середина

по-осеннему уютной и теплой поры, как незаметно со шпионской осторожностью проскользнули в наши сердца

непривычные холода, вместе с мокрым снегом и пугающими порывами ледяного ветра. Складывается впечатление,

будто бы все это время наглая зима, стоящая за спиной безропотной осени, вынашивала план ее свержения в самый

неподходящий момент. Bravo! Идея удалась, могу поздравить. Тот сладостно-терпкий вкус последних капель солнца

исчез вместе с золотисто-багровыми опавшими листьями, смешавшимися с грязью талых снегов.

Сквозь плотно сомкнутые пальцы выскользнули и весенняя мечтательность, и летнее безумство, и осенняя надежда.

Не осталось ровным счетом ничего, что бы смогло вселить хоть маломальскую радость – лишь колкая стужа с

сезонным безразличием. Придется свыкнуться и с этим, ведь по-другому просто не может быть. Нам, романтикам,

склонным к философской задумчивости, не привыкать находить положительные черты и в бескрайнем мутно-сером

небе, и в устилающих окно потеках от грязной дождевой воды. Главное, вовремя внушить себе, что и это не

навсегда, что все пройдет спустя какое-то время. Но ведь и на романтиков находит тоска, случаются и у них

душевные кризисы. В таких случаях меня спасает лишь одно – оптимизм, привитый за годы жизни. Жить трудно,

умирать еще труднее... а может, и совсем наоборот. Какие глупые мысли порою посещают мою светлую голову.

Непроизвольная улыбка внезапно касается губ. Не перестаю удивлять саму себя снова и снова. Пытаясь сказать что-

то несомненно очень важное, завела разговор о погоде, плавно перетекший в проблемы бесконечно тоскующего

собственного «Я».

Незатейливое повествование со множеством подтекстов... Впрочем, я не привыкла изменять себе, поэтому

придерживаюсь заданной в далеком прошлом планки. Хотя зачем я вас обманываю? Все мои границы и планки были

установлены сравнительно недавно. Время на всех действует совершенно по-разному: кто-то становится мудрее,

кто-то свободнее, кто-то безнравственней, а кто-то вообще деградирует, и это жестокая правда жизни, как ни крути.

Кто-то зарабатывает склероз и не помнит, куда дел собственные очки, безмолвно восседающие на голове. Кто-то

ищет повода кому-нибудь что-нибудь написать, а кто-то ищет повода хоть как-то воздержаться от ответа. Кто-то

грустит, кто-то скучает, кто-то напивается в хлам и забывает обо всем на свете. У кого-то болят суставы, а кто-то жалуется на беспрерывно ноющее сердце. Кто-то уже, несомненно, ловит первые снежинки, мягко оседающие на ресницах, а кто-то провожает осень под проливным дождем. У всех своя судьба, для всех существует свое время. Но благотворное его влияние сказывается далеко не на каждом. Иной раз, отправляясь на другой конец города, спускаешься в метро, где предстоит путешествие в душном вагоне подземного поезда, и ежишься от колких взглядов случайных попутчиков. Но в этот раз все иначе... Плевать, что думают другие, и ты с невиданным ранее любопытством начинаешь изучать окружающих тебя людей. В раннем детстве это занятие могло казаться увлекательным, но теперь с каждым разом все больше убеждаешься в обратном. Лица все такие блеклые, серые, мрачные. В каждом читаешь одни и те же сухость и усталость от внезапно навалившихся мирских бед. Люди безоговорочно сошлись во мнении, что жизнь их невлюбила, а свою благосклонность дарит тем, кто сейчас в иной точке земного шара радуется каждой минуте собственного счастья. В такие моменты, пожираемая тоскливыми и унылыми взглядами, чувствуешь себя едва ли не радугой, излучающей свет и блещущей самыми яркими красками. Правда, этим людям на меня действительно плевать.

Разыскать близкого и родственного человека возможно, но это все равно, что разыскать иголку в стоге сена.

Приходя домой, вновь садишься перед пресловутым монитором, чувствуя, что ты кому-то до сих пор не безразличен, необходим, как снотворное в период затяжной бессонницы, чтобы успокоить и расслабить, направить в нужное русло. Но иногда появляется омерзительное ощущение, будто ты никчемный, затерявшийся среди пестрых побрякушек лот аукциона, выставленный в самую последнюю очередь. Все уже давно раскуплено, люди разошлись, и ты готов бесплатно броситься в руки первому встречному. Но в итоге найдется лишь один человек, приютивший тебя за неимением своей приятной мелочи. И каждый раз ты будешь лезть из кожи вон для того, чтобы понравиться ему заново, словно впервые, ведь так не хочется оказаться на свалке все с теми же побрякушками, пестрыми, но

уже изрядно потасканными.

Отчаиваться бесполезно, в этом я убедилась несколько раз за последнее время. Лучше дождаться, чтобы тебя

единожды согрел и пожалел родной человек, чем всю жизнь каждодневно жалеть саму себя по поводу и без.

Одиночество... вот, что наступает, когда в конце строки темно, хоть глаз выколи. Но образ жизни навевают

обстоятельства, от этого не спрятаться, не скрыться. Ты остаешься одна до тех пор, пока в онлайне не появится

зеленый огонек твоей надежды... надежды на понимание, на сочувствие, на тепло и ласку, пусть так и не объявшие

тебя. Ждать можно вечность, даже больше, стоит только захотеть. И снова легкая улыбка появляется на моих губах.

Скоро наступит настоящая зима, за окном на смену слякоти и грязи придет снег, кружащий в воздухе в своем

последнем танце перед тем, как коснуться холодной земли. А затем вновь романтическая весна и очень важный день в

моей жизни. Снова приливы бесконечной радости от первых солнечных лучей. Чуть позже вновь дерзкое лето и

ноющее сладким исступленным волнением сердце. А позже придет задумчивая осень, вместе с заунывной тоской по

минувшим временам. Я терпима и недюжинно терпелива.

Все пройдет, осталось только ждать...

[Послание]

Мой сладкий сон, заблудший странник, потерянный среди морей, я так устала, так печально считаю бесконечность

дней. Я не зову и не рыдаю, не говорю, как сильно нужен, но силы тихо покидают мою истерзанную душу.

И вот, собрав остатки воли, тебе шлю весточку о том, как сердце разъедает болью, когда тоска блуждает в нем.

Письмо нелепо и банально, вопросов быть и не должно, но наша встреча не случайна, как не случайно и письмо.

Остатки памяти не греют, румянец на щеках погас, надеюсь, все же уцелеет от нежных фраз моих хоть часть.

Пусть ветер шепчет о прекрасном, о том, что я сказать не в силах, пусть будет каждый день твой ясным, услышь

меня сегодня, милый!

Я не сержусь, когда лукавишь, тебя ни в чем не обвиняю, хотя ты сам прекрасно знаешь, как сильно я порой

страдаю от череды твоих загадок, от тишины, что не согреет... Но ты ведь прав, когда так краток, – судить тебя я не

сумею.

Тому виной и не наивность, не бесхарактерность, не лень, скорее, некая стабильность в желанье верить по сей день.

Пишу тебе о том, что знаю, как страшно мне одной, темно. Пишу тебе, ведь понимаю, что больше не спасет никто.

Пишу тебе не раз, не два – пишу, пока еще есть время! Пишу, как вышло, что со всеми, но в то же время я одна.

О нет, я знаю, что не лучше тебе блуждать среди ночей... Вот подвернулся чудный случай, захочешь – душу мне

излей, захочешь – отвернись жестоко, захочешь – ты меня убей или найди назад дорогу ко мне среди травы полей.

Ты волен делать все, что надо: страдай, играй в своих спектаклях, беги, стремись, напейся яду, я ведь спасу тебя,

не так ли? Прости... Мне грустно, я пьяна... какого черта так жестока ко мне беспечная судьба? Весь день без толку,

жизнь без толку, и ровным рядом стройных букв ложатся строки круг за кругом. Дрожащий свет свечи потух:

дослушай повесть, будь мне другом.

Я не мечтаю о тебе, я не прошу тебя у Бога, я не ищу к тебе дорогу, ну, может, только в сладком сне. Что ж,

разделяю эту ношу – несу свой крест я, как и ты. Но ты ведь тих и осторожен, а я безумна, уж прости. Дороги

заплелись немножко, столкнув меня с тобой в Сети, и беззаботной «легкой» ношей я навязалась по пути. О, тяжело

меня нести! Простят пусть боги за сарказм... куда теперь со мной идти? Куда бы спрятать, отнести, отдать, вручить,

как добрый дар, ну кто же примет, вот беда! Какие глупости терзают мой слабый разум без конца, да – без тебя я

замерзаю, в душе совсем не так сильна. Все будет, завтра будет лучше, пройдет неделя – все пройдет, чудесные

слова на случай, коль будет грустно в Новый год.

Как быстро ускользает время, я над собой сейчас смеюсь: «Одна со всеми, да – со всеми»... Ведь я несу такую чушь.

Никто не пожелал помочь, когда мне было одиноко, вам жизнь мою понять не в мочь, ну отчего вы так жестоки? Все

те, кто, через боль скрипя зубами, твердил о том, как я им дорога. Все те, кого уже давно нет с нами, все те, кому я

даром не нужна. Я пессимистка? Вот некстати, а было ведь наоборот...
Мое отчаянье не врет, не доросла до этой

«знати».

Мы так близки с тобой сейчас, так «нежно дружим» и страдаем, и я пишу
в который раз, ни на минуту не смолкая.

Мы путники среди тьмы ночной, блуждаем между звездных вспышек, ты
слышишь, несомненно слышишь, как говорю

сейчас с тобой. Я на алтарь, уж ты послушай, за все ошибки прошлых
лет, несущая растерзанную душу, но тишина

опять в ответ. Я не умру и не воскресну (лишь тихо плачет дождь со
мною) за то, что не была столь честной всю

жизнь сама перед собой.

Пронзают кожу, как разлука, шипы желания и страсти – но эта
сладостная мука сегодня по моей лишь части... Ты

словно айсберг в океане, ты словно тень моей мечты – сегодня дикие
страдания испытываем я и ты. Журчанием

воды речной и звонкой трелью птиц под небом пробудет образ твой со
мною, каким холодным бы ты не был.

Я не достойна так страдать, ты не достоин мною дышать, мы – не
достойные летать, мечтаем повернуть все вспять. И

я могу стихи слагать о нашей жизни и проблемах, в запасе у тебя есть
время? Тогда мы можем продолжать.

Хотя, я думаю, довольно, ведь напрягла тебя «слегка». И пусть мне
страшно, пусть мне больно, и пусть дрожит моя

рука, я не стыжусь своей души и строк сего письма несколько. А ты
живи, а ты дыши, и пусть тебе не будет горько.

Я виновата, я жестока, я одинока и слаба... я из бокала жизни много
прозрачных капель пролила. Ты не обязан был

сегодня понять заблудшую в тени, во мне играют боль и злоба, и снова я
считаю дни. Я не просила пониманья, я не

просила ничего, боясь спугнуть тебя желаньем того, другого и сего. Я не
кричу, я не ругаю тебя, себя – еще

полмира, я просто тихо собираю остатки от бывшего пира.

Моя война давно погасла, моя война давно не бремя... Надеюсь, все же
не напрасно была с тобой все это время. Я

не уйду назло другим, я буду править в этом доме, пусть в мимолетной
сладкой дреме, но буду править, черт возьми!

А ты свободен, ты беспечен, ты волен быть самим собой. Я здесь
закована на вечность, я здесь с тобой, всегда с

тобой.

Прости слова бессонной ночи, они давно уже не в моде: ключи от дома – на комодe, ты волен быть здесь сколько хочешь.

Письмо несет в себе тревогу печальных дней моей тоски. Пойми, будь добр, не грусти и отпусти меня на время, а лучше тихо прошепчи о том, как я была нужна, о том, как я была нелепа, что, поднимая руки в небо, я как дождя тебя ждала в бескрайней засухе потерь... Ты верь мне, бесконечно верь. Не обижайся, не беги, прости за пылкий мой порыв, ты замок хрупкий стереги – я объявляю перерыв.

[Время перемен]

Лететь безоглядно свободною птицей
По кромке небес, в высоту – ближе к Раю.
Замерзшие капли на тонких ресницах,
Боюсь оступиться, блуждая по краю. Приблизиться к солнцу, встречая рассветы,
Коснуться лучей, обжигающих кожу.
Сжимая в ладонях невидимый ветер,
Никто возродиться из пепла не сможет. Объять бесконечность, купаясь в надеждах,
Поверить в мечту, задыхаясь и тая...

Мы снова одни, ты ведь знал меня прежней,
Но время меняет – теперь я другая.
Как сладко начался сегодняшний день – практически без сна, без отдыха, без единой надежды на просветление, но с маниакально-отчаянной верой в светлое будущее. Оптимизм? Самой смешно... Скорее, бесконечная привычка редактировать страницы собственной жизни, тщательно дописывая к каждому «невозможно» короткое, но от этого не менее значимое «до поры, до времени». Одну за другой закрываю двери прошлых лет, тут же выкидывая ключи в озеро собственных несбывшихся надежд. Даю себе клятвенные обещания не заглядывать ни в одну замочную скважину, не проявлять опрометчивое любопытство и вычеркнуть из памяти то, что связывает меня со вчерашним

днем, исключительно ради тебя. Верю самой себе каждый раз, словно впервые. Иначе просто не может быть.

Надеюсь, что все начнется заново и с чистого листа, несмотря на то, что перо, бережно окунаемое в чернила цвета

ночи, бессовестно качается над каждой строчкой в такт биению моего сердца, роняя на белоснежную бумагу

неряшливые кляксы. Сама заковываю себя в эти цепи, накручиваю, пугаю и отталкиваю все самое лучшее.

Печальная, обидчивая и бесконечно одинокая... А раньше? Раньше я была такой? Боже, сколько воды утекло за

время моей беспросветной тоски.

Каждая проблема, каждая мелочь возникает из ниоткуда и вырастает до ужасающих размеров. Я тоскую, потому что

мне не о чем мечтать, не во что верить. Моей выдержке позавидовали бы многие. Иногда возникают мысли, не

проще ли мне сжечь саму себя подобно Фениксу, предвидя неминуемую гибель, чтобы в очередной раз

воскреснуть из пепла, когда гроза пройдет стороной? Толерантность общества не вызывает доверия, мои чувства,

как и моя душа, уже не раз подвергались жесткой критике. Люди негодуют и не могут понять, как возможен такой

отчужденный и замкнутый образ жизни, даже не спрашивая у меня, нужно ли мне их мнение. Терпеть и соглашаться,

проявляя хотя бы малейшее уважение к чужим жизненным принципам, – вовсе не одно и то же. Если честно, меня до

сих пор вводит в недоумение собственная преданность. Но самое смешное, и вместе с тем трагичное в моей судьбе –

нежелание расставаться с этой инстинктивной привязанностью к тебе.

Порою я грущу, порою мучаю себя бессмысленными вопросами, порою мучаю тебя длинными темами,

неоднозначными претензиями и уже изрядно поднадоевшими слезами. Мне так стыдно. Да и к тому же не очень

приятно признаваться окружающим в собственном занудстве. Ах да, я же положительный персонаж в этой сказке.

Надеюсь, не очень бросается в глаза? Иногда так хочется стать плохой, хоть на мгновение, за пять минут до того,

как на экране появится строчка «The End», неизбежно сменяющаяся затяжными титрами. Но нет же, в конечном

итоге чистое и непорочное содержимое вновь пробьется лучами света из-под тонкой кожи, так тщательно

скрывающей его от посторонних глаз. Я зависла в этом пограничном состоянии, и моему отравленному горькой

правдой жизни сознанию не помогут никакие антивирусы. Порою я прошу у Бога лишь глоток свежего воздуха, а

иногда становится и целого мира мало, пусть он еще не пал к моим ногам. Что ж – это мой удел: ни добрая, ни злая,

ни свет, ни тьма, ни огонь и ни вода. Возможно, от каждой стороны стоит черпать лучшее.

Я постараюсь справиться, мне не впервой. Вот только об одном я смею тебя попросить: когда почувствуешь себя

никчемным и забытым Богом, не вписывающимся в стандартные рамки и абсолютно одиноким среди множества

людей, никак не желающих разделить твоё мнение, – сообщи мне. Ведь объяснять друг другу скрытые тайны бытия

гораздо проще, когда есть хотя бы малейшая надежда на понимание со стороны собеседника. Верь в меня, как верю

и я в тебя, даже тогда, когда тень от луны вновь затмевает собою солнце. Я постараюсь вернуть твоё доверие,

подорванное событиями уходящих дней, ведь впереди у нас, пусть в мире, полном сожалений и обид, но от этого не

менее прекрасная – вечность...

[Когда...]

Когда огни ночного города зажгутся в твою честь и будут сиять бесконечно долго, словно наступившие сумерки

пожелали тянуться целую вечность...

Когда солнце на небе померкнет и взорвется с новой силой, посылая на холодную Землю свои искрящиеся лучи,

направляющие тебя на верный путь в темноте повседневности...

Когда звезды сольются воедино, затмевая своим ярким сиянием все на свете, лишь для того, чтобы осветить тебе

дорогу в этом запутанном, циничном и беспринципном мире...

Когда водная стихия захлестнет своей тяжестью спокойные и безмолвные берега, вихрями унося песок и мелкую

гальку на дно таинственных, загадочных и манящих океанов...

Когда молнии будут пронзять небесную гладь своими стрелами, разбивая раскаленный воздух на трепещущие части,

дабы разъяснить тебе, чего действительно в этой жизни стоит бояться...

Когда капли соленой воды будут степенно скользить по твоим щекам, а душу начнет разрывать крик безысходности

и тревоги, отравляя сознание своими ядовито-жгучими нотами...

Когда стремительный ветер, лицемерно утешающий в последнюю секунду одинокой и потерянной жизни, ласково

обнимет тебя перед тем, как столкнуть в пропасть с высочайшего обрыва...

Когда стены будут наступать на тебя с четырех сторон, с каждой секундой сжимаясь все сильнее и сдавливая

воспаленное сознание ожиданием неизбежной потери...

Когда ты поднимешь глаза в самую высь и увидишь над своей головой северное сияние, лучезарно переливающееся

на фоне мрачного и такого далекого космического пространства...

Когда тишина серых будней превратится в отчаянно зовущий гул ускользающего времени, дающий ответ на главный

вопрос, почему ты так и не успел подстроить этот безумный мир под себя...

Когда утро покажется тебе чуть слаще, чем обычно, предвещая неплохой выходной день и внушая уверенность в

собственных силах, раскрывая тебя с новой стороны и настраивая на нужную волну...

Когда день пройдет по плану, четко и абсолютно правильно, без единой ошибки или малейшей погрешности,

возвращая тебя домой и обещая улучшения в будущем...

Когда вечер вновь зажжет яркие фонари под твоим окном и потянет тебя выйти на улицу – отправиться за новыми

приключениями по тропинкам судьбы или нелепой случайности...

Когда ночь пройдет без сна и даже намека на него, неважно, где, неважно, с кем, как и почему, оставляя после себя

терпко-приторную сладость на губах и отдаваясь в кончиках пальцев цепью электрических разрядов...

Когда ты вновь сделаешь очередную затяжку сигаретного дыма, впитывая в свои легкие едкий никотин и собираясь

через несколько минут оказаться у пресловутого монитора...

Когда ты отчаешься верить в лучшее, забудешь самое главное, выбросишь несомненно нужное и почувствуешь себя

безысходно брошенным...

Когда ты захочешь чего-то, что, возможно, не было получено тобой в этот злополучный день...

Когда все будет слишком сказочно или пугающе ужасно...

Вспомни обо мне и напиши пару бессмысленных строк. А я найду, что ответить... несомненно найду...

Ведь, что бы ни происходило с нами в этом мире, как бы ни петляли наши дороги, где бы мы ни встречали утро, с

кем бы ни проводили ночь, кого бы ни любили, кого бы ни осыпали горячими поцелуями, – нас всегда будет

связывать один маленький пункт в графике собственной жизни:

Сеть...

И нет ничего страшнее, чем одиночество в ее пределах.

Плюс иногда я начинаю скучать по нашим тягучим разговорам ни о чем, по заумным длинным темам со скрытым

смыслом или же по волшебной игре на территории собственных фантазий.

И, думаю, нехватку всего этого испытываю не я одна...

Часть III. Немного рифм

[Сумерки]

Пустынные улицы полночь ласкает,

И мрак опустился на город мечты,

А тень незаметно собой накрывает

Забутые Богом дома и мосты.

Полярные сумерки много длиннее,

Чем мягкая робкая летняя ночь,

И солнце в такие моменты не греет,

Оно испугалось и кинулось прочь.

Туман наводняет пустые дороги,

Так тихо, лишь ветер играет листвой.

В душе ничего, кроме дикой тревоги,

И тучи сгущаются над головой.

Гроза наступает совсем незаметно,

А воздух прозрачней воды из ручья,
Мне тьма беспросветная призрачно шепчет
О том, чтобы я поскорее ушла.
И отзвуки грома беду предвещают,
А молния следует сразу за ним.
Они беспощадно и грубо сбивают
Сердечный спокойный размеренный ритм.
И капли дождя звонко хлещут по коже,
А вихри бушуют на каждом углу,
Жутчайший кошмар прекратиться не может,
Забрав с собой колкую летнюю мглу.
Но это гроза, а она ненадолго,
И ночи полярные тоже пройдут,
Тот холод, что сердце пронзает иголкой,
С собой в бесконечную даль уведут.
А солнца лучи вновь проникнут под кожу,
И тьма перестанет людей донимать.
Ничто испугать меня больше не сможет:
Всею свое время – осталось лишь ждать...

[Ожидание]

Я обернусь – ты не заметишь,
Я загрущу – ты не узнаешь,
И фразы с губ слетят, как ветер,
Мгновенно в воздухе растаяв.
Считая бесконечность дней,
В сердцах скажу, что не скучаю,
Но то, что на душе моей,
Никто в упор не замечает.
Давлю в себе обиды чувство,
А также дикую тревогу:
Мне без тебя нещадно пусто,
Найди назад ко мне дорогу...

[Счастье?]

Вокруг ничего, только ветра порывы
Сбивают меня с частоты тишины,
А сердце в груди с каждым стуком лениво
Считает к заветному счастью шаги.
И шелест листвы нарушает молчанье,
А слезы дождя, растворяясь в воде,
Пытаются снова найти оправданье
Поступкам, желаньям, законам и мне.
И кажется, будто стою слишком зыбко,
Стою на краю бесконечности лжи,
Еще один шаг – и случится ошибка,
Еще один миг – и сорвусь с высоты.
Но мне ведь не страшно, теперь я готова,
Я знаю, что сила в глубинах души,
Ведь чувствую счастье, ведь чувствую снова!
Слова здесь излишни, ты только молчи...
Найди на вопросы ответы в просторах
Немыслимых грубых запутанных тем,
Я снова живая и знаю, что скоро
И вовсе не будет на сердце проблем.

[Сердце, скованное льдом]

Часы замолкли у окна,
Старинный замок скован льдами,
А сказка, расставаясь с нами,
Исчезла вовсе без следа.
Земля усыпана листвой,
И солнце по утрам не светит,
Лишь ледяной осенний ветер
Нарушить смеет мой покой.
Закрываются двери на засов,
Звучит мелодия печали,

Все птицы, улетая в дали,
Прощаются без лишних слов.
И в звонкой тишине ночной
Лишь листопада шум чуть слышен,
А каплями дождя по крыше
Тоскуют небеса со мной.
Бояться и рыдать не смею,
Вздыхаю, грусти не тая, –
Ведь замерзаю без тебя,
Но жду и искренне надеюсь...

[Солнце]

Не нарушай любви границы и не стремись достать до солнца:
Не твоего полета птица – и даже если прикоснется,
То будет это на мгновенье... простись, забудь и отпусти.
Но если хочешь быть с ним рядом, то поднимись с колен – лети!
Ты можешь «рядом», но не «вместе», ты будешь рядом словно тень,
Обнимешь ночью нежным взглядом, но коль начнется светлый день,
О тени все вокруг забудут, а солнце как любили, так любить и будут.

Часть IV. «Автопортрет»

[Азбука Морзе]

Я все еще помню...
И буду помнить всегда...

Детство, искренность, наивность. Лето на удивление холодное, мальчик
– такой милый, ниже ростом, светленький.

Рука в руке, направляемся за стену дома, глупая фраза из моих уст,
первый поцелуй – в щечку, касание губ такое

невесомое, радости море. Легкомысленно, симпатия, не более, никто не
видел, слава богу, чувствую себя взрослой,
то ли еще будет.

Садик, много ребят, разные. Подруги... маленькие, но уже такие суки. Я самая мелкая, снежная блондинка: нос

кнопочкой, ветер в голове – одним словом, ребенок. Мальчишки, много, постоянно лезут целоваться, радуюсь, но

сопротивляюсь. Скакалки, классики, двор, слезы, грусть, еда отвратительная, морковная запеканка – пакость.

«Съешь половину!» – отрезаю вилкой, кладу поверх другой: «Съела!» Аферистка, смешно до колик. Мальчик

впервые поднял на руки, решительно, оторвалась от земли, как в кино, – отнес до раковины перед самым обедом,

счастье, пусть и мимолетное. Старые фото, помню себя, улыбаюсь, мамины клипсы на мочках ушей – довольная.

Конкурс красоты, платье, расшитое пайетками, голубой шелк. Не выиграла, а жаль. Роль, Золушка, не выговариваю

букву «Р», досадно: «Сколей бы поблизился вечел...» Логопед злорадствует. Рисуем что-то, зеленая лягушка,

получаю грамоту, приятно. Готовимся к школе: палочки, циферки, доска, мел – впервые в моих руках, считаю,

отвечаю с места, стараюсь. Видео, дома, на память.

Санаторий, лес, черника, столовая, пинг-понг. Огромный телевизор, солнечный свет, пробивающийся сквозь тонкие

шторы. Утро, как всегда, вечеринки – каждый вечер: взрослые с одной стороны, малышня с другой. Друг, близкий:

вдвое старше, блондин, милый, общительный, тянулся ко мне, сидела у него на коленях, жутко волновалась,

стеснялась, а он так тепло со мной, как с любимой игрушкой. Вечер, платье в цветочек, танцы, зажигаю, людям

нравилось, как я это делаю... раскованно, по-детски – забавная. Наступил медленный танец: друг подошел так

близко, а я ростом в два раза ниже, неловко, обняла сжатыми кулачками за пояс, а он меня за плечи – абсурд, но

трогательно. Танцуем неуклюже, получается. После «белый» танец: взяла розу, пошла разбивать пары, радуюсь,

достался самый крутой парень, хоть на мгновение. Конкурс, призы, конфеты, разноцветные фантики, помню, как

сейчас. Пора уезжать, грустно, так надо.

Дача, девчонки, отдых. Бабушка, дедушка, отец, новые знакомства. Вечер дома, я с подругами, неожиданный стук в

дверь – соседские мальчишки. Стеснительность проснулась, мы убежали на чердак, а там мертвые пчелы между

старых покореженных оконных рам, солнце, закат, смех. Одумались, спустились, открыли двери, все вместе прошли

в комнату. Сидим напротив, тишина мертвая, мячик из каучука укатился к нам в руки. Поймали, не отдаем. Постеры

в руках – Децл?.. О ужас. Дурочка, в прошлом, забудем. Мальчик, голубые глаза, мягкие черты лица, полные губы,

светлые волосы, – в обмен на мячик схватил с трюмо мой любимый брелок, нахал, отдали мяч, вернули «Пикачу»,

повезло, попрощались. Снова встреча, уже в другой день: общение, «бутылочка», кошмар – я придумала, должна

целовать, он ушел, обидно. Увиделись еще раз: мяч летит в лицо прямо из лужи, голубой костюмчик – вдрызг, смех,

до новой встречи. Синий велосипед, скорость, «полицейский тормоз», пыль летит в глаза. Магазин, карьер, тепло,

тот мальчик, мои подруги, его друзья, мимолетная фраза: «Девчонок стереги!» – ах, если бы так всегда! Сигарета

украдена у дедушки, зажигалка, черт, что я творю? Вкус – едкий, горечь, дым, проникающий глубоко в легкие.

Радость, теперь как все, гордая, подруге не понравилось, а ну и пусть – мне больше достанется. Затушила о лист

цветущего кустарника, здорово, чувство выполненного долга, дура, ушла. За глаза, за спиной, грязь. Расстались со

всеми, по воле случая, навсегда. Точка.

Школа: первый раз в первый класс. Все в порядке, пока нравится. Самая лучшая подруга, много ребят – в классе

тридцать человек, тесно, шумно. Девчонки разбились на группы: гламурные налево, «ботаники» направо, при всем

при этом сохранить нейтралитет не удастся, клеймо на долгие годы, а ну и пусть. Смех, слезы, все вперемешку.

Шепчемся о чем-то, парни такие нелепые, все девочки в отпаде, пускают слюни по главной троице... Красивые?

Навряд ли, стадное чувство. Уроки: география – моя страсть, история – сущий ад. Спустя несколько лет – в точности

до наоборот. Отличница, тяжело, но всегда неизбежно правильно: выхожу к доске, длиннющий пример решила без

единой ошибки, ребята аплодируют, горжусь собой. Парни распределили страны между девчонками: кто Китай, кто

Франция, а я... Америка, Аляска... безмерно радуюсь. Школьное фото – уже не блондинка, пепельно-русая, а жаль.

Продленка, первые годы, ребята, гуляем во дворе школы, сараи, железная дорога, чей-то чемодан, сломанное

дерево, на котором все «пружинили», обустроились, все что можно туда притащили. Через пару дней вещи

разбросаны, дерево перерублено топором – дикий страх, умчались, словно ветер. Туда ни шагу больше.

Одноклассница каждый год празднует день рождения, в гости – с подарками, домой – с шариками. Конкурс,

постановка, участвую! Взяла на себя все обязанности – будет «Белоснежка», спрашиваю: «Кто ее играет?» Все

дружно указывают пальцами на меня. Ок, не вопрос, все продумала, отыграли. Последний эпизод – яблоко,

знакомый вкус, театрально падаю на пол, принц примчался на швабре, в мясницком переднике и с мусорным

пакетом на голове. Наклонился, целует, бабочки в животе. Кто-то не разглядел, отыграли на бис, всем понравилось,

условный «день свадьбы», подхватил на руки так легко, смеюсь, боюсь обнять за шею, еще такая глупая.

Время идет, взрослею. Промотаем вперед: все музеи обошла, Эрмитаж, Господи, так кружится голова, нашатырь,

вот-вот рухну на землю – все-таки выдержала, молодец. «Мак'Дональдс», «Pizza-Hut», официант Леша, темненький,

такой милый, на чеке фамилия – бегом на сайт vkontakte.ru. Пообщались, разошлись навсегда, к лучшему. Его

фотографии на память. Пишу стихи, рассказы, когда-то были сценарии для Голливуда, детская глупость. Фильмы,

любимые до дрожи, до слез – такая чувствительная. Драмы – тяжело, триллеры – страшно, катастрофы –

спецэффекты нравятся, боевики – не мое, мультики – редко и только по настроению, разве что «Дисней» в память о

детстве, приятно. Фантастика, детективы, эротика – все вместе, фактически киноманьячка, обожаю. Прогулки, двор,

лес, гаражи, ветви кустарников, бьющие по ногам, разодрала колени – в кровь. Слежка, сосед такой трогательный,

мы с подругой непутевые, счастье... Надолго ли? «Орбит» и только он, город – самый центр, свобода, чистота, полет

души, сказка. Музыка: Вивальди, Рахманинов, Гендель, Шостакович – мой любимый вальс, этим все сказано,

Хворостовский – голос, мурашки по коже, Darren Hayes – навсегда, 30 Seconds To Mars – музыка нравится, а Джаред

Лето? Пафосный и чертовски привлекательный: все любят, в таком случае я не буду. Within Temptation –

удивительно, многое другое... Рок во всех его проявлениях плюс лирика для души. Литература: Зюскинд, Уайльд,

Мюзе, Марк Твен – забавный, к Харуки Мураками не лежит душа, Джек Лондон – не пошел ну никак, Кинг – горячо

любим, Вербер – интересуется, Паланик – хочется, но колется, Эрленд Лу – чужд, Фаулз – умело заинтриговал, а

после шокировал. Актеры, актрисы, страстное увлечение: Николь Кидман – блистательная, Наоми Уоттс –

талантливая, Ева Грин – чувственная, Мэгги Грейс – символ красоты и женственности, а вот насчет Анжелины Джоли

не разделяю всеобщих восторгов. Майкл Питт – негодяй и подонок, но, тем не менее, воплощение мужской

сексуальности, Эдвард Нортон – идеал во всем, но как к мужчине нет тяги: парадокс. Разнообразные интересы: язык

– итальянский, страна – Австрия, скрипка – приятнее прочего, трогает до глубины души. Смена имиджа, макияж,

модная стрижка, челка, колорирование волос, разноцветные прядки вперемешку: медь и пепельный блонд.

Облегающая одежда, точеный силуэт, страсть ко всему молодежному. Беды и радости случаются со мной

периодически и чередуясь. Люблю себя, родителей, мечтать о принце, хотя бы на самокате. Первые настоящие

чувства просыпаются так медленно, цветные сны, желание тепла и ласки. Где мой герой, жду не пойми чего:

сладолюбия на губах, касаний – случайных, а может, и намеренных. Плечи, шея, широкие ладони – жуткий фетиш. В

мечтах ясные глаза, их влажный блеск, аромат чьей-то кожи, пальцы, запутавшиеся в волосах. Фотоаппарат, снимки

– на них все подряд: животные, природа, люди. Идеал мужчины был, менялся, в результате пришла к выводу, что

его не существует. Ничего не жду, все придет само, когда настанет нужный момент.

Компьютер освоила давным-давно, мобильный есть, остался Интернет. Научилась, влилась в общую атмосферу

довольно быстро – пошло-поехало.

Не стоит продолжать.

У меня в запасе осталось множество чистых страниц и есть возможность взяться за написание своей судьбы с особым

усердием.

Я постараюсь оправдать собственные надежды и справиться в одиночку.

Но, в то же время, на полях я обязательно оставлю место для сигнала SOS...

В надежде, что кто-нибудь спасет меня из чувства долга, когда это будет особенно необходимо...

Ведь «мы в ответе за тех, кого приручили».

[Мне нравится...]

Мне нравится просыпаться утром, зная о том, что сегодня некуда бежать, некуда торопиться, незачем волноваться и

переживать...

Мне нравится изучать пристальным взглядом небо – самое искреннее явление на Земле...

И точно так же не нравится термометр за окном – самое лицемерное изобретение человечества...

Мне нравятся запахи ванили и миндаля, от сладости которых земля уходит из-под ног...

А еще мне нравится дышать собственной свободой, опьяняющей сильнее всего на свете.

Я ценю то, что подарили мне близкие люди, ведь пренебречь их поддержкой, оказываемой мне в трудную минуту,

попросту невозможно...

Я ценю каждый день своей жизни, не важно, к чему он относится: к прошлому, будущему или настоящему...

Я ценю тех немногих честных и преданных друзей, которых встречала на своем пути...

Я ценю каждый солнечный луч, каждое дуновение ветра, каждую каплю дождя...

Я ценю всех, кто верит в мои силы и желает мне всего самого лучшего.

Я боюсь новых утрат и потерь, боюсь лишиться самого дорого, самого ценного...

Я боюсь одиночества, которое периодически переступает порог моего дома...

Я боюсь тишины, которая, как ни обидно, следует сразу за одиночеством и сдавливает разум изнутри, не позволяя

сдвинуться с места...

Я боюсь темноты, ведь невозможно узнать, что ждет за поворотом, если у последних источников света сели

батарейки...

Я боюсь в один прекрасный день забыть о своем существовании, боюсь потерять себя.

Я желаю научиться понимать людей лучше, чем понимаю сейчас...

Я желаю вернуться на пару лет назад и исправить множество нелепых, глупых и болезненных ошибок...

Я желаю окунуться в новую жизнь, но не знаю, с чего в таких случаях начинают...

Я желаю научиться читать между строк, различать знаки, расстаться с болью, вечными несчастьями и прочими

бедами...

Я желаю этого не только себе.

Я верю в судьбу, хотя считаю, что всегда есть шанс ее подкорректировать...

Я верю людям несмотря ни на что, верю беспричинно и зачастую ошибаюсь...

Я верю в чудеса и сказки, которые порою помогают забыться – выбросить из головы бесполезный хлам несбывшихся

ожиданий...

Я верю в совпадения, которые иногда далеко не случайны...

Я верю в то, что когда-нибудь окончательно перестану разочаровываться в людях, потому что мне больше ничего не остается.

Я жду каких-либо изменений в своей жизни и всеми силами стараюсь сократить бесконечные часы ожидания...

Я жду первого листопада, первых снежинок, первой весенней капли, а потом снова и снова – и так до

бесконечности...

Иногда я жду следующего дня больше, чем чего-либо, а иногда напротив, пытаюсь продлить радостные моменты

нынешнего...

Я жду тепла и света в надежде на то, что в этот раз они не скоро уступят ненастью...

Я жду бесконечно долго и терпеливо... Каждый день, каждую минуту.

Я остерегаюсь банальных фраз, вопросов и приветствий, потому что ничто не может так сильно вывести из себя...

Я остерегаюсь глупых мужчин просто потому, что за последние годы повстречала их немало...

Я остерегаюсь пафосных женщин просто потому, что сама такой не являюсь...

Я остерегаюсь темных пустынных переулков и лабиринтов, таящих в себе скрытую угрозу...

А еще я остерегаюсь неизвестности... Наверное, это к лучшему.

Мне нравится перелистывать страницы старого фотоальбома, вновь и вновь погружаясь в воспоминания – и

радостные, и ностальгически-грустные. Не важно, каких моментов было больше, в любом случае я ценю каждый час,

каждую минуту, каждую секунду, связывающую меня с безвозвратно ушедшим прошлым. Я очень боюсь, что когда-

нибудь от красок памяти не останется и следа – они сольются воедино, превращаясь в бесконечно-серый дым и

растворяясь во все более новых и новых впечатлениях. Я желаю, чтобы этого никогда не произошло. Я верю, что

завтра будет лучше, чем вчера, и терпеливо жду того часа, когда солнце трепетно прижмется своими румяными

щеками к горизонту, сливаясь с ним в безмолвном поцелуе. А еще иногда я отвлекаюсь, пересчитывая небрежно

разбросанные по небу звезды, и именно поэтому остерегаюсь туманных ночей, лишаящих меня такой возможности.

[Заветные желания]

Вы никогда не пробовали взять в руки карандаш и чистую тетрадку, а после составить список своих самых

взбалмошных, несуразных, но в то же время заветных желаний? Не пробовали, но хотели бы? Так почему же не

рискнете сделать это прямо сейчас? Отсутствие времени как банальная отговорка – не принимается, ведь в этот

самый момент вы упускаете драгоценные минуты, пожирая взглядом каждую новую строчку моего обращения и не

задумываясь о необходимости бежать на работу или учебу, да что там – даже на кухню, к плите, где уже давным-

давно верещит писклявый чайник. Лень не в счет: будь бы вы так ленивы, не тратили бы силы на поиски скрытого

смысла в моих простейших словах, а попросту развалились бы на диване, бережно уложив ноги на журнальный

столик и степенно перебирая кнопки телевизионного пульта. Усталость, обида и внутренняя опустошенность? Нет-

нет, не стоит на ходу сочинять сказки, дабы уйти от ответственности! Приходим к выводу: ничто не может помешать

вам собрать вместе и увековечить на бумаге самые сокровенные фантазии – так что немедленно приступайте! Я, в

свою очередь, последую вашему примеру: будет лишний повод улыбнуться тоскливыми осенними вечерами,

вспоминая, чего хотелось мне в прошлом. Удачи! Возможно, в отличие от меня хоть кто-то сможет довести начатое

дело до конца и после собственноручно воплотить в жизнь пусть не каждые, но от этого не менее искренние мечты,

записанные в старых потрепанных блокнотах по моей наводке.

Я многое хочу исправить, переписать заново тот или иной момент в книге собственной жизни. Вернуться в прошлое,

подкорректировать его, предотвратить трагедии и неудачи, наверняка, мечтают многие – здесь я не оригинальна.

Хотя, кто знает, если бы мы имели возможность изменить прошлое, изменилось бы и наше будущее, так ведь? А

нужно ли это? Лично мне – нет. Могли бы сегодняшние дни стать еще лучше? Не думаю: я вполне счастлива,

прекрасно себя чувствую в перерывах между долгими депрессиями, надеюсь начать жить заново, но только не с

чистого листа, боже упаси! Слишком долго шла к тому, что имею сейчас, много раз ошибалась и спотыкалась,

срываясь с высоченного обрыва неизбежности буквально в нескольких метрах до назначенной цели. Обжигалась,

мучалась, страдала и проливала реки слез – так что каждая мелочь, наполняющая ценностью мое настоящее,

заслужена и заработана собственной кровью. Я хотела бы подарить близким недюжинное здоровье, которого им

всем порою так не хватает, долгие годы жизни, а еще яркое, красочное, лучезарное счастье. Но, опять же, кто этого

не хочет?

Я хочу быть любимой и дарить любовь в ответ своему милому, родному, близкому человеку. А еще в каждой

ситуации, в каждой ссоре поступать так, как делают это более опытные люди, более мудрые и терпеливые.

Перестать терять самое дорогое или хотя бы научиться отрывать от себя значимых людей, неизбежно причиняющих

боль так, чтобы шрамов на сердце больше не оставалось. Я хотела бы каждый новый год начинать со светлых

воспоминаний и заканчивать радостно, с улыбкой и неизбежной надеждой на светлое завтра.

Я хочу доверять людям, точнее, не просто доверять, а знать, что доверие полностью оправдано. Но это глобальные

желания, опорные, самые главные, которые я загадываю под бой курантов в ночь на первое января. Они важны, но,

тем не менее, не то что бы банальны – скорее, стандартны и возникают так же у многих других людей. Гораздо

увлекательнее погружаться в сказочные мечты, практически невыполнимые или же вовсе граничащие с

безрассудством. Например, я хотела бы управлять своими снами, вмешиваться в них и влиять на происходящее.

Хотела бы, чтобы сахар в каждом кафе был исключительно ванильным и источал необычайно нежный аромат. А еще,

чтобы зимой вот так, без всякого скрытого умысла закутаться в длинный шарф и, выбежав из дома, отправиться в

самый центр города. Просто гулять по улицам, улыбаясь каждому солнечному лучу, искрящемуся и

переливающимся всеми цветами радуги в снежинках, оседающих на моих волосах. Ни о чем не думая раздаривать

налево и направо добродушные взгляды. Переходя дорогу, случайно задеть плечом ужасно занятого юношу с

мобильным телефоном у уха. Хочу окинуть его недоумевающим взглядом... хочу, чтобы он обернулся вслед, думая,

не судьба ли это? Хочу, чтобы эта встреча действительно стала нашей общей судьбой. Мечтаю, чтобы он был

забавным, обаятельным и очень талантливым. Чтобы писал книги или картины, но ни в коем случае не стихи!

Наличие этого романтического увлечения в молодых людях меня несколько смущает. Не хочу, чтобы мой

возлюбленный был рифмоплетом. А еще занудой и меланхоличным самовлюбленным эгоистом. Хочу, чтобы он

улыбался как можно чаще и фактически заражал меня заливистым смехом и ужасно позитивными эмоциями. Мечтаю, чтобы он относился ко мне с чрезвычайным трепетом, какой-то необыкновенной бережностью. Чтобы шел на компромиссы, чтобы в наших семейных войнах никогда не было проигравших. А еще я очень хочу, чтобы в нашей совместной жизни быт и повседневная рутина не смели разрушить уют и домашнюю идиллию.

Искренне желаю, чтобы мой молодой человек любил жизнь, музыку, кино, литературу, искусство во всех его проявлениях, ну и, разумеется, меня. Хочу, чтобы мы с ним засиживались у компьютера, листая фотографии прошлых лет, ходили в кино на самые романтические фильмы, а еще увлеченно целовались у всех на виду, да так, чтобы людям завидно было. Боже, совсем замечталась... да что мы все о любви и о любви?! Я хочу отправиться на необитаемый остров и встретить там одного-единственного человека, а лучше – мужчину своей мечты. Вместе с ним строить плот, собирать с земли опавшие кокосы и преодолевать всяческие трудности.

Мечтаю примерить пышное платье эпохи Ренессанса и, попав на старинный бал, закружиться в танце с самым галантным кавалером. Хочу найти под дверьми своей квартиры миллион долларов в стильном серебристом кейсе. И чтобы деньги были настоящими, чистыми и ни в коем случае не собственностью местных мафиози! Мечтаю потратить находку на благие цели и расходовать полученные средства очень экономно. Мечтаю попасть в Австрию минимум дня на три – максимум на недельку. Мечтаю вживую лицезреть Альпы, ужасно хочу взглянуть на них хоть раз! Ведь горы привлекают меня гораздо больше, нежели бескрайние океаны и освещенные ласковыми солнечными лучами лазурные берега.

Хочу сидеть на холодных каменных ступеньках в какой-нибудь европейской столице и сочинять стихи, записывая их в блокнот с металлическими кольцами. Грызть кончик пластиковой ручки и задумчиво вглядываться в лица прохожих. Хочу в туманный пасмурный день срисовать Эйфелеву башню с оригинала. Хочу наделить себя огромнейшими полномочиями и распустить злосчастный «Дом-2», а после подорвать опустевшую площадку, чтобы от

нее и места мокрого не осталось. Хочу узнать, где заканчивается Вселенная и есть ли жизнь на Марсе. А еще хочу понимать все с полуслова и убедиться в существовании настоящих чудес.

Мечтаю, чтобы в Италии обитали вампиры, сравнимые разве что с фарфоровыми куклами: с бледной кожей, едва ли

не ангельскими лицами и блестящими глазами. Хочу, чтобы они были понимающими и человеческими, как бы это

несуразно не прозвучало. Хочу передвигать предметы усилием мысли и обладать какими-нибудь магическими

способностями. А еще с детства пытаюсь научиться петь, но пока делаю это исключительно в душе, чтобы у соседей

не случилось сердечного приступа. Еще хочу сняться в клипе какой-нибудь известной американской рок-группы или

же печального, трогательного французского исполнителя. А если бы ко всему этому в придачу стать великой

актрисой, но исключительно в безумных фантазиях! Сыграть Лолиту, пока внешние данные позволяют. А партнером

по фильму будет непременно Эдвард Нортон. А потом все свои старые сценарии доведу до конца и отправлю

прямым ходом в Голливуд. И пусть по ним снимут увлекательнейшие фильмы с моими любимыми актерами в главных

ролях. После меня пригласят на какую-нибудь светскую вечеринку, и, по велению волшебной палочки, о которой я,

кстати, тоже мечтаю, героиня вечера научится говорить по-английски без единого намека на корявый русский

акцент. Встречу там некоего известного юношу и постараюсь флиртовать с ним до потери пульса.

Мечтаю весь вечер любоваться этим удивительным актером и умиляться его юношеской непосредственности. А после

торжественного вечера мы запремся в роскошном гостиничном номере, будем веселиться, распивать на двоих

бутылку дорогого французского вина и исполнять самый романтичный медленный танец в полной тишине. И пусть

люди на улице спешат по своим делам, пусть машины бесцеремонно сигналият, а свет в окнах медленно гаснет. Пусть

стрелки часов остановятся на целую ночь, а придут в себя только к утру. Я буду смотреть в его прищуренные глаза

самого бледного небесного оттенка, разглядывать несуразное лицо, поражаясь, как, имея ужасно высокие скулы,

неестественно кукольный рот и абсолютно неадекватную мимику, можно оставаться настолько привлекательным.

Или это вино так пьяняще действует, или со мной что-то не в порядке. И я ласково обниму ладонями его лицо,

потянусь к глазам и нежно поцелую глубокий шрам на левой брови своего сказочного принца. Он улыбнется,

прижмет мою ладонь к своей щеке... Мы будем изучать друг друга несмелыми взглядами, но в тот момент, когда

терпение полностью иссякнет, лямка атласного алого платья внезапно соскользнет с моего плеча.

А утром я не стану его будить, осторожно коснусь щеки теплыми губами, соберу вещи и перед самым уходом

оставлю крохотную записку на столе. Он, несомненно, ее найдет и схватится за голову, стараясь вспомнить, что же

произошло вчерашней ночью. А на листке бумаги будет красоваться лишь пара саркастических фраз: «Мой милый,

произошло ужасное недоразумение! Так и скажешь коллегам по съемочной площадке, когда они спросят, с какой

статьи у тебя вся шея в тональном креме. Удачи и не поминай лихом, малыш!»

А после я вернусь в Санкт-Петербург для того, чтобы загадать еще несколько забавных желаний и пополнить свой

блокнот. А вы там как? Справились с поставленной задачей? Если да, то искренне могу поздравить. Надеюсь, чайник

с плиты все же был вовремя снят. А пока мы с вами мечтали, было достаточно времени подумать над тем, как

сделать что-то из собственных фантазий былью. Перечитайте нескладную рукопись с самого начала, а затем смело

приступайте к исполнению своих желаний. Хотя бы тех, что не требуют особых финансовых затрат. Поверьте – если

помощи ждать неоткуда, а хочется ну очень многого, не ждите подарок от мифического Санта Клауса, а сделайте его

себе сами. Желаю терпения, моря внутренних сил и удачи. Надеюсь, у вас все получится!

Адрес электронной почты автора:

k.kulyanova@gmail.com